

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

МГПУ

СЕРИЯ

«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.

ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

№ 3 (43)

Издается с 2008 года

Выходит 4 раза в год

Москва

2021

SCIENTIFIC JOURNAL

MCU JOURNAL

**OF PHILOLOGY. THEORY
OF LINGUISTICS.
LINGUISTIC EDUCATION**

№ 3 (43)

**Published since 2008
Quarterly**

**Moscow
2021**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М.

председатель

Рябов В. В.

заместитель председателя

Геворкян Е. Н.

заместитель председателя

Агранат Д. Л.

заместитель председателя

ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования Российской Федерации,
член-корреспондент РАО

президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук,
профессор, академик РАО

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Тарева Е. Г.

главный редактор

Викулова Л. Г.

заместитель главного редактора

Смирнова А. И.

заместитель главного редактора

Алмазова Н. И.

доктор педагогических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский
государственный политехнический университет Петра Великого)

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, доцент

кандидат филологических наук, доцент

Афанасьева О. В.

Беляева И. А.

Бубнова И. А.

Борботько Л. А.

ответственный секретарь

Геймбук Е. Ю.

Джанумов С. А.

Кафтанджиев Христо

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор филологии, почетный доктор, профессор

(Софийский университет им. св. Климента Охридского, Болгария)

доктор филологических наук, профессор

кандидат филологических наук, доцент

Курдюмов В. А.

Матвеева И. И.

секретарь

Поршнева Е. Р.

Прохоров Ю. Е.

Радченко О. А.

Романова Г. И.

Сагаз Мицунори

Собянина В. А.

Сулейманова О. А.

Сурьянараян Нилакши

Тышковска-Каспиак Эльжбета

Чернявская В. Е.

доктор филологических наук, профессор

(Нижегородский лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова)

доктор филологических наук, доктор педагогических наук, профессор

(Санкт-Петербургский государственный университет)

доктор филологических наук, профессор

(Московский государственный лингвистический университет)

доктор филологических наук, доцент

доктор филологии, доцент (Университет Сока, Токио, Япония)

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор филологии, профессор (Делийский университет, Индия)

доктор филологии, профессор (Вроцлавский университет, Польша)

доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербургский
государственный политехнический университет Петра Великого)

доктор филологических наук, профессор

доктор педагогических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

Чупрына О. Г.

Языкова Н. В.

Ярыгина Е. С.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Чеснокова Т. Г. «Великий Холод» и русская тема в романе
В. Вулф «Орландо»: об одной литературной переключке8
- Красовицкая Ю. В. Бегство и возвращение: осмысление
феномена эмиграции в рассказах Анны Зегерс21
- Кондратова Т. А., Попова А. В. Проблема женского сознания
в драме Ван Шифу «Западный флигель»29

Русистика. Германистика. Романистика

- Овсейчик Ю. В. Семантика и функционирование сочинительного
союза *ou* ‘или’ в среднефранцузском языке40
- Воробьева Е. Ю. Цветовое восприятие как средство
эмоционального воздействия54
- Казаченко О. В., Иванкина Г. А. Субъективное значение
ценности «толерантность» как заимствованной мировоззренческой
категории60

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

- Стеколыщикова И. В. Натуралистические идеи в ранних
научных трудах Н. В. Крушевского71
- Колмогорова А. В., Горностаева Ю. А. Дискурсивная
специфика эмоциональной легитимации монархии
в испанских СМИ79

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

- Тарева Е. Г., Деркач А. В. Сопоставительный анализ
национальных систем уровней владения иностранным языком
в аспекте унификации и вариативности95

Додыченко Е. А. К вопросу о концепции профессионально-ориентированного обучения латинскому языку (на материале терминологии римского права).....	105
Гурулева Т. Л. Трансформация системы компетенций владения китайским языком: структурно-содержательный анализ версии 3.0	113

Слово молодым ученым

Лян С. Гендерные исследования о творчестве А. П. Чехова в КНР	124
Дьяченко М. П. Межперсональность в письменной деловой коммуникации: межкультурная бизнес-среда.....	130
Миронова Н. Р. Образы водной стихии в прозе И. А. Бунина.....	136
Рязанова В. А. Множественная трактовка сложных слов в эквивалентных словосочетаниях	143
Крашенинникова И. В. Аксиологическая семантика денег в русскоязычных песенных текстах современности.....	149

Критика. Рецензии. Библиография

Девятова Н. М. Рецензия на: Шаповалова Т. Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания: монография. – М.: ИИУ МГОУ, 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). ISBN 978-5-7017-3223-8	157
Бирюкова Е. В., Борисова Е. Г. Маркетинговая лингвистика: проблемы и перспективы развития	160

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Филология. Теория языка.

Языковое образование», 2021, № 3 (43)

Требования к оформлению статей.....	171
-------------------------------------	-----

CONTENTS

Literary Science

- Chesnokova T. G. «The Great Frost» and the Russian Plot Line
in V. Woolf's Novel Orlando: Studying the Literary Parallel 8
- Krasovizkaya Yu. V. Escape and Comeback: the Phenomenon
of Emigration in Anna Seghers' Stories 21
- Kondratova T. A., Popova A. V. Women's Consciousness
in Wan Shifu's Drama "Romance of the Western Chamber" 29

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

- Auseichyk Yu. V. Semantics and Functioning of the Coordinator
ou 'or' in the Middle French 41
- Vorobyeva E. Yu. Color Perception as a Means of Emotional
Impact..... 54
- Kazachenko O. V., Ivankina G. A. The Subjective Meaning
of the Value of Tolerance as a Borrowed Ideological Category 60

Linguistic Theory. Cross-Cultural Communication Theory

- Stekolshchikova I. V. Naturalistic ideas in the early Scientific
Works of M. Kruszewski..... 71
- Kolmogorova A. V., Gornostaeva Yu. A. The Discursive
Specificity of the Emotional Legitimation of the Monarchy
in the Spanish Media..... 79

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

- Tareva E. G., Derkach A. V. Levels of Language Proficiency:
A Comparative Overview..... 95
- Dodychenko E. A. On the Conception of Profession-Oriented
Latin Language Teaching (on the Basis of Roman Law
Terminology)..... 105

Guruleva T. L. Transforming the System of Competencies in Chinese Language Proficiency: Structural and Content Analysis of the Version 3.0	113
--	-----

Young Scientists' Platform

Lyan S. Gender Studies of A.P. Chekhov's Works in China	124
Dyachenko M. P. Interpersonality in a Written Business- Communication in an Intercultural Business-Domain	130
Mironova N. R. The Images of Water Element in I. A. Bunin's Prose	136
Ryazanova V. A. Multiple interpretations of Complex Words in Equivalent Word Combinations	143
Krasheninnikova I. V. Axiological Semantics of Money in Russian-Language Song Texts of our Time	149

Criticism. Reviews. Bibliography

Devyatova N. M. Review of the Monograph: Shapovalova T. E. Temporal Semantics of a Poetic Phrase. – M: IIU MGOU, 2020. – 1 Elektron. opt. disk (CD-ROM). ISBN 978-5-7017-3223-8	157
Biryukova E. V., Borisova E. G. Marketing Linguistics: Challenges and Prospects	160

Authors of the «MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education», 2021, № 3 (43)

Requirements for the Style of Articles	171
--	-----

Т. Г. Чеснокова

«Великий Холод» и русская тема в романе В. Вулф «Орландо»: об одной литературной перекличке

«Русский сюжет» из первой главы романа В. Вулф «Орландо» не раз привлекал внимание исследователей, как и шекспировские мотивы в поэтике книги. Вместе с тем до сих пор не были подробно исследованы параллели между упомянутым «русским» эпизодом и комедией У. Шекспира «Бесплодные усилия любви». Обращение В. Вулф к мотивам этой пьесы представляет собой пример переплетения интереса писательницы к «русской точке зрения» с ее вниманием к произведениям Барда. Помимо сюжетных перекличек между двумя произведениями в статье рассматривается отражение в них архетипического мотива спора Зимы и Весны / Лета, который становится метафорическим ключом к характеристике персонажей и ситуаций.

Ключевые слова: У. Шекспир; «Бесплодные усилия любви»; В. Вулф; «Орландо»; сравнительный анализ; спор Зимы и Весны.

В ряду произведений классика английского модернизма Вирджинии Вулф роман «Орландо» («Orlando: a Biography», 1928) занимает особое место. Задуманная как разновидность литературной шутки, эта книга долгое время оставалась в тени таких прославленных модернистских романов В. Вулф, как «На маяк» и «Миссис Дэллоуэй». Подлинное признание пришло спустя несколько десятилетий после публикации книги в 1928 г. Роман стал «предвосхищением интертекстуальных романов-лабиринтов постмодернизма» [10], он интересен также актуальной для современной культурной повестки трансгендерной проблематикой. Его заглавный персонаж, родившийся мальчиком в елизаветинскую эпоху, на одном из этапов своего более чем 300-летнего жизненного пути просыпается женщиной и сохраняет новый гендерный статус вплоть до конца повествования, которое обрывается на «двенадцатом ударе полуночи в четверг одиннадцатого октября тысяча девятьсот

двадцать восьмого года (здесь и далее выделено мною. — Т. Ч.)» (гл. 6)¹; ср.: «...the twelfth stroke of midnight, Thursday, the eleventh of October, Nineteen Hundred and Twenty-eight»².

Шесть глав романа соответствуют шести эпохам, спроецированным на историю английской литературы и искусства (от Ренессанса до модернизма). Стил каждой главы пронизан элементами преобладающей стилиевой манеры соответствующего литературного периода, что позволило Н. Мельникову, перефразируя слова В. В. Набокова о русской литературе и о романе «Дар», утверждать, что героиней стилизованного романа-биографии является не Орlando, а английская литература [10].

В рамках статьи речь пойдет о центральном романтическом эпизоде первой главы романа, где описана юность Орlando, сохраняющего на данном этапе мужскую гендерную ипостась. Исторический фон — поздние годы царствования королевы Елизаветы I и вступление на престол ее наследника — первого короля из шотландской династии Стюартов Иакова I.

В «елизаветинской», первой главе сказался интерес Вирджинии Вулф к английской литературе и культуре раннего Нового времени. Свидетельством этого интереса стало обилие отсылок к произведениям литературы и искусства названного периода. Особое место занимают шекспировские реминисценции. Исследователи неоднократно отмечали в романе интертекстуальные связи с «Отелло», переключки с комедией «Как вам это понравится» («As You Like It», 1599?) (см.: [11, с. 116–117, 119–120]), к которой, возможно, восходит имя центрального героя [20, р. 189; 11, с. 120], интертекстуально связанное также с поэмами М. Боярдо («Orlando innamorato») и Л. Ариосто («Orlando Furioso»), в русском переводе — «Влюбленный Роланд» и «Неистовый Роланд». Роман и комедию также сближает популярный в ренессансной драматургии мотив кросс-гендерной трансформации, у Шекспира — иллюзорно-игровой (основанной на переодевании), у Вулф — иллюзорно-«реальной», представленной как свершившийся факт: «Наше дело — установить факт: Орlando был мужчиной до тридцати лет, после чего он стал женщиной, каковой и пребывает» (гл. 3). — «It is enough for us to state the simple fact; that Orlando was a man till the age of thirty; when he became a woman and has remained so ever since». Реже упоминается пьеса Шекспира «Бесплодные усилия любви» («Love's Labour's Lost», ок. 1595), которую объединяет с «Орlando» наличие «русского следа» в сюжете и некоторые другие общие мотивы.

В пьесе наваррский король Фердинанд и трое его придворных пытаются выразить свои чувства к Французской принцессе и сопровождающим ее дамам, скрывшись под маскарадными костюмами выходцев из России. В романе Орlando влюбляется в «настоящую» москвитку — Марусю Станиловску Дагмар Наташу Илиану из рода Романовых (Marousha Stanilovska Dagmar Natasha Iliana

¹ Здесь и далее перевод Е. Суриц, цит. по: [1, с. 307–468].

² Здесь и далее подлинник цит. по: [7].

Romanovich) — племянницу русского посла, прибывшую в Англию по случаю коронации Иакова и с первого взгляда поразившую юношу необычным нарядом и мастерским катанием на коньках³.

«Наваррская» комедия Шекспира и «трансгендерный» роман В. Вулф рассматривались в общем контексте Д. Палмером [23], который подошел к их сопоставлению с точки зрения трудностей презентации России средствами британских культурных стереотипов и речевых стратегий английского языка (в первую очередь шекспировской эпохи)⁴. Интересующие нас тексты Шекспира и Вулф объединяет, однако, не только общий для них «московитский» сюжет, но и целый ряд переключек, которые нуждаются в освещении. Одна из них заключается в наличии в обоих произведениях некоего метафорического кода, связанного с архетипическим мотивом спора и оппозиции противоположных времен года: Лета (или Весны) и Зимы.

Уже в шекспировской пьесе эпизод русского маскарада вплетается в разветвленную систему лейтмотивов, реализуемых одновременно на уровне драматического конфликта и в рамках вставных лирических фрагментов. В начале действия король Фердинанд объявляет о намерении превратить королевский двор в подобие малой академии («a little academe», I.I.13)⁵, отгороженной от остального мира. Ядром академии призваны стать четверо энтузиастов во главе с самим Королем, готовых ради бессмертной славы бороться с земными страстями: учиться, соблюдать пост, не спать и не видеть женщин («not to see women, study, fast, not sleep», I.I.48). Опыт подвижничества должен продлиться три года, в течение которых представительницам прекрасного пола запрещено приближаться к королевскому замку.

Между тем прочность клятвы, скрепившей намерения наваррцев, подвергается испытанию намного раньше — на фоне прибытия в Наварру посольства из Франции во главе с дочерью французского короля. Дипломатические обязательства и правила этикета вступают в противоречие с «академическим уставом». А его окончательному краху способствует поворот молодых людей от ученья к любовным безумствам, в число которых входит и попытка развлечь француженок русским маскарадом. Дамы, однако, с недоверием принимают столь быструю перемену и высмеивают поклонников, приписывая им качества, ассоциируемые с московским костюмом: неотесанность, варварскую напыщенность и неповоротливый ум.

Среди насмешливых острот, стрелы которых перекидываются на развлекающих знать простолюдинов, неожиданное известие о смерти французского короля побуждает Принцессу спешно собраться в дорогу. Накануне ее отъезда Фердинанд и вельможи возобновляют свои искательства, но вместо согласия

³ Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, цитируется первая глава романа.

⁴ О «Бесплодных усилиях любви» Шекспира и «Орlando» В. Вулф см.: «Writing the Envoy: William Shakespeare's *Love's Labour's Lost* and the Reasons against Reading» [23, p. 71–96].

⁵ Здесь и далее русский текст пьесы, кроме специально оговоренных случаев, приводится в переводе Ю. Корнева по изданию: [3, с. 393–512]. Оригинал цитируется по [5]. Первая римская цифра в скобках обозначает акт, вторая — сцену, арабская цифра — строку.

на брак получают отсрочку и возможность в течение года искупить свои заблуждения строгой аскезой.

Главную линию действия, таким образом, пронизывает несколько смысловых оппозиций, в том числе антитеза любви и учения, эгоистического самосовершенствования и цивилизованной общительности, молодости и старости, жизни и смерти, а в метафорическом плане — Весны и Зимы. «Сезонная» оппозиция носит при этом обобщающий характер и, помещая героев в контекст природного мира, становится критерием оценки их помыслов и поступков. Она содержит фольклорно-обрядовый мотив борьбы и соперничества времен года, воплощающих разные стороны бытия и разные этапы календарного цикла (см. об этом мотиве: [18; 19]).

Впервые заявив о себе на литературной почве в рамках традиций ближневосточного прения и в древнегреческой басне, этот архетипический мотив получил немало оригинальных преломлений в европейских литературах Средневековья и раннего Нового времени: от Алкуина до Томаса Нэша — соотечественника и современника Шекспира, автора пьесы «Завещание лета» («*Summer's Last Will and Testament*», 1592, опубли. 1600).

Воспринятый драматургом фольклорный шаблон оказался достаточно гибким: в «Бесплодных усилиях любви» он поворачивается к героям и зрителю то одной, то другой своей стороной. Так, желание кавалеров подняться к вершинам познания, подавляя земную природу, реализует «зимний» сценарий и, по мнению скептика Бирона, является прегрешением против весенней поры жизни — молодости («*Flat treason 'gainst the kingly state of youth*», IV.III.290). Однако когда Бирон пытается предостеречь соратников от нарушения естественного порядка («*At Christmas I no more desire a rose / Than wish a snow in May's new-fangled shows*», I.I.105–106⁶), те отстаивают свою аскетическую стратегию, уподобляя самого Бирона морозу, который «завистливо» («*envious... frost*», I.I.100) уничтожает «весенние» победы будущих славных дел («*first-born infants of the spring*», I.I.100). Парадоксы продолжают, когда для маскарадного ряжения, имеющего «майскую» — любовную — цель, «академики» выбирают наряд «замороженных» москвитов («*frozen Muscovites*», V.II.265). При этом весеннее буйство крови охлаждается страхом женской измены, причина которого — беспокойная совесть наваррцев. Бирон, оправдывая нарушение клятвы «учиться и не видеть женщин» молодостью, в глубине души убежден, что «клятвопреступника брак с потаскушкой ждет» («*Light wenches may prove plagues to men forsworn*», IV.III.382).

Образы дам тоже имеют две стороны: весеннюю и зимнюю. Молодость и красота парижанок, правила куртуазного этикета оправдывают сравнение их с летними розами: «*Blow like sweet roses in this summer air*» (V.II.293)⁷.

⁶ «Я розу не прошу в сочельник цвезть, / А व्यогу в майский день сугроб намезть».

⁷ Автор наиболее известного перевода комедии Ю. Корнеев выбрал версию «словно розы утром, распускайтесь», заменив «лето» «утром», тогда как в новейшем переводе Г. Кружкова фигурируют «розы в майский день» [4, с. 534].

Однако их отклик на подарки и клятвы влюбленных оказывается холоднее русской зимы, превращая «майский» замысел маскарада в рождественскую комедию («Christmas comedy», V. II. 462), в которой ряженных гостей встречают насмешливой бранью. Заметим, что, если верить надписи на титульном листе первого издания пьесы (1598), она была представлена на Рождество 1597 или 1598 г. [21, р. VII–VIII] и в этом смысле сама являлась рождественской комедией вопреки указаниям персонажей на лето («in this summer air»). Несовпадение между временем действия и представления в этом случае могло заострить внимание зрителя на мотиве конфликта сезонов.

Эти и другие аспекты архетипа находят финальное преломление в песенном состязании ряженных олицетворений Весны и Зимы — лирическом диптихе, венчающем пьесу и написанном в духе изысканной парафразы фольклорного прения и ученого спора. Последнее слово в диалоге остается за Зимой, однако впечатление от парного стихотворения, построенного в форме переключки весенней и зимней птиц (Кукушки и Совы), это впечатление равновесия противоположностей, неизбежная односторонность которых показана со снисходительным юмором.

Если в природном мире конфликт сезонов разрешается в целостности годового цикла, то в социальном пространстве символом гармонии противоположностей является брак. Такая модель примирения противоречий показывает, насколько относительной в мире шекспировских комедий является сама относительность двоичных противопоставлений. Взаимные сближения членов бинарных оппозиций притягивают к себе внимание именно благодаря тому, что в их основание заложена непоколебленная структура двоичного архетипа — фундамент и отправная точка возможных парадоксальных смещений.

Иначе архетипический мотив прения времен года реализуется в модернистском романе Вулф. Страсть англичанина Орlando к русской Марусе Станиловске, или Саше, «как он прозвал ее для краткости и еще потому, что так звали белого русского песка, который был у него в детстве» («as he called her for short and because it was the name of a white Russian fox he had had as a boy»), развивается в обстановке «Великого Холода» (the Great Frost⁸) — невиданно суровой зимы, отнесенной в романе к периоду коронации Иакова-Джеймса (1603), хотя в действительности «русская» зима случилась в Англии несколькими годами позже (в зимний сезон 1607–1608 гг.). Смещение хронологических границ органически вписывалось в поэтику романа, в котором историческое время перетекало в субъективное время «фантастической биографии» и мифологизировалось (см. об анахронизмах и культурных смещениях в романе: [11, с. 164–170; 16; 13, с. 26; 14, с. 427, 430; 8, с. 400–401]). Духовное содержание английской культуры и самосознания выдвигалось при этом на первый план. Однако привычный диапазон «английскости» последовательно расширялся, и само это расширение как ступень развития

⁸ Передается по-русски также с помощью выражений «Великий Мороз», «Великие Холода».

национального и индивидуального духа составило фокус повествования в «русском» эпизоде.

В отношениях Орlando и Саши во многом проигрывается модель отношений наваррцев и француженок из «Бесплодных усилий любви», а в описании персонажей романа можно увидеть немало общего с тем, как в шекспировской пьесе представлены ее герои. В частности, Сашу с Французской принцессой сближает участие в посольской миссии, титул «the Princess» как европейский аналог титула русской княжны, беглая французская речь и язвительные насмешки над местными придворными, а в финале — поспешный отъезд на родину. Эти характеристики переплетаются с чертами, напоминающими персонажей-мужчин шекспировской пьесы⁹: Короля Наварры и его молодых вельмож — включая экзотический русский костюм героини, ее роль нарушительницы данного слова (когда она внезапно покидает героя вместо обещанного совместного побега), ситуацию с разоблачением ее тайных дел в результате подслушивания/подглядывания (подобно тому, как наваррцы уличают друг друга в нарушении клятвы) и способность умело оправдывать грех, в комедии в наибольшей степени присущая Бирону (именно к этому персонажу «Бесплодных усилий» друзья обращаются с просьбой найти какое-нибудь фальшивое оправдание для их общего «греха» («some flattery for this evil», IV.III.283), наложив метафорический «бальзам на рану клятвопреступленья» («Some salve for perjury», IV.III.286)).

Словно в подтверждение этой двойственности, Саша в глазах Орlando соединяет в себе мужское и женское начала, впервые представая перед ним в причудливом восточном наряде, скрывавшем пол, и завораживая катанием на льду, разрушающим привычные гендерные стереотипы: «Может ли женщина так бешено, так стремительно носиться на коньках?» (в подлиннике это суждение выражено в более категоричной — утвердительной — форме: «...no woman could skate with such speed and vigour»).

Аналогичная двойственность присуща и самому герою, который в контексте романа — с учетом последующей метаморфозы — является персонажем-андрогинном. Подобно наваррцам, Орlando — книжный и довольно наивный юноша (несмотря на наличие любовного опыта и знакомство с придворной жизнью). Поэтому Саша кажется на его фоне более искушенной [8, с. 398, 402–403] (такой, какими видятся молодые француженки их наваррским поклонникам в пьесе Шекспира). Вступая в любовную связь с племянницей русского посла, Орlando становится, как и его предшественники, клятвопреступником, нарушая брачное обещание, данное английской невесте («Ефросинии его сонетов»), и едва ли не изменником в отношении самой Англии — из-за подготовки к побегу с возлюбленной-москвиткой в далекую варварскую Россию.

⁹ В этой связи продуктивной в теоретическом плане представляется мысль Л. В. Чернец о возможности рассмотрения «комбинации сюжетных мотивов» в функции «обнаружения изменений в характерах однотипных персонажей» [17, с. 12].

Любовь пробуждает в нем, как и в наваррцах, склонность к причудливым образам и подобиям («В мозгу Орlando сплетались и свивались самые дерзкие и странные метафоры» — «Images, metaphors of the most extreme and extravagant twined and twisted in his mind»; «Орlando... пытался объяснить Саше — ныряя, плескаясь и барахтаясь в образах, выдохшихся, как и вдохновившие их дамы, — на что она похожа» — «he... would try to tell her — plunging and splashing among a thousand images which had gone as stale as the women who inspired them — what she was like»). А любовная эйфория на пике страсти омрачается тенью измены. Но если Бирон только рассуждает о якобы уготованной ему участи рогоносца («Клянусь, ее от блуда не удержишь, / Хоть Аргуса поставь над нею стражем». — «Ay and by heaven, one that will do the deed / Though Argus were her eunuch and her guard», III.I.189–190), то Орlando на деле застаёт возлюбленную в объятиях грубого матроса («in the arms of a common seaman»), хотя Саше почти удается убедить его в своей невинности и обманчивой игре его грязного воображения («the foulness of his imagination»). В итоге герой продолжает мечтать о счастливом будущем с Сашей, пока его не пробуждает от грез «изменническое» исчезновение возлюбленной в ночь их предполагаемого совместного побега. При этом «удары» капель дождя, прерывающие его напрасное ожидание и ощущаемые словно пощечины, напоминают ощущения наваррских вельмож после провала их русского маскарада, когда шекспировские герои предстают в глазах наблюдателей «избитыми» насмешками («Клянусь, изрядно нам досталось тут» — «all dry-beaten with pure scoff!», V.II.263) и «хромыми» от метафорических «побоев» («lame with blows», V.II.291).

Тем самым отмеченный рядом исследователей прием слияния характеристик разных шекспировских персонажей (мужчин и женщин) в персонаже Орlando реализуется не только в центральном образе, но и распространяется на другие характеры (включая Сашу). А материалом контаминации служат, помимо Орlando и Розалинды — героя и героини «Как вам это понравится» [20, р. 189–190; 22, р. 82; 24, р. 100; 11, с. 120]¹⁰, мужские и женские образы «Бесплодных усилий любви». Посредствующим звеном в рамках названной литературной связи также могла послужить поэма крупнейшего поэта-викторианца Альфреда Теннисона «Принцесса» («The Princess; A Medley», 1847), которая, в свою очередь, отталкивалась от сюжета «Бесплодных усилий любви», меняя при этом героев и героинь местами [12, с. 45] в контексте по преимуществу негативного (на фоне споров об эмансипации) отношения автора к смешению гендерных характеристик¹¹.

¹⁰ Флорис Делаттр высказала эту мысль еще в начале 1930-х гг. (вскоре после первой публикации романа В. Вулф): «Орlando Вирджинии Вулф, чье имя в точности совпадает с именем одного из главных персонажей “Как вам это понравится”, по-видимому, соединяет в себе два шекспировских характера — Орlando и Розалинды» [20, р. 189].

¹¹ Помимо «андрогинизации» героев (безымянного Принца и принцессы Айды) в поэме Теннисона встречается мотив маскарада (физического — с трансгендерным переодеванием — и психологического), противопоставление любви и учения, а также столкновение

Отождествление женщин и мужчин с разными временами года (встречавшееся в упомянутых комедиях Шекспира) возникает и в «русском» эпизоде «Орlando» и также является взаимообратимым. Саша в силу национальной принадлежности ассоциируется с зимой, а ее появление при дворе Джеймса-Иакова на фоне Великого холода метафорически поддерживает эту связь.

«Зимний» ряд продолжает цепочка связанных с героиней образов и мотивов: рождественская елка, русское Рождество (7 января — день знакомства Орlando и Саши), катание на коньках, меховые шапки московитских послов, белый песок и «лисица на снегу», которым уподобляется Саша. И вместе с тем таинственная «москвитянка» ассоциируется также с образом «зеленого холма» («a green hill-top»), популярного символа Англии и весны, напоминает «зеленый пламень», спрятанный в изумруде («the green flame... hidden in the emerald»), солнце, заточенное «в муравчатом холме» («the sun prisoned in a hill»). От любви к Саше Орlando сгорает в пламени «палящего летнего дня» («the flames of hottest sommer day»), подобно Астрофилу Сидни (сонет 89) [2, с. 188; 6, р. 91]. Его мучительно тянет «бежать сквозь летний зной» («through the summer air»), давить пятками желуди, обнять дубы и буки». При этом повествователь употребляет то же выражение («summer air»), которое промелькнуло в речи шекспировского Бойе, сравнившего дам с летними розами. Дамасской розе уподобляется Орlando в эпизоде с королевой Елизаветой, дополняя смешение гендерных характеристик.

Солнечная, «летняя» ипостась Саши остается, однако, затуманенной, скрытой, хотя, возможно, именно она позволяет юному англичанину ощутить с героиней внутреннее родство, в основе которого — его собственное сближение с летом/весной. Основанием такого сближения выступает, с одной стороны, роль Орlando как воплощения английского самосознания [14, с. 427], с другой — миф о зеленой Англии [15, с. 60], «стране зеленых холмов и зеленых кафтанов йоменов» [15, с. 61], естественным образом отождествляемой с «веселым месяцем маем». Характерно, что наступающий после любовного краха этап уединенного самопознания в жизни Орlando сопровождается отъездом героя в поместье — в сердце зеленой Англии и показательным образом приходится на лето, пришедшее на смену Великим Морозам: «In the summer of that disastrous winter etc.» (ср.: «Летом после той бедственной зимы...», гл. 2).

Архетипический конфликт Зимы и Весны, таким образом, проявляется в отношениях Орlando и Саши двояко. Во-первых, как любовный поединок, в котором общая волна страсти накрывает героев с различным строем чувств: противостояние «летней» прямооты Орlando и «зимней» тайны Саши.

противоположностей зимы и лета с тяготением к их взаимопроникновению (зимняя сказка, рассказанная летом, и т. п.). См. подробнее в статье Н. И. Соколовой [12]. Перечисленные мотивы, как и важный для Теннисона мотив смещения эпох [12, с. 45], сохраняют актуальность также для В. Вулф в романе «Орlando».

И, во-вторых, как соперничество взаимно предубежденных национальных и культурных миров, каждый из которых отражает скрытую сторону другого [13, с. 27; 14, с. 433–434].

Предубеждению Орlando против России, питаемому фантастическими слухами об этой стране и ощущением неразгаданности поступков и помыслов героини, зеркально соответствует саркастический тон княжны в ее отзывах об англичанах. Характерно, что отзывы эти не лишены «сезонных» коннотаций. Так, насмешка над королевой — «чучелом в конце стола, со включенной, как Майский шест, прической» («that figure of fun at the end of the table with her hair rigged up like a Maypole») — метит не только в супругу Иакова, но и в популярные майские празднества, ставшие в ренессансной Англии символом общенационального единства. И надо признать, что такая острота весьма уместна в устах «ледяной московитки» — живого воплощения Зимы.

Как и в пьесе Шекспира, отождествление России с Зимой, возникая на климатически-географической почве, получает культурно-психологическое наполнение. В «Бесплодных усилиях любви» экзотический русский наряд варварских вельмож служил для француженок благоприятным предлогом, чтобы обойтись с ухажерами как с дикарями, равно чуждыми свету солнца и свету разума (отомстив им за варварский в отношении женщин указ короля Фердинанда). В «Орlando» семантическая связка России, Зимы и варварства структурируется иначе. Суть России (как в природном, так и в цивилизационном аспекте) — в ее неизбывной двойственности, в сочетании «дикости» нравов с поверхностным налетом цивилизованности, а также внутренней страстности, эмоциональности — со склонностью к духовному порабощению, «варварскому» мучительству и обману: «Возможно, эти припадки ярости ее забавляли и она нарочно их вызывала. Непостижимо уклончива московитская душа», («Perhaps his rages pleased her and she provoked them purposely — such is the curious obliquity of the Muscovitish temperament»).

Если Шекспир в трактовке конфликта Зимы и Весны отталкивался от модели метафорического поединка, то Вулф опирается на иную, хотя и близкую фольклорную схему — зимнего плена, сковывающего не только природу «майской» страны, но и душу героя, ставшего добровольным рабом Маруси-Саши [14, с. 435]. Подобно тому, как начало «Великого Холода» совпадает с приездом в Англию русского посольства, отступление зимних морозов сопровождается отплытием посольского корабля, на котором сбегает от своего поклонника Саша [13, с. 25; 16; 8, с. 403]. Одновременно нашествие «русской» зимы служит знаком исторического перехода уже на английской почве: от «майской» елизаветинской Англии к «северной» Англии Стюартов, от взаимно уравновешивающих образов ренессансной поэзии к противоречивым концептам барокко и от замкнутого состояния национального духа к его активному самоутверждению в инокультурном пространстве.

Сказанное убеждает в наличии отголосков сюжета о поединке Весны и Зимы в модернистском романе «Орландо», а также переключек с комедией «Бесплодные усилия любви», которая отчасти явилась катализатором преломления в сочинении В. Вулф «сезонных» мотивов наряду с русской темой, безусловно, имевшей для английской писательницы самостоятельное значение (см.: [9]). Поэтика модернистского романа, однако, препятствовала буквальной реализации архетипа, предполагавшей сохранение принципиальных различий между членами двоичного противопоставления, несмотря на возможные парадоксальные сближения.

Взаимопроникновение противоположностей заходит в романе гораздо дальше, чем в классической или традиционалистской литературе. В силу этого устойчивые метафоры сезонных и суточных ритмов растворяются в мифологизированном потоке романного времени, в противоречивой целостности духовной биографии главного персонажа (героя и героини), вобравшей в себя всю историю новоевропейской (и новоанглийской) культуры и переплавившей в себе оппозиции традиционализма.

Библиографический список

Источники

1. Вулф В. Миссис Дэллоуэй. На маяк. Орландо. Волны. Флаш. Рассказы. Эссе. М.: АСТ: Пушкин. б-ка, 2004. 902 с.
2. Сидни Ф. Астрофил и Стелла. Защита поэзии. М.: Наука, 1982. 367 с.
3. Шекспир У. Полн. собр. соч.: в 8 т. / под ред. А. Смирнова и А. Аникста. Т. 2. М.: Искусство, 1958. 548 с.
4. Шекспир У. Пустые хлопоты любви / отв. ред. Н. Э. Микеладзе. М.: Наука, 2020. 734 с.
5. Shakespeare William. The Works of William Shakespeare: Love's Labour's Lost / ed. by H. C. Hart. London: Methuen, 1906. LV, 184 p.
6. Sidney Philip. Astrophel and Stella / ed. by Thomas B. Mosher. Portland: Smith & Sale, MDCCCV (1905), VIII, 140 p.
7. Woolf Virginia. Orlando: a Biography / annotated and with an introd. by Maria DiBattista; gen. editor Mark Hussey. New York: Harcourt, 2006. LXVII, [1], 316 p.

Литература

8. Королева С. Б. Миф о России в британской литературе (1790–1920-е годы): дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.03. Н. Новгород, 2014. 461 с.
9. Красавченко Т. Н. Вирджиния Вулф и русская литература // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. Реферативный журнал. 2019. № 4. С. 180–197.
10. Мельников Н. Г. Гамбургский счет к миссис Вулф // Столпотворение. 2003. № 8–9. С. 191–197. URL: <https://www.philol.msu.ru/~tlit/texts/nm20.htm> (дата обращения: 21.05.2021).
11. Морженкова Н. В. Романы В. Вулф 20-х гг. Проблемы поэтики: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Н. Новгород, 2002. 217 с.

12. Соколова Н. И. «Бесплодные усилия любви» в изложении викторианского поэта. Поэма А. Теннисона «Принцесса» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 6 (72): в 3 ч. Ч. 3. С. 44–47.
13. Соловьева Е. Е. Русская тема в романе В. Вулф «Орландо»: История или миф? // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2008. № 2. С. 24–29.
14. Соловьева Е. Парадоксы любви. Русская тема в романе В. Вулф «Орландо» // Вопросы литературы. 2009. № 5. С. 426–437.
15. Хабибуллина Л. Ф. Национальный миф в английской литературе второй половины XX века: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2010. 392 с.
16. Халтрин-Халтурина Е. В. Англоязычная художественная биография XIX–XX веков и тема «русские на чужбине» // Россия и русские в художественном творчестве зарубежных писателей XVII – начала XX веков: мат-лы «круглого стола» в ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 5 декабря 2006 г. URL: <http://nrgumis.ru/articles/99/> (дата создания: 06.06.2007; дата обращения: 21.05.2021).
17. Чернец Л. В. Тип персонажа и его эволюция // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 4. С. 13–24.
18. Чеснокова Т. Г. Спор времен года в европейской литературе Средневековья и Ренессанса: Алкуин и Шекспир // Русистика и компаративистика. Вып. X. Вильнюс: ЛЭУ, 2015. С. 95–109.
19. Чеснокова Т. Г. Образные олицетворения Зимы и Весны в европейской и русской поэзии // Русистика и компаративистика. Вып. XIII. М.: Книгодел, 2019. С. 42–63.
20. Delattre Florice. Le Roman psychologique de Virginia Woolf. Paris: Librairie Philosophique J. Vrin, 1932. 268 p. (Essais d'art et de philosophie).
21. Hart Henry Chichester. Introduction // Shakespeare William. The Works of William Shakespeare: Love's Labour's Lost / ed. by H. C. Hart. London: Methuen, 1906. P. VII–LV.
22. Heilbrun Caroline. Woolf and Androgyny // Critical Essays on V. Woolf / ed. by Morris Beja. Boston: G. K. Hall, 1985. P. 73–84.
23. Palmer Daryl W. Writing Russia in the age of Shakespeare. Aldershot, Hants.; Burlington, Vt.: Ashgate, cop. 2004. XXIII, 256 p.
24. Trautmann Joanne. Woolf's Orlando and V. Sackville-West // Critical Essays on V. Woolf / ed. by Morris Beja. Boston: G. K. Hall, 1985. P. 97–107.

References

Istochniki

1. Vulf V. Missis De'lloue`j. Na mayak. Orlando. Volny`. Flash. Rasskazy`. E`sse. M.: AST: Pushkin. b-ka, 2004. 902 s.
2. Sidni F. Astrofil i Stella. Zashhita poe`zii. M.: Nauka, 1982. 367 s.
3. Shekspir U. Poln. sobr. soch.: v 8 t. / pod. red. A. Smirnova i A. Aniksta. T. 2. M.: Iskusstvo, 1958. 548 s.
4. Shekspir U. Pusty`e xlopoty` lyubvi / podgot. A. N. Gorbunov, V. S. Makarov, E. A. Pervushina, G. M. Kruzhkov / otv. red. N. E`. Mikeladze. M.: Nauka, 2020. 734 s.
5. Shakespeare William. The Works of William Shakespeare: Love's Labour's Lost / ed. by H. C. Hart. London: Methuen, 1906. LV, 184 p.

6. Sidney Philip. *Astrophel and Stella* / ed. by Thomas B. Mosher. Portland: Smith & Sale, MDCCCCV (1905). VIII, 140 p.
7. Woolf Virginia. *Orlando: a Biography* / annotated and with an introd. by Maria DiBattista; gen. editor Mark Hussey. New York etc.: Harcourt, 2006. LXVII, [1], 316 p.

Literatura

8. Koroleva S. B. *Mif o Rossii v britanskoj literature (1790–1920-e gody')*: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.03. Nizhnij Novgorod, 2014. 461 s.
9. Krasavchenko T. N. *Virdzhiniya Vulf i russkaya literatura* // *Social'ny'e i gumanitarny'e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7: Literaturovedenie. Referativny'j zhurnal*. 2019. № 4. S. 180–197.
10. Mel'nikov N. G. *Gamburgskij schet k missis Vulf* // *Stolpotvorenie*. 2003. № 8–9. C. 191–197. URL: <https://www.philol.msu.ru/~tlit/texts/nm20.htm> (data obrashheniya: 21.05.2021).
11. Morzhenkova N. V. «Romany` V. Vulf 20-x gg. Problemy` poe'tiki: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.03. Nizhnij Novgorod, 2002. 217 s.
12. Sokolova N. I. «Besplodny`e usiliya lyubvi» v izlozhenii viktorianskogo poe'ta. Poe'ma A. Tennisona «Princessa» // *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2017. № 6 (72): v 3 ch. Ch. 3. S. 44–47.
13. Solov`eva E. E. *Russkaya tema v romane V. Vulf «Orlando»: Istoriya ili mif?* // *Vestnik Cherepoveczkogo gos. un-ta*. 2008. № 2. S. 24–29.
14. Solov`eva E. *Paradoksy` lyubvi. Russkaya tema v romane V. Vulf «Orlando»* // *Voprosy` literatury`*. 2009. № 5. S. 426–437.
15. Xabibullina L. F. *Nacional'ny'j mif v anglijskoj literature vtoroj poloviny` XX veka: dis. ... d-ra filol. nauk. Kazan'*, 2010. 392 s.
16. Xaltrin-Xalturina E. V. *Angloyazy`chnaya xudozhestvennaya biografiya XIX–XX vekov i tema «russkie na chuzhbine»* // *Rossiya i russkie v xudozhestvennom tvorchestve zarubezhny`x pisatelej XVII – nachala XX vekov: mat-ly` «kruglogo stola» v IMLI im. A. M. Gor'kogo RAN, 5 dekabrya 2006 g.* URL: <http://nrgumis.ru/articles/99/> (data sozdaniya: 06.06.2007; data obrashheniya: 21.05.2021).
17. Chernenec L. V. *Tip personazha i ego e`volyuciya* // *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`koe obrazovanie*. 2016. № 4. S. 13–24.
18. Chesnokova T. G. *Spor vremen goda v evropejskoj literature Srednevekov`ya i Renessansa: Alkuin i Shekspir* // *Rusistika i komparativistika. Vy`p. X. Vil`nyus: LE`U*, 2015. S. 95–109.
19. Chesnokova T. G. *Obrazny`e olicetvoreniya Zimy` i Vesny` v evropejskoj i russkoj poe`zii* // *Rusistika i komparativistika. Vy`p. XIII. M.: Knigodel*, 2019. S. 42–63.
20. Delattre Florice. *Le Roman psychologique de Virginia Woolf*. Paris: Librairie Philosophique J. Vrin, 1932. 268 p. (Essais d'art et de philosophie).
21. Hart Henry Chichester. *Introduction* // *Shakespeare William. The Works of William Shakespeare: Love's Labour's Lost* / ed. by H. C. Hart. London: Methuen, 1906. P. VII–LV.
22. Heilbrun Caroline. *Woolf and Androgyny* // *Critical Essays on V. Woolf* / ed. by Morris Beja. Boston: G. K. Hall, 1985. P. 73–84.
23. Palmer Daryl W. *Writing Russia in the age of Shakespeare*. Aldershot, Hants.; Burlington, Vt.: Ashgate, cop. 2004. XXIII, 256 p.
24. Trautmann Joanne. *Woolf's Orlando and V. Sackville-West* // *Critical Essays on V. Woolf* / ed. by Morris Beja. Boston: G. K. Hall, 1985. P. 97–107.

T. G. Chesnokova

**“The Great Frost” and the Russian Plot Line in V. Woolf’s Novel *Orlando*:
Studying the Literary Parallel**

It is the Russian plot line in the first chapter of V. Woolf’s novel *Orlando: a biography* that attracted the attention of literary scholars more than once. The same concerns Shakespearean motifs in the poetics of the book. Yet the parallels between the above mentioned “Russian episode” and Shakespeare’s comedy *Love’s Labour’s Lost* have not been thoroughly studied, while they appear a notable example of the modernist writer’s two interests intersecting: that for the “Russian point of view” and that for the Bard’s plays. Beside the plot parallels between the two works, the article focuses on the archetypal motif of the debate between Winter and Spring / Summer reflected in them, which becomes the metaphoric clue to the characters and situations.

Keywords: W. Shakespeare; *Love’s Labour’s Lost*; V. Woolf; *Orlando*; comparative analysis; the dispute of Winter and Spring.

УДК 821.112.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.43.3.02

Ю. В. Красовицкая

Бегство и возвращение: осмысление феномена эмиграции в рассказах Анны Зегерс

На примере произведений Анны Зегерс — «Крисанта» и «Прогулка мертвых девушек» — в статье рассматривается проблема осмысления феномена эмиграции. Знаменитая немецкая писательница вынуждена была покинуть Германию после прихода к власти национал-социалистической партии. Личные переживания оказали важное влияние на художественный мир ее произведений. Анализ женских образов в новелле и рассказе позволяет лучше понять психологию изгнанника и приводит к переосмыслению понятий «родина», «родной дом».

Ключевые слова: эмиграция; возвращение; родина; женский образ; автобиографические черты.

В XX веке проблема эмиграции приобрела особую актуальность и ярко отразилась в литературе. Знаменитая немецкая писательница Анна Зегерс вынуждена была покинуть родную страну вскоре после прихода к власти националистов. В 1941 г. она переехала из Европы в Мехико, и в Германию из своей мексиканской ссылки вернулась лишь в 1947 г. Рассказ «Прогулка мертвых девушек» и новелла «Крисанта» вышли в свет до и после этого рубежа — в 1946 и 1951 гг. Писательнице удалось с удивительной выразительностью показать в них, как ломаются человеческие судьбы под гнетом безжалостных социальных и экономических условий жизни. В то же время созданные женские характеры отличаются необыкновенной стойкостью и упорством [13, S. 165]. В обоих небольших произведениях тема потери дома, опоры, ощущения защищенности становится центральной. И в этом прослеживаются автобиографические черты.

Мексика была одним из важных центров, куда стекались эмигранты из нацистской Германии. Анна Зегерс продолжала активно работать в новых условиях. Она принимала участие в создании клуба имени Генриха Гейне и вскоре стала его президентом. При этом саму атмосферу жизни в изгнании для нее в первую очередь характеризовали «бесконечные и бесцельные эмигрантские ссоры» (*uferlose und fruchtlose Streitigkeiten der Emigrationsatmosphäre*) [9, S. 228]. В них находили отражение наиболее острые политические споры, интересы и убеждения социалистического лагеря, к которому писательница имела непосредственное отношение [4, с. 16]. Тем не менее она придерживалась

убеждения, что прежде всего всем стоит сплотиться против основного зла — фашизма — и наметить общие и культурные перспективы развития [14, S. 430].

Анна Зегерс интересовалась жизнью Мексики и современным мексиканским искусством, которое создавали непрофессиональные художники (*volkstümliche Künstler*) и которое имело столь важное значение для творческого народа (*künstlerisches Volk*) [6, S. 45]. Именно культурному, а не политическому аспекту писательница (отчасти не по собственной воле, а в результате сложных взаимоотношений с социалистическим лагерем ГДР) посвятила себя и после возвращения в Германию. Однако она неоднократно подчеркивала в частной переписке свое одиночество в некогда родной, но за прошедшие годы столь сильно изменившейся стране.

В Германии А. Зегерс тосковала по прожитым за океаном годам, по общей атмосфере духовного единства и надежды на возрождение [12, S. 66, 158]. В одном из интервью вскоре после возвращения она рассказала о своей бесконечной благодарности по отношению к стране, приютившей ее в тяжелые времена. Мексика стала для нее нежной и заботливой приемной матерью [7, S. 421]. И это сравнение приобретает особое значение в новелле «Крисанта», где главная героиня также воспитывается в приемной семье. Обращение к мексиканской, экзотической для европейца жизни в этом контексте можно рассматривать двояко: как стремление приблизить чуждое и как попытку взглянуть на происходящее в родной стране через призму иной, но ставшей невероятно близкой культуры.

Главной героиней новеллы является женщина, как и в более раннем рассказе «Прогулка мертвых девушек». После возвращения на Родину женские образы все чаще выходят на первый план в произведениях писательницы. Отчасти это можно объяснить поиском своего собственного места в новой Германии. Переживания, связанные с необходимостью самоопределения, заставляют искать духовные опоры. В обоих произведениях их удастся найти в прошлом, и каждый раз они связываются с образом матери.

Крисанта после всех пережитых страданий (предательства возлюбленного, жизни проститутки, невыносимой бедности) возвращается в родное селение и пытается продолжить там свою былую нормальную жизнь, начавшуюся в доме приемной матери, под ее синим ребосо.

Как заключительный аккорд новеллы звучат слова надежды на возможность нового начала, столь важного для возрождения жизни: «Однажды порыв ветра поднял тучу пыли, засыпав улицу и прохожих. Крисанта быстро сунула голову под шаль к ребенку. Люди, едва различимые сквозь пыль, спешили мимо нее. И вдруг она вспомнила то место, где была когда-то ребенком. Вспомнила эту ни с чем не сравнимую, непостижимую синеву, такую густую и темную. Это было ребосо, шаль госпожи Гонсалес, а за ним, теперь она это знала, катились людские волны — ее народ» [1] — «Einmal kam ein Windstoß, der Straße und Menschen mit Staub bedeckte. Crisanta steckte ihren Kopf schnell unter

das Tuch zu dem Kind. Die Menschen drängten undeutlich im Staub vorbei. Auf einmal fiel ihr der Ort wieder ein, an dem sie als Kind gewesen war. Das unvergleichliche, unbegreifliche tiefe und dunkle Blau. Das war der Rebozo, das Umschlagtuch der Frau González gewesen, und was dahinter strömte, ihr Volk» [10, S. 34].

Подобный конец придает новелле некоторую утопичность. Возвращения Крисанты к нормальной жизни, кажется, уже никто не ожидал. Но, более того, она находит источник того загадочного синего цвета, дарившего ей в самом раннем детстве ощущение защищенности. Это придает ей сил и уверенности. Происходит своеобразное воссоединение с корнями, с прошлым, с приемной матерью — той женщиной, которая ее оберегала, пусть даже только совсем маленькую, от всех окружающих трудностей, неурядиц, боли и разочарования, приходящих извне, от чужих людей. Теперь героиня сама становится матерью и синее ребосо снова приобретает свое символическое значение. Оно снова окутывает младенца материнской заботой и небесной синевой.

Мотив возвращения и поиска защиты в прошлом приобретает важное значение и в рассказе «Прогулка мертвых девушек». Главная героиня в воспоминаниях снова становится юной и смотрит на бывших одноклассниц и все происходящее в далекие довоенные годы уже иными глазами, глазами всезнающего потомка. Путешествие сквозь туман памяти позволяет Нетти еще раз увидеть мать, стоящей на балконе их дома. Фигура матери ассоциируется в ее сознании с ощущением теплоты, защищенности, счастья. Однако столь желанное воссоединение не может стать реальностью. «Я еще смутно подумала: “Как жаль! Мне так бы хотелось, чтобы мать обняла меня!”» [2] — «Ich dachte noch schwach: *Wie schade, ich hätte mich zu gern von der Mutter umarmen lassen*» [11, S. 362].

Былую родину не вернуть так же, как не воскресить родителей (отец Анны Зегерс умер в начале войны от инфаркта, а мать во время транспортировки в концентрационный лагерь) [6, S. 248–249]. Пелена застилает глаза Нетти, окутывает тело бессилием, одурманивает. Соприкосновение с реальностью внушает страх. Мысленное возвращение к прошлому можно интерпретировать как попытку бегства, но сама героиня понимает тщетность этого замысла. Отныне ее задача заключается в сохранении тонких невидимых нитей между прошлым и будущим. Школьное сочинение о совершенной в далекой юности прогулке (невыполненное задание учительницы, к которому героиня возвращается по прошествии многих лет) становится хрупким мостиком, который должен помочь не только лучше понять произошедшие события, их причины и следствия, но и соединить в сознании два мира и две родины — до и после войны. Для того чтобы жить дальше, необходимо сломать стену неприятия и отчуждения. И это можно сделать, только если связать новый мир с чем-то знакомым, любимым, родным. Пусть даже полноценное возвращение к прежнему и останется недостижимой мечтой.

Показательно, что воспоминания всплывают в сознании Нетти в ином — мексиканском — мире. Из изначально чужого пространства она перемещается в ставший чужим свой бывший родной город. Появляющиеся в памяти образы

помогают оживить его и таким образом сделать шаг к возвращению и осмыслению произошедшего. Это лишь первая попытка. Героиня очень медленно приходит в себя после перенесенной болезни и после невероятного духовного потрясения, спровоцированного войной и связанными с ней событиями. Она еще не готова вернуться, даже эта мысль пока не посещает ее. Она радуется, что у нее хватило сил снова добаться до мексиканской фермы, где ее приняли. «Пробуждение» от нахлынувших воспоминаний в тот момент, когда образ матери был так близок, отзывается в ее душе болью и тоской. Кругом снова кактусы и изнуряющий зной. И все же здесь нет страха. Окружающие люди смотрят на нее равнодушно, но это равнодушие не идет ни в какое сравнение с предательством друзей, о котором девушка узнает позже. Неискренность, ложь, преступный эгоизм близких людей в годы войны меняют картину прошлого, придают ей холодный блеск, превращают улыбку в усмешку и радость в иронию.

В этих переживаниях отчетливо наблюдается процесс рефлексии, многие автобиографические черты [3, с. 35]. Сама Анна Зегерс неоднократно пишет о неприглядности того, с чем она столкнулась после возвращения: «Теперь я проехала эту заколдованную страну из конца в конец. Везде все то же: страх перед зимой, страх перед большим голодом, от которого они без сомнения повсеместно страдают. И к тому же у меня самой ощущение, как, пожалуй, у большинства людей с подобным образом мыслей: что они сами во всем виноваты и ни за какую цену не хотят понять эту логическую связь. И страх, и голод еще больше деформируют их, делают жестче и хуже, до такой степени, что это невозможно себе вообразить, ведь и страна, и народ не чужие»¹ — «Jetzt habe ich dieses verhexte Land von einem Ende zum anderen durchreist. Überall dasselbe: Angst vor dem Winter, Angst vor noch größerem Hunger, den sie ohne Zweifel überall haben. Und dabei in mir selbst, wie wohl in den meisten Menschen mit denselben Gedankengängen: dass sie selbst daran schuld sind und um keinen Preis einen Zusammenhang verstehen wollen. Und die Angst und der Hunger machen sie noch deformierter, noch härter und schlechter, wie man es sich garnicht [sic] vorstellen kann, denn schließlich ist einem ja Land und Volk nicht fremd» [12, S. 137–138].

Больше всего, пожалуй, в этих строках бросается в глаза затуманенность сознания современников и их упорное нежелание брать на себя какую-либо долю ответственности. Подобную реакцию вполне можно понять с психологической точки зрения, однако она указывает на определенное противоречие. Самооправдание должно базироваться на неких аргументах, подразумевающих способность человека анализировать, выстраивать причинно-следственные связи. По ощущению писательницы, напротив, уверенность окружающих в своей правоте больше напоминает дурман, колдовство.

Отголоски этого состояния мы видим в обоих рассматриваемых произведениях. Нетти и Крисанта становятся игрушками в руках судьбы. В момент отъезда и возвращения в родные края обе девушки как будто не понимают

¹ Перевод мой. — Ю. К.

до конца, что с ними происходит. Побег Нетти из Германии не описывается. Возвращение же представляется как далекая мечта, которая заставляет сердце героини учащенно биться: «Одно, только одно могло еще меня вдохновить — возвращение на родину» [2] — «Es gab nur noch eine einzige Unternehmung, die mich anspornen konnte: die Heimfahrt» [11, S. 332]. Однако решится ли героиня вернуться в Европу и сможет ли преодолеть все связанные с этим трудности. Очнувшись от грез и оценивая свое самочувствие, она задается насущным вопросом, но и на него не может дать определенного ответа: «Если я слишком слаба, чтобы подняться, — откуда мне взять силы вернуться в далекое село, где меня ждут к ночи?» [2] — «Wenn ich zu müd bin, hinaufzusteigen, wo nehme ich da die Kräfte her, um mein höher gelegenes Ursprungsdorf zu erreichen, in dem man mich zur Nacht erwartet?» [11, S. 362].

Состояние опустошения и бессилия можно сравнить с бесконечной усталостью людей, переживших трагические потрясения и вынужденных покинуть свой прежний мир. Далеко не у всех в подобной ситуации хватает сил, упорства да и желания возвращаться на родину, тем более зачастую это путешествие (как в случае с Анной Зегерс) связано с целым рядом разочарований.

Крисанта покидает свою родную Пачуку и уезжает в Мехико также по воле обстоятельств. В доме приемных родителей для нее больше нет места, потому что ее половина циновки теперь принадлежит мужу сестры. Героиня по своей привычке не предается глубоким размышлениям, но новая жизнь пугает ее и не зря. В Мехико девушке придется пройти через целый ряд тяжелых испытаний, прежде чем она вернется в родное селение.

В первый раз попадая в город, Крисанта сравнивает его с лесом: «В городе не было одиноких людей. Каждый жил точно дерево в лесу, а не кактус в пустыне» [1] — «Kein Mensch war allein in der Stadt. Er stand wie ein Baum im Wald, er stand nicht einzeln da wie ein Kaktus in der Steppe» [10, S. 13]. Однако через пару месяцев после внезапного отъезда возлюбленного Мигеля девушка остается совершенно одна в огромном городском пространстве, где чувствует себя неуверенно и больше не находит для себя места. Будучи сиротой, понимая, что у нее нет ничего своего, кроме платья и платка, героиня не задумывается о доме или родине. В самые тяжелые моменты жизни ей лишь хочется спрятаться ото всех в своем тайном укрытии, в сказочной синеве, оживающей лишь в ее воспоминаниях.

Возвращение Крисанты в Пачуку происходит благодаря усилиям знакомой — госпожи Мендосы. У самой девушки не хватило бы сил прийти в прежний дом, хотя она этого и желала. Маленькое селение не может похвастаться разнообразной интересной жизнью, но именно здесь героиня снова обретает душевное равновесие. Ее никто не ругает, не вспоминает былые грехи и ошибки. В семье отношение к ней не меняется. И это придает Крисанте смелости и уверенности. Два феномена — дом детства и голубой свет — воссоединяются. Героине не сразу открывается их единство. Она совершенно случайно прячет голову под синим ребосо, которым укрыт ее ребенок,

и происходит чудо: «Ей казалось, что она совсем, совсем одна на белом свете и над ней только синее небо» [1] — «Als sei sie allein für sich von einem besonderen Himmel behütet» [10, S. 9].

Защищая от холода и зноя, синий платок путешествует вместе с девушкой. Она никогда не задумывается о том, где ее родина, и при этом носит сокровенное ощущение родного на своих плечах. Крисанта как будто конструирует окружающий мир в своем сознании [5, с. 120]. И все же каждый раз волшебное чувство покоя незримо связывает ее с домом детства и людьми, вырастившими ее.

В воспоминаниях героини рассказа «Прогулка мертвых девушек» понятие «родина» ассоциируется в первую очередь с детством и юностью, а также с именем Нетти (сокращением от Анна), которым ее называли только в школьные годы: «Когда я лежала больная, в беспамятстве, как часто я суеверно ждала, что услышу свое прежнее имя. Но оно было утеряно, это имя, которое, как я, обманывая себя, думала, могло сделать меня здоровой, счастливой и юной, могло вернуть мне спутников прежних дней и прежнюю невозвратно утраченную жизнь» [2] — «Ich hatte sogar, als ich krank und besinnungslos lag, manchmal auf jenen alten frühen Namen gehofft, doch der Name blieb verloren, von dem ich in Selbsttäuschung glaubte, er könnte mich wieder gesund machen, jung, lustig, bereit zu dem alten Leben mit den alten Gefährten, das unwiederbringlich verloren war» [11, S. 333].

Еще одной важной вехой становится восприятие и осмысление родины как родного края: «Меня потянуло поближе к воде. <...> Чем дальше оглядывалась я все вокруг, тем свободнее становилось дышать, тем сильнее наполнялось радостью сердце. <...> При одном только взгляде на милый холмистый край грусть отступала, и вместо нее в самой крови рождались жизнерадостность и веселье. Так всходит зерно в родной почве, под родным небом» [2] — «Mich zog es zuerst dichter ans Ufer <...> Je mehr und je länger ich um mich sah, desto freier konnte ich atmen, desto rascher füllte sich mein Herz mit Heiterkeit. <...> Bei dem bloßen Anblick des weichen hügeligen Landes gedieh die Lebensfreude und Heiterkeit statt der Schwermut aus dem Blut selbst, wie ein bestimmtes Korn aus einer bestimmten Luft und Erde» [11, S. 334].

Особую эмоциональную нагрузку приобретают воспоминания о родительском доме и родном городе. Квинтэссенцией здесь становится уже упоминавшийся образ матери. Невозможность встречи усугубляет общую грусть и тоску («Traurigkeit, Wehmut» [8, с. 134]) героини и способствует развитию весьма негативного отношения к окружающей (мексиканской) реальности: «Мое убежище в этой стране было слишком сомнительным и ненадежным, чтобы называться спасительной пристанью» [2] — «Um Rettung genannt zu werden, dafür war die Zuflucht in diesem Land zu fragwürdig und zu ungewiss» [11, S. 331]. Эту мысль в рассказе отчасти можно объяснить тем, что он был написан в 1942/43 гг. — за несколько лет до возвращения писательницы в Германию.

Героини Анны Зегерс несут в своей памяти образы и ощущения родного пространства, убежища, приюта. Однако эти понятия лишь опосредованно связаны с определенной страной или городом. Крисанта не придает большого значения месту, где живет, Нетти никогда не сможет вернуться в прежнюю Германию, а сама писательница в воспоминаниях отзывается о Мексике с большей теплотой, чем о стране, где родилась и где все так сильно изменилось после войны. Родина остается лишь в воспоминаниях. И в этом особый трагизм судьбы эмигранта.

Библиографический список

Литература

1. Зегерс А. Крисанта. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=203920&p=1> (дата обращения: 15.12.2020).
2. Зегерс А. Прогулка мертвых девушек. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=170851&p=1> (дата обращения: 10.12.2020).
3. Красовицкая Ю. В. Аудиобиблиотека онлайн и ее ресурсы для изучения немецкого языка на всех уровнях // Преподавание иностранных языков и новые подходы к академическому сотрудничеству в эпоху интернета: сб. науч. тр. и мат.-лов Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 26 марта 2018 г. М.: РЕЛОД, 2018. С. 32–39.
4. Красовицкая Ю. В. Политический аспект в драме немецкого экспрессионизма // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 2 (30). С. 15–21.
5. Чупрына О. Г., Баранова К. М., Меркулова М. Г. Судьба как концепт в языке и культуре // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2018. № 3 (56). С. 120–125.
6. Bernstorff W. V. Fluchtorte: Die mexikanischen und karibischen Erzählungen von Anna Seghers. Göttingen, 2006. 280 S.
7. Kießling W. Brücken nach Mexiko: Traditionen einer Freundschaft. Mitarb.: Rainer Thuss; Berlin: Dietz, 1989. 595 S.
8. Krasavsky N. A. Philosophical and conceptual presentation of the emotional cluster of sadness: Metaphorization of German artistic consciousness / N. A. Krasavsky et al. // Xlinguae. 2020. T. 13. № 3. С. 134–144.
9. Seghers A. An Johannes R. Becher, Mexico City, 6.4.1946 // Briefwechsel. Briefe 1909–1958 an Johannes R. Becher, 2 Bde. Hg. von Rolf Harder. Bd. 2. Berlin und Weimar: Aufbau, 1993. 304 S.
10. Seghers A. Crisanta // Erzählungen, hg. und mit Nachworten versehen von Sonja Hilzinger, 6 Bände, Berlin 1994. S. 9–34.
11. Seghers A. Der Ausflug der toten Mädchen // Seghers A. Gesammelte Werke in Einzelausgaben, Band 9. Erzählungen 1926–1944. Berlin und Weimar: Aufbau, 1981. S. 331–362.
12. Seghers A. Hier im Volk der kalten Herzen. Briefwechsel 1947, 2. Auflage. Hg. von Christel Berger. Berlin, 2000. 281 S.
13. Zehl Romero Ch. Anna Seghers und Simone de Beauvoir: littérature engagée von Frauen // Argonautenschiff. 1996. № 5. S. 153–170.
14. Zehl Romero Ch. Anna Seghers. Eine Biographie 1900–1947. Berlin: Aufbau-Verl., 2000. 560 S.

References

1. Zegers A. Krisanta. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=203920&p=1> (accessed: 15.12.2020).
2. Zegers A. Progulka mertvy`x devushek. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=170851&p=1> (accessed: 10.12.2020).
3. Krasoviczkaya Yu. V. Audiobiblioteka onlajn i ee resursy` dlya izucheniya nemetskogo yazy`ka na vsex urovnyax // Prepodavanie inostranny`x yazy`kov i novy`e podkhody` k akademicheskomu sotrudnichestvu v e`poxu interneta: sb. nauch. tr. i mat-lov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Moskva, 26 marta 2018 g. M.: RELOD, 2018. S. 32–39.
4. Krasoviczkaya Yu. V. Politicheskij aspekt v drame nemetskogo e`kspressionizma // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoe obrazovanie. 2018. № 2 (30). S. 15–21.
5. Chupry`na O. G., Baranova K. M., Merkulova M. G. Sud`ba kak koncept v yazy`ke i kul`ture // Voprosy` kognitivnoj lingvistiki. Tambov, 2018. № 3 (56). S. 120–125.
6. Bernstorff W. V. Fluchtorte: Die mexikanischen und karibischen Erzählungen von Anna Seghers. Göttingen, 2006. 280 S.
7. Kießling W. Brücken nach Mexiko: Traditionen einer Freundschaft. Mitarb.: Rainer Thuss; Berlin: Dietz, 1989. 595 S.
8. Krasavsky N. A. Philosophical and conceptual presentation of the emotional cluster of sadness: Metaphorization of German artistic consciousness / N. A. Krasavsky et al. // Xlinguae. 2020. T. 13. № 3. С. 134–144.
9. Seghers A. An Johannes R. Becher, Mexico City, 6.4.1946 // Briefwechsel. Briefe 1909–1958 an Johannes R. Becher, 2 Bde. Hg. von Rolf Harder. Bd. 2. Berlin und Weimar: Aufbau, 1993. 304 S.
10. Seghers A. Crisanta // Erzählungen, hg. und mit Nachworten versehen von Sonja Hilzinger, 6 Bände, Berlin 1994. S. 9–34.
11. Seghers A. Der Ausflug der toten Mädchen // Seghers A. Gesammelte Werke in Einzelausgaben, Band 9. Erzählungen 1926–1944. Berlin und Weimar: Aufbau, 1981. S. 331–362.
12. Seghers A. Hier im Volk der kalten Herzen. Briefwechsel 1947, 2. Auflage. Hg. von Christel Berger. Berlin, 2000. 281 S.
13. Zehl Romero Ch. Anna Seghers und Simone de Beauvoir: littérature engagée von Frauen // Argonautenschiff. 1996. № 5. S. 153–170.
14. Zehl Romero Ch. Anna Seghers. Eine Biographie 1900–1947. Berlin: Aufbau-Verl., 2000. 560 S.

Yu. V. Krasoviczkaya

Escape and Comeback: the Phenomenon of Emigration in Anna Seghers' Stories

Taking Anna Seghers' works — “Crisanta” and “The Excursion of the Dead Girls” as the example — the article deals with the understanding the phenomenon of emigration. The famous German writer was forced to leave Germany after the National Socialist Party came to power. Personal experiences had a crucial impact on her artistic world. The analysis of female images in the novel and short story allows us to get a better idea of the psychology of an exile and leads to rethinking the concepts of *homeland*, *native home*.

Keywords: emigration; comeback; homeland; female image; autobiographical traits.

УДК 821.581

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.43.3.03

**Т. И. Кондратова,
А. В. Попова**

Проблема женского сознания в драме Ван Шифу «Западный флигель»

В работе анализируется один из аспектов китайской драмы «Западный флигель», созданной в эпоху Юань драматургом Ван Шифу: предметом исследования становятся разные типы женского сознания, воплощенные в произведении, а также вербальные и невербальные способы его создания. Показано влияние конфуцианской морали на мысли и поступки героинь, определены мотивы протеста против традиций, лишавших человека свободы проявления чувств, обоснована гуманность авторской позиции.

Ключевые слова: китайская драма; эпоха Юань; «Западный флигель»; Ван Шифу; женская тема.

Китайская драматургия эпохи Юань (1279–1368 гг.) — явление уникальное, поскольку именно в этот период драма как род литературы получила свое полное развитие, законченную форму и заняла достойное место среди двух других родов литературы. Китайский эстетический опыт в этом случае сильно отличается от европейского, поскольку иерархия родов словесного искусства здесь была во многом определена господствующей в обществе конфуцианской идеологией. Главенствовала, безусловно, поэзия, целью которой было воспитание духа, нравственности человека. Проза, даже дидактическая, рассматривалась как литература для развлечения, не воспринималась в качестве серьезного чтения, тем более учебника жизни. Опыты народного драматического искусства, по строгим законам конфуцианской морали, тоже приравнивались к развлечению.

Монгольское вторжение и последовавшее за этим правление династии Юань изменили отношение к драме в связи с возросшей ролью буддизма, в котором театральные действия воспринимались как традиционные ритуалы. «Буддизм, ставший официальной религией, изменил отношение к театру, поскольку театрализованное представление о путешествиях в загробный мир, о реинкарнации души были частью буддистской службы» [4, с. 97]. Изменилось и положение образованных людей в Китае, из числа которых и появлялись видные литераторы. «Теперь этот некогда привилегированный слой был поставлен на низшую ступень социальной лестницы. Из высшего сословия они внезапно превратились в париев — ниже их по регламентации монгольских правителей стояли только нищие» [5, с. 6]. Именно поэтому обращение к драматургии

как к самому демократичному роду словесного искусства было естественным. Целая плеяда ярких талантов — драматургов эпохи Юань — оставила произведения, затрагивающие все сферы духовной и материальной жизни общества XIII–XIV вв.: «Обида Доу Э» Гуань Ханьцина, «Западный флигель» Ван Шифу, «Дождь в платанах» Бо Пу, «Осень в Ханьском дворце» Ма Чжюаня и др.

Новаторскими для литературы того времени можно считать и созданные Ван Шифу (1260–1336) в пьесе «Западный флигель» женские образы, каждый из которых раскрывает определенную грань женского характера, коррелируя с официальными представлениями о женщине в средневековом Китае и их ролью в обществе и семье.

Проблема женского сознания, самопознания была поднята уже в «Повести об Ин-ин» танского поэта Юань Чжэня (779–831), которая стала основой всех дальнейших переработок этого произведения, в числе которых находится и «Западный флигель» Ван Шифу, признанный вершинной точкой процесса творческого переосмысления сюжета о любви в монастыре [6, с. 135]. Именно здесь появляется образ Ин-ин с присущими ей индивидуальными чертами, которые в дальнейших переработках будут лишь приобретать нюансы, психологические оттенки. По справедливому замечанию Л. Д. Позднеевой, девушке присущи «скромность и сдержанность, ровный характер вместе с бесконечной любовью» [6, с. 246]. Исследователь также замечает и дает разные варианты объяснения разрыва между замыслом и композиционным единством произведения: студент Чжан, влюбившийся в Ин-ин и не только добившийся ее любви, но и пробудивший в девушке процесс осознания своих чувств посредством их поэтического выражения, вдруг объявляет свою любовь наваждением, осуждая в случившемся именно Ин-ин, доказывая губительность влияния на человека женской красоты. Самым убедительным объяснением этого несоответствия между авторским отношением к героине и морализаторским финалом нам видится следующее: «... предположение заключается в том, что для самого автора еще не было ясно решение вопроса, что он сам колебался между признанием допустимости свободного появления женщин в обществе и вступления в брак по любви и отрицанием этого с поддержанием старого семейного уклада феодальной семьи» [6, с. 247].

Для автора «Западного флигеля» Ван Шифу такого противоречия уже не существовало, его авторская позиция, смелая и поистине демократичная, найдет выражение и в последовательной цепи событий, увенчавшихся счастливым для героев концом, и в развитии и разрешении конфликта между конфуцианским представлением о месте женщины в обществе и семье, и в самом изображении женского сознания представительниц разных социальных и возрастных групп. И в этом заключалась большая смелость, поскольку под сомнения ставились принципы конфуцианской идеологии, господствовавшие в Китае на протяжении двух тысячелетий. Чтобы понять основу конфуцианской морали по отношению к женщине, необходимо, на наш взгляд, обратиться к изречениям

Конфуция, собранным в книге «Лунь юй». Рассуждая о человечности как основе поведения, об отличительных особенностях поведения благородного мужа, думающего об общем благе, а не о выгоде, противопоставленного маленькому человеку, преследующему в своих поступках корыстные цели, Конфуций говорит именно о мужчине. Именно к мужской половине человечества обращены суждения и поучения мыслителя. Иллюстрируя их примерами из жизни, повседневной деятельности, Конфуций создает картину мира, где, по сути, обитают одни мужчины. В трактате «Лунь юй» мы нашли лишь несколько эпизодов, где была упомянута женщина. В одном из них он отказывает женщинам в уме и таланте: «А у царя Воинственного среди его десяти сановников имелась одна женщина, поэтому их у него, по сути, было только девять» [2, с. 56–57]. В следующем эпизоде женщина упомянута как эквивалент награды за правильное поведение: «Нянь Жун неоднократно повторял стихи о скипетре из белой яшмы. Конфуций дал ему за это в жены дочь своего старшего брата» [2, с. 68]. Игнорируя роль женщины в обществе, мыслитель между тем оценивал ее материнские функции, выдвигая требование почтительности и к отцу, и к матери. На ропот одного из собеседников о слишком долгом трауре мыслитель отвечает: «Сын не покидает рук отца и матери три года после своего рождения. И трехлетний траур по родителям — повсеместный обычай в Поднебесной. Разве отец и мать Юя не носили его на руках три года?» [2, с. 114].

Самым известным суждением о женщине Учителя Поднебесной является следующее: «Трудней всего общаться с женщиной и малым человеком. Приблизить их к себе — и станут дерзкими, а удалишь — озлобятся» [2, с. 115]. Оно позволяет увидеть суть отношения Конфуция к той половине человечества, которую мы сегодня именуем прекрасной. Он попросту отказывает женщинам в способности к проявлению высоких чувств, и прежде всего благородства. Поставив женщину на одну ступень с маленьким человеком — *сяожэнь*, — противопоставленным, согласно его учению, *цзюньцзы* — благородному мужу, Конфуций определяет тем самым и последующую гендерную политику, согласно которой женщина однозначно стоит ниже мужчины в своем развитии и, следовательно, не только полностью зависит от него, но служит определенным инструментом в продолжении рода, ведении хозяйства и т. д., руководствуется в своих поступках исключительно чувством долга перед мужем и семьей.

Основанная на учении Конфуция, возникшая в последующие годы и сохранившаяся до начала XX века конфуцианская мораль закрепила все эти положения в правилах своеобразного китайского Домостроя. Традиционный конфуцианский взгляд на женщину отражен, например, в романе Ло Гуаньчжуня (1330 – прим. 1400) «Троецарствие», где каждая ипостась женщины (мать, жена, сестра, дочь) неизменно подчиняет мир своих чувств общему благу делу, умеет жертвовать собой ради великой цели. А вот фольклор, изображая мир женской души с глубокими и противоречивыми переживаниями,

представил своеобразную оппозицию этому официальному взгляду на женщину и ее положение в обществе.

В юаньской драме «Западный флигель» Ван Шифу тема женского сознания становится одной из главных. Специфика драмы как рода литературы заключается в возможности изображения мотивированных чувств, душевных движений. Китайская драма, состоящая из диалогов героев, декламируемых ими стихов и исполняемых арий, имела возможность заглянуть в глубокие и тонкие мысли и чувства, выразить психологизм ситуаций. И изображению женского сознания здесь будет уделено главное место, поскольку, хоть события и происходят в мужском буддистском монастыре, основной конфликт произведения связан с семьей Цюй, состоящей из старой госпожи, ее дочери Ин-ин, малолетнего сына и служанки Хун-нян. В общении со студентом Чжан Гуном и раскроются характеры трех главных женских образов произведения: старой Цюй, юной Ин-ин, ловкой и умной Хун-нян. Образы настоятеля, монахов, разбойника Сунь Фэй-ху, генерала Ду, жениха Чжэн Хэна, бесспорно, важны для развития сюжета, его новых поворотов, но характеры их однобоки и проявляются в выполнении одной-двух функций, они очерчены в рамках проявления какого-то одного чувства: это доблесть генерала Ду, благодостное отношение к миру настоятеля, дерзость злодея Сунь Фэй-ху, бесстрашие Хуэй-мина, коварство Чжэн Хэ. Даже образ студента Чжана уступает женским по глубине чувств и неоднозначности их проявления.

Каждый женский образ в «Западном флигеле» являет, прежде всего, черты определенного социального типа и раскрывается вербальными (через реплики в диалогах, арии, стихи) и невербальными (поступки героев, за которыми следуют повороты сюжета) способами. Однако и за словами, и за поступками героинь возникает определенный эмоциональный, психологический тип женского характера, и нам представляется важным изучение «эволюции типа персонажа, в частности на основании изменений в комбинации сюжетных мотивов» [7, с. 8].

Черты социального портрета старой Цюй собираются по крупицам в ходе развернувшихся событий. Вдова первого министра покойного государя, лишившаяся теперь многочисленных слуг и охраны, потерявшая особое положение, она чувствует себя слабой беспомощной: «Помню: когда мой муж был с нами, он не жалел денег на свиту в несколько сот человек, а сегодня со мной осталось только трое-четверо близких» [1, с. 19]. В ее словах звучит неподдельное горе, и выражается оно в единственной арии этой героини на протяжении всей драмы. Выполняя свой долг, старая Цюй везет гроб с телом мужа на его родину, укрывается в монастыре, когда-то благодетельствованном ее мужем. Не родившая мужу наследника, она везет с собой свою дочь Ин-ин и маленького сына наложницы; старая женщина думает исключительно о выполнении долга. Оказавшись в ситуации выбора, она попадает в тупик. Разбойники, окружившие монастырь, требуют отдать их предводителю в жены Ин-ин. В дальнейшем

повествовании автор лишает героиню права исполнения арий, хотя, в отличие от традиционного жанра цзяцзюй, в «Западном флигеле» даже эпизодический, по сути, образ монаха Хуэй-мина этим правом наделен. Чем можно объяснить такую волю автора? Может быть, в раздумьях старой Цюй нет места сильным порывам, лирическим движениям; слова героини во всем подчинены разуму: «У нас в семье не бывало мужчин, преступивших закон, и женщин, вторично вышедших замуж. Как же я могу подарить тебя разбойнику? Ведь от этого весь наш род покроется позором!» [1, с. 60]. Ее слова, обращенные к дочери, готовой пожертвовать своей молодостью ради спасения монастыря, сохранения жизни своего сводного братца, который должен продолжить род, строго подчинены гражданскому долгу вдовы, сохранявшей достоинство и честь семьи после смерти мужа. Выбирая один из планов избавления — отдать дочь в жены тому, кто спасет их от разбойников, — старая госпожа останавливается на более достойном, разумном. При этом судьба дочери ее тоже интересует мало: «Этот план гораздо лучше. Хотя это и не очень подходит для нашего дома, но это все-таки достойнее, чем твоя гибель среди разбойников» [1, с. 62]. Из трех центральных женских образов именно старая Цюй лишена богатства душевного мира, и это проявляется не только в отсутствии у этого образа арий, в которых выражается исповедальное начало, но и в мотивации всех ее дальнейших поступков. Героиня нарушает данное обещание, отказывается от своих слов, когда цель будет достигнута и опасность больше не угрожает ее семье. В глазах всех героев старая Цюй выглядит неблагодарной. Она объявляет студенту Чжану, что ее дочь Ин-ин еще раньше была просватана за другого: «Лучше я отблагодарю вас богатым подарком, золотом, шелками, и вы сударь, сможете выбрать себе девушку из богатого дома, а от руки моей дочери прошу отказаться» [1, с. 89]. Позже, пристыженная служанкой, доказавшей, что все последующие события являются следствием неблагодарности госпожи, она соглашается на брак влюбленных, но не потому, что щадит их чувства.

Сам факт спасения студентом семьи и не последовавшей за этим благодарности нужен драматургу, чтобы убедить в несправедливости решения Цюй. Из кроткой старушки она превращается в жестокую домоправительницу. Ее слова сулят служанке настоящую расправу: «Скажешь всю правду — прошу, а не скажешь — изобью тебя, негодную, до смерти!» [1, с. 146]. Старая госпожа боится осуждения за несоблюдение конфуцианских законов: «Если дело дойдет до суда, я этим опозорю всю семью» [1, с. 149]. Она находит в себе силы признать собственную вину, но отнюдь не в нарушении слова, а в плохом воспитании дочери, решившейся на свободные отношения с молодым человеком: «Кто еще ведет себя так неприлично, как дочь, воспитанная мною?» [1, с. 150]. И тут же ставит пред объявленным женихом новое условие: «...за три поколения в нашей семье не было зятя, не имеющего заслуг. Поэтому вы завтра отправитесь ко двору сдавать экзамены, а я буду для вас воспитывать

жену. Получите должность — приезжайте к нам, если же провалитесь — приезжать не надо» [1, с. 150]. Эта героиня почти полностью лишена в драме индивидуальных черт, обнажая основы официального конфуцианского поведения, предписываемого женщине. Только из страха огласки позора дочери уступившая влюбленным, она с легкостью верит клевете Чжэн Хэна и обрушивает на студента Чжана поток упреков и оскорблений, вновь отказываясь от данного ему слова. И только узнав правду, соглашается на брачный пир. Даже смерть любимого племянника, за которого она собиралась выдать Ин-ин, не вызывает у нее бурных чувств: «Мне совсем не хотелось бы, чтобы он умер, ведь он — мой племянник и сирота. Я похороню его как должно» [1, с. 203]. Таким образом, старая госпожа в драме «Западный флигель» является воплощением долга, олицетворением строгой конфуцианской морали, не оставившей в данном случае героине места для живых чувств по отношению к дочери.

Старой Цюй в пьесе будет противопоставлено молодое поколение: это ее дочь Ин-ин и служанка Хун-нян. Намеченные уже в повести Юань Чжэна характеры девушек (о чем речь шла ранее) в драме получают новое наполнение. Какой же предстает в «Западном флигеле» Ин-ин — девушка-иволга? В ее образе сохранились и «скромность, и сдержанность, и безграничная любовь» [6, с. 246], присущие героине танской новеллы, однако проявление их будет более ярким и индивидуальным.

Для средневековой китайской литературы (и прозы, и драматургии) была характерна статичность характеров, однако проявление одной-двух постоянных ярких черт в образе героя было очень многоликим. Именно это мы и наблюдаем в «Западном флигеле» Ван Шифу. Девушка грустит по быстро промчавшейся весне, по затворничеству в обители. Арии Ин-ин раскрывают трагедию молодой одухотворенной души, обреченной на одиночество: «Это тоска без конца и без краю, Молча сижу, от восточного ветра грустна» [1, с. 20]. Ин-ин благовоспитанна и хорошо знает ритуалы: совершая возжигания свечей при молитве, она молится за покой своего батюшки на небесах, за спокойствие своей матушки. Самые же сокровенные мысли девушка высказать пока не может — их за нее вслух произносит служанка Хун-нян, более естественная и раскованная.

Большую роль в раскрытии характеров влюбленных героев в данном случае играет прием реминисценции. Сравнивая себя с Сыма Сянжу — известным поэтом эпохи Хань, студент Чжан невольно проводит линию связи между Ин-ин и супругой поэта Чжао Вэнь-цзюнь, которая, влюбившись, ушла из дома за любимым без разрешения родителей. Это становится началом пробуждения, воспитания чувств в юной Ин-ин. Она поддается вначале обаянию стихов, которые складывает и читает студент. Ин-ин и сама обладает даром поэтической речи, стихи же, сложенные ею, становятся для героини способом познания собственного чувства:

Раньше было, чужого увижу когда,
Я сама не своя от стыда...
Но едва только он повстречался со мной,
Сразу стал мне он словно родной [1, с. 58].

Но внезапные требования бунтовщиков выдать им Ин-ин дают новый сюжетный поворот, и эти события требуют от уже влюбленной девушки проявления совсем иных чувств: она готова пожертвовать собой для общего блага. Вариантов такой жертвенности несколько — их тоже осмысливает в своих ариях Ин-ин: стать женой злодея Сунь Фэй-ху, покончить жизнь самоубийством, стать женой первого встречного — спасителя монастыря от злодеев. Это свидетельствует, что девушка умна, ведь в данном случае план, предложенный в повести студентом, в драме рождается у самой Ин-ин. В нем, бесспорно, есть надежда, что спасителем ее станет именно Чжан. Девушка горда, что ее возлюбленный с легкостью осуществил задуманный ею план, она живет в предвкушении обещанной студенту свадьбы с ней. Неблагодарность матери вызывает в девушке чувство возмущения: она не желает становиться Чжану сестрицей, если была обещана как жена. Арии Ин-ин, осмысливающей предательство матери, свое безысходное положение, пронизаны мотивами горечи:

В тяжкой печали я потеряла свой разум,
Я, как товар, скверный, отброшенный сразу... [1, с. 87]

Страдания девушки усугубляются от сознания неблагодарности ее семьи по отношению к студенту. В драме мастерски показана борьба желания соблюдать внешние приличия и страсти, тоски по любимому. Сознание своей неблагодарности, обмана матушки, которую дочь теперь называет хитрой, сначала рождает в девушке мысли о смерти, потом открывает талант хитроумной зашифрованной любовной переписки и наконец толкает ее на сближение со студентом. Прикрываясь игрой в строгость и неприступность, Ин-ин между тем нарушает все конфуцианские нормы и запреты: переписывается с мужчиной, встречается с ним, вступает в добрачные отношения. Чувства девушки глубоки и искренни. Если мать Ин-ин будет согласна отдать дочь в жены студенту только при условии, что он станет первым кандидатом на экзаменах, то сама девушка любит бескорыстно: «Возвращайтесь сразу, господин Чжан, все равно — получите вы должность или нет» [1, с. 157].

Арии Ин-ин, исполняемые после отъезда Чжана, тоже элегичны, но в них появится новый мотив — это предчувствие будущей беды, измены, забвения женихом прежних чувств:

Где будете вы сегодня, покинув меня?
Настанет пора — другая вам станет роднее [1, с. 157].

Кажется, что появление такого устойчивого мотива вызвано рецепцией: ведь именно так сложилась судьба девушки в танской «Повести об Ин-ин» Юань Чжэня, созданной на несколько столетий ранее. И, бесспорно, стихи, лежащие в основе этих арий, яркие образцы любовной лирики эпохи Юань.

Насыщенные аллюзиями и реминисценциями, они могут быть предметом отдельного исследования.

Еще одной композиционной формой, служащей раскрытию глубокого духовного мира героини, является сон. В нем, раскрепощаясь в самых смелых мыслях, девушка устремляется к своему жениху, называя мать тюремщицей. Это гимн не только духовному слиянию героев, но и телесной, физической любви, что в эпоху конфуцианских семейных правил выглядело дерзким вызовом официальной общественной морали.

Так разрушил ли Ван Шифу статику образа своей героини? Мы видим процесс воспитания чувств, что свидетельствует о наивном реализме средневекового автора, показавшего движение образа, однако в финале произведения перед нами вновь возникает образ почтительной и покорной обстоятельствам конфуцианской женщины, готовой смиренно принять от любимого человека любое решение. В письме к Чжану Ин-ин называет себя его несчастной служанкой, умоляет о снисхождении. Ее упрек в измене, основанный на клевете Чжэн Хэна, звучит мягко и слабо. В финале истории в героине не остается и следа от ироничности, игривости, которые были свойственны ей по мере развития сюжета — любовной коллизии, — все снова сменяется сдержанностью и строгостью, робостью и покорностью. Таким образом, сознание Ин-ин, несмотря на ее поступок, противоречащий конфуцианской морали, все же находится в русле официальных, традиционных представлений о женщине и ее роли в семье.

Образ Хун-нян отличается от двух предыдущих, прежде всего в социальном плане: бесправная служанка, выполняющая поручения и матери, и дочери почтенного семейства. Девушка от обеих нередко слышит в свой адрес грозные или уничижительные окрики: «Подлая! Ты откуда это принесла? <...> Я пожалуюсь матушке, и она с тебя, негодная, шкуру спустит» [1, с. 108], «Почему не встала на колени, подлая девка?» [1, с. 146] и т. д. Несмотря на это, девушка преданно служит своей молодой госпоже, именуя ее сестрицей, не обращая внимания на вспышки гнева, угрозы. В отношениях между Ин-ин и Чжаном умная и проворная служанка сразу принимает сторону влюбленного студента. И отнюдь не потому, что он обещает ей в случае свадьбы с ее барышней щедрые дары, вплоть до свободы. Хун-нян слышит об этом с оскорбленными чувствами, поскольку ее преданность бескорыстна. Она сострадательна: студент Чжан, разыгрывающий тяжелую болезнь из-за отказа старой госпожи отдать ему в жены дочь, вызывает у нее искреннее сочувствие, которая она передает и своей барышне: «Ты лучше подумай, что будет с ним. Он же на волоске от смерти и питается пищей голодных духов» [1, с. 109].

Именно служанка стыдит барышню, думающую о внешних приличиях, подталкивая таким образом Ин-ин к решительному шагу — физической близости героев. Арии Хун-нян, многочисленные и яркие по выразительным средствам, становятся катализатором действий ее барышни Ин-ин. По сути именно бесправная служанка оказывается в драме самым свободным человеком: от нее

требуют меньше всего приличий, поэтому Хун-нян свободно перемещается по дому, становясь почтальоном для влюбленных героев. Но главное проявление свободы этой героини в ее идейном поединке с госпожой. Драматург наделил простую служанку типом очень развитого сознания. Именно служанка дает справедливую оценку действий ее хозяйки: она сама виновата в случившемся. Доказывая вину старой госпожи, оплатившей студенту за добром и тем самым подтолкнувшей дочь к близости с ним, Хун-нян свободно цитирует мнение Конфуция о причине потери доверия. Ее речь убедительна, правильна, логична. И такой несвойственный необразованной служанке тип сознания проявляется на страницах «Западного флигеля» неоднократно. В одном из первых диалогов между Хун-нян и студентом девушка приводит поучения Мэнцзы, Конфуция, правила Чжоу-гуна. Однако в общем речевом контексте получается забавная смесь просторечий и высокой лексики, что делает образ служанки Хун-нян живым и непринужденным. Автор также раскрывает в образе героини одну из важных черт национального китайского самосознания — веру во власть справедливого Неба, что дает возможность Хун-нян «интерпретировать происходящее с позиций провиденциальности» [3, с. 8]: «...браки заключаются не людьми, а по воле неба» [1, с. 76]. Однако, объявляя фатальными события, в которых она сама принимает деятельное участие, девушка действует по принципу народного сознания, в русской культуре отраженного в пословице «На Бога надейся, а сам не плошай».

В европейской традиции здесь можно говорить о функции героя-резонера, высказывающего авторскую позицию на изображенные в произведении события. Но в европейском театре роль резонера в основных событиях несколько снижена — Хун-нян же превращается в драме в один из центральных образов.

И еще одну отличительную индивидуальную черту Хун-нян следует отметить — ее прекрасное чувство юмора, умение разрядить драматизм обстановки веселой шуткой. Всей душой сочувствуя влюбленным, она между тем нередко замечает, что их тоска похожа на нытье: «Опять они будут помирать от тоски!» [1, с. 84]. Слова о самоубийстве студента Чжана Хун-нян нейтрализует шуткой в духе черного юмора: «Что ж, на улице много валяется негодного хвороста, сожжем твоё тело, раз ты такой глупый» [1, с. 90].

Смелость и преданность служанки проявится и в заключительной сцене, когда именно она раскроет старой хозяйке клевету Чжен Хэ, этим спасет Чжана, который, сдав экзамен и получив должность, не растратил своего чувства к Ин-ин, оставшись преданным своей любви. Образ Хун-нян стал настоящим художественным открытием автора, затмив своей многогранностью другие женские образы.

Пьеса «Западный флигель» заняла среди созданных в эпоху Юань драматических произведений особое место. Необычайно популярная, ставшая предметом постоянных аллюзий в произведениях последующих эпох, она между тем на протяжении многих лет считалась безнравственной, была под запретом.

Так что же в ней было тем запретным плодом, который, как известно, всегда сладок и притягателен? «Речь здесь идет о зарождении и развитии запретных чувств между молодыми людьми, потому что браки в Китае в то время были договорными. Но если в новелле история любви героев, их добрых отношений показана с точки зрения конфуцианской морали, когда герой сам осуждает то, что с ним случилось, то в драме Ван Шифу эта история превратилась в настоящий гимн любви, красоте человеческих чувств» [4, с. 100–101].

Таким образом, исследовав типы женского сознания, воплощенные в произведении, а также вербальные и невербальные способы их создания, можно не только увидеть влияние конфуцианской морали на мысли и поступки героинь, но и понять мотивы протеста против традиций, лишавших человека свободы выражения чувств. Гуманизм автора проявился в том, что он смог глубоко и неоднозначно раскрыть три разных типа женского сознания, показать женские характеры в сложных социальных и нравственных ситуациях, окрасить их образы живым человеческим сочувствием.

Библиографический список

Источники

1. Ван Ши-фу. Западный флигель / [пер. с кит. Л. Н. Меньшикова] // Юаньская драма. М.: Шанс, 2018. С. 17–206.
2. Конфуций. Уроки мудрости: [Сочинения]: пер. с древнекит. / сост., вступ. ст. и коммент. М. А. Блюменкранца. М.: Эксмо-Пресс; Харьков: ФОЛИО, 2002. 958 с. (Антология мысли).

Литература

3. Баранова К. М. Символизм и категория предопределения в американской литературе колониального периода // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2009. № 2 (4). С. 8–13.
4. Кондратова Т. И. Литература Китая: учеб. пособие. М.: МГПУ, 2020. 224 с.
5. Меньшиков Л. Н. «Западный флигель» и его место в истории китайской драмы // Юаньская драма. М.: Шанс, 2018. С. 5–16.
6. Позднеева Л. Д. История сюжета «Любовь в монастыре» в китайской литературе IX–XIII вв. // Позднеева Л. Д. История китайской литературы: собрание трудов. М.: Восточная литература, 2011. С. 135–301.
7. Чернец Л. В. Тип персонажа и его эволюция // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 4 (24). С. 8–16.

References

Istochniki

1. Van Shi-fu. Zapadny`j fligel` / [per. s kit. L. N. Men`shikova] // Yuan`skaya drama. M.: Shans, 2018. S. 17–206.
2. Konfucij. Uroki mudrosti: [Sochineniya]: per. s drevnekit. / sost., vstup. st. i koment. M. A. Blyumenkrancza. M.: E`ksmo-Press; Xar`kov: FOLIO, 2002. 958 s. (Antologiya my`sli).

Literatura

3. Baranova K. M. Simvolizm i kategoriya predopredeleniya v amerikanskoj literature kolonial'nogo perioda // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2009. № 2 (4). S. 8–13.
4. Kondratova T. I. Literatura Kitaya: ucheb. posobie. M.: MGPU, 2020. 224 s.
5. Men'shikov L. N. «Zapadny'j fligel'» i ego mesto v istorii kitajskoj dramy' // Yuan'skaya drama. M.: Mezhdunar. izd. kompaniya «Shans», 2018. S. 5–16.
6. Pozdneeva L. D. Istoriya syuzheta «Lyubov' v monasty're» v kitajskoj literature IX–XIII vv. // Pozdneeva L. D. Istoriya kitajskoj literatury': sobranie trudov. M.: Vostochnaya literatura, 2011. S. 135–301.
7. Chernecz L. V. Tip personazha i ego e'voljuciya // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2016. № 4 (24). S. 8–16.

**T. I. Kondratova,
A. V. Popova**

Women's Consciousness in Wan Shifu's Drama "Romance of the Western Chamber"

The article tackles one of the aspects of the Chinese drama "Western Wing", created in the Yuan era by the playwright Wang Shifu: the subject of research features different types of female consciousness embodied in the play, as well as verbal and non-verbal ways of creating it. The authors show the influence of Confucian morality on the thoughts and actions of the heroines, define the motives of protest against the traditions that deprived a person of freedom of feelings expression, prove the humanism of the author's position.

Keywords: Chinese drama; Yuan era; "Romance of the Western Chamber"; Wang Shifu; female theme.

Ю. В. Овсейчик

Семантика и функционирование сочинительного союза *ou* ‘или’ в среднефранцузском языке

Статья посвящена описанию качественных и количественных характеристик французского ядерного сочинительного союза *ou* ‘или’ в среднефранцузский период. Установлено, что интенсивное увеличение употребительности союза свидетельствует о расширении его семантических и функциональных характеристик благодаря дифференциации отношения нестрогой, инклюзивной дизъюнкции, отражая значимость единицы в системе средств выражения сочинительных отношений в указанный период.

Ключевые слова: сочинительный союз; разделительные отношения; употребительность; среднефранцузский язык; корпусные данные.

Введение

Сочинительные союзы относятся к наиболее частотным словам в каждом языке, устанавливая связь между предметами, явлениями, действиями, состояниями на основании соединительных, разделительных, противительных, темпоральных, причинно-следственных, уступительных, компаративных, разъяснительных и других отношений. Сочинительные союзы как закрытый класс служебных неизменяемых слов выполняют в первую очередь функции «строительные», сочетательные и проявляют свои уникальные свойства в организации единиц различной степени сложности [2; 4; 11].

Традиционно во французской грамматике выделяют семь *conjonctions de coordination essentielles ou proprement dites* ‘основных или собственно сочинительных союзов’¹ [21, p. 1452, § 1082a)] и классифицируют их по характеру выражаемых ими отношений по следующим группам: соединительные (копулятивные) ‘copulative’ (et ‘и’, ni ‘ни’) [21, p. 326, § 272]; разделительные ‘disjunctive’ (ou ‘или’); противительные ‘adversative’ (mais ‘но’); каузальные

¹ Здесь и далее перевод наш. — Ю. О.

‘causale’ (car ‘ибо, так как’); последовательные ‘consécutive’ (donc ‘значит’, ‘итак’) [22, p. 880]; дедуктивные [22, p. 883], или транзитивные [21, p. 326, § 272], (or ‘а, же, итак, однако’).

Целью исследования является выявление качественных и количественных характеристик французского сочинительного союза *ou* ‘или’ в период среднефранцузского языка. Под качественными характеристиками мы подразумеваем семантические и функциональные свойства союза, а под количественными — его употребительность.

В статье используются данные подкорпуса среднефранцузского языка электронного текстового национального корпуса французского языка Frantext [23], который включает 339 документов, представленных разножанровыми текстами 1300–1499 гг., или 11 244 215 словоупотреблений. Обращение к корпусным данным позволило получить новые сведения «не только о способах выражения грамматических значений, но и о динамике изменений этих способов на протяжении наблюдаемых исторических отрезков...» [7, p. 10].

Методом сплошной выборки с учетом снятой омонимии были отобраны контексты с сочинительными союзами *et* ‘и’, *ou* ‘или’, *mais* ‘но’, *ni* ‘ни’, *donc* ‘значит’, *or* ‘итак’, *car* ‘так как’, которые составили наш исследовательский корпус среднефранцузского языка, а именно 212 749 вхождений сочинительных союзов, или 1,89 % от общего числа словоупотреблений в подкорпусе. Столь значительный объем корпусных данных, по мнению А. Н. Баранова и Л. А. Тарасевич, «типичный для языковых явлений, граничащих с грамматическими феноменами, — союзов, местоимений, предлогов» [10, с. 63], требует ограничения корпусного материала разумными пределами (в нашем исследовании — сегментами, представленными одним миллионом словоупотреблений) для оптимизации последующих исследовательских процедур [1; 10].

Количественные характеристики союза *ou* ‘или’

Установлено, что в рамках общей тенденции к уменьшению употребительности сочинительных союзов за более чем тысячелетнюю историю развития французского языка наблюдаются частные проявления этой тенденции в диахронии. Динамика употребительности каждого сочинительного союза имеет собственную траекторию в определенные исторические периоды, демонстрируя с разной интенсивностью как увеличение, так и уменьшение количественных показателей, что отражает языковую эволюцию значимости выражаемых союзами отношений [5].

Период среднефранцузского языка характеризуется подражанием конструкциям и оборотам более развитого в синтаксическом отношении латинского языка и постепенным нарастанием аналитизма и более эксплицированного выражения логических связей [3; 9; 12].

В подкорпусе среднефранцузского языка фиксируется скачкообразное увеличение употребительности сочинительного союза *ou* ‘или’ (см. рис. 1), что, на наш

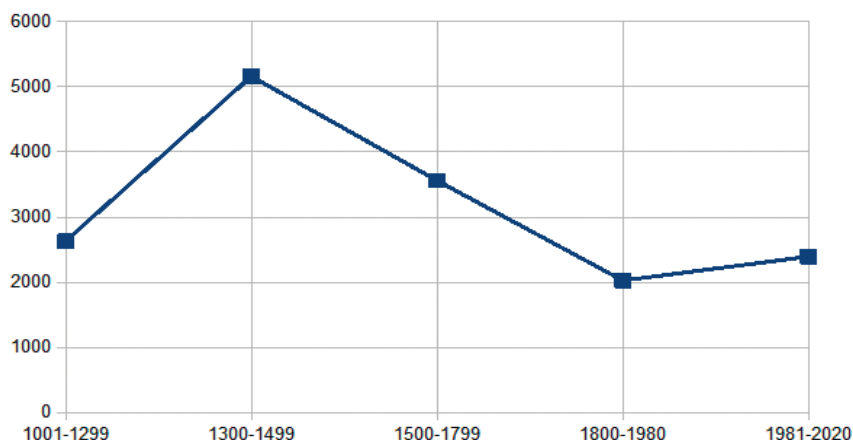

Рис. 1. Изменение частотности французского сочинительного союза *ou* ‘или’ на один миллион словоупотреблений в диахронии (согласно корпусным данным Frantext)

взгляд, является следствием расширения его семантических и функциональных характеристик. На рисунке 1 представлены количественные показатели (частотность на один миллион словоупотреблений) согласно результатам корпусного исследования, охватывающего пять исторических периодов развития языка (от старофранцузского (XI–XIII вв.) до современного французского языка (с 1985 года по настоящее время)) [23].

Как следует из диаграммы на рисунке 1, частотность союза *ou* ‘или’ на один миллион словоупотреблений характеризуется двукратным увеличением в подкорпусе среднефранцузского языка по сравнению с подкорпусом старофранцузского языка (2632 vs 5159 вхождений соответственно). Установлено существенное увеличение употребительности союза *ou* ‘или’ в период среднефранцузского языка с 7448 вхождений в подкорпусе старофранцузского языка (или 7,73 % от общего количества употреблений сочинительных союзов в данном периоде) до 58 011 вхождений союза *ou* ‘или’ в подкорпусе среднефранцузского языка (или 27,27 % от общего количества употреблений сочинительных союзов в подкорпусе). Союз *ou* ‘или’ является вторым по частотности сочинительным союзом, уступая союзу *et* ‘и’ в употребительности. Ср.: число вхождений сочинительного союза *et* ‘и’ составило 47 % от общего количества употреблений сочинительных союзов в подкорпусе среднефранцузского языка.

Данные среднефранцузского подкорпуса демонстрируют рост употребительности не только одинарного союза *ou* ‘или’, но и активное использование двойного *ou... ou...* ‘или... или...’ и повторяющегося союза *ou... ou... ou...* ‘или... или... или...’ по сравнению со старофранцузским подкорпусом. Для иллюстрации употребительности одинарного, двойного и повторяющегося союза отобраны контексты с именами нарицательными, именами прилагательными и глаголами в личной форме (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика употребительности одинарного, двойного и повторяющегося союза *ou* ‘или’ в старо- и среднефранцузском языках

Конструкции	Период	
	Старофранцузский	Среднефранцузский
	Количественный показатель (ед.)	Количественный показатель (ед.)
[N] [ou] [N]	670	8866
[N] [ou] [N] [ou] [N]	14	114
[N] [ou] [N] [ou] [N] [ou] [N]	1	9
[ou] [N] [ou] [N]	64	207
[ou] [N] [ou] [N] [ou] [N]	3	13
[ou] [N] [ou] [N] [ou] [N] [ou] [N]	0	2
[ADJ] [ou] [ADJ]	149	1838
[ADJ] [ou] [ADJ] [ou] [ADJ]	0	33
[ADJ] [ou] [ADJ] [ou] [ADJ] [ou] [ADJ]	0	4
[ou] [ADJ] [ou] [ADJ]	3	82
[ou] [ADJ] [ou] [ADJ] [ou] [ADJ]	0	1
[V] [ou] [V]	92	1318
[V] [ou] [V] [ou] [V]	0	14
[ou] [V] [ou] [V]	0	18

Примечания: N — имя существительное, ADJ — имя прилагательное, V — глагол.

Количество контекстов с одинарным, двойным и повторяющимся союзом в среднефранцузском языке превосходит число контекстов с аналогичными союзами в подкорпусе старофранцузского периода. Установлено увеличение употребительности двойного и повторяющегося союзов в среднефранцузский период по сравнению со старофранцузским. Причем максимальное количество компонентов сочиненного ряда, образованных посредством союза *ou* ‘или’, достигает четырех:

(1) ***Ou*** par envie ***ou*** bien par ire ***Ou*** par mesdit ***ou*** par meffait ‘Или из-за ревности, или из-за ненависти, или из-за сплетен, или из-за недоверия’ [23].

Между тем в подавляющем большинстве случаев одиночный союз *ou* ‘или’ употребляется чаще при соединении двух компонентов сочиненного ряда в среднефранцузском языке. Согласно нашим данным количество контекстов с одинарным союзом существенно превосходит число контекстов с двойным союзом в двухкомпонентном сочиненном ряду. Ср.: 8866 контекстов с конструкцией [N] [ou] [N] vs 207 контекстов с конструкцией [ou] [N] [ou] [N], 1838 контекстов с конструкцией [ADJ] [ou] [ADJ] vs 82 контекста с конструкцией [ou] [ADJ] [ou] [ADJ], 1318 контекстов с конструкцией [V] [ou] [V] vs 18 контекстов с конструкцией [ou] [V] [ou] [V].

Рост употребительности двойного союза *ou... ou...* ‘или... или...’ и появление повторяющегося союза *ou... ou... ou...* ‘или... или... или’ в среднефранцузском, с нашей точки зрения, можно объяснить уподоблением активно

функционирующим в период старофранцузского языка двойным (et... et... ‘и... и...’) и повторяющимся (et... et... et... ‘и... и... и...’) союзам в сочиненном ряду (принцип аналогии) и дифференциацией семантики и функционального предназначения двойного союза ou... ou... ‘или... или...’ и одинарного ou ‘или’. Согласно В. Санникову, существенное отличие между одинарным, двойным и повторяющимся союзами заключается «не в указании на взаимоисключение компонентов X и Y и не в исключении какого-то третьего компонента, отличного от X и Y, а в указании на обязательность хотя бы одного из компонентов (или X, но не Y, или Y, но не X)» [8, с. 202], что объясняет различия в их сочетаемостных и функциональных свойствах.

В рамках данной статьи мы ограничиваемся описанием качественных характеристик одинарного союза ou ‘или’, его семантики и функционирования в период среднефранцузского языка.

Качественные характеристики союза ou ‘или’

Изначально, в старофранцузский период развития языка, сочинительный союз ou ‘или’ служил для обозначения разделительной, эксклюзивной, и неразделительной, инклюзивной, дизъюнкции, соединяя функционально тождественные и семантически однородные члены предложения или — в единичных случаях — синтаксически более сложные единицы [6].

Неоднозначность французского союза ou ‘или’ с точки зрения строгой и нестрогой дизъюнкции упоминается в логико-философском издании: «le mot ou est ambigu et peut avoir deux significations différentes, d'où résultent deux types de disjonctions» ‘слово ou неоднозначно и может иметь два разных значения, что приводит к двум типам дизъюнкций’ [19, р. 63].

Два вида дизъюнкции — нестрогая (соединительная) и строгая (разделительная) — традиционно различаются в математической логике [18, с. 122]. Эксклюзивная дизъюнкция, строгая, исключаящая, объединяет несовместимые высказывания: «или P, или Q» (она истинна, если истинно одно и только одно из составляющих ее высказываний). Инклюзивная дизъюнкция, нестрогая, неисключаящая, объединяет высказывания, которые оба могут быть истинными (она истинна, когда истинно хотя бы одно из составляющих ее высказываний, и, следовательно, истинна, когда оба составляющих ее высказывания истинны) [17, с. 154].

В естественных языках существуют специальные единицы, обозначающие разделительные отношения. Для подтверждения того, что «languages may distinguish between these two semantic types by using different disjunctive coordinators» ‘языки могут различать эти два семантических типа с помощью разных дизъюнктивных координаторов’ [15, р. 24], приводится латинский язык, в котором существовало два разделительных союза: aut ‘или’ для эксклюзивной дизъюнкции и vel ‘или’ для инклюзивной дизъюнкции.

Свойство сочинительного союза *ou* ‘или’ обозначать два вида разделительных отношений отмечается во всех современных грамматиках французского языка [20; 14; 21; 22 и др.], в которых данная единица определяется при помощи понятий «альтернатива» и «дизъюнкция»: «*ou* marque toutes les nuances de l’alternative» [26]; «*ou* marque l’alternative» [21, p. 1242]; «à la conjonction ‘et’, qui ‘joint’, la langue oppose ‘ou’, qui ‘disjoint’» [14]; «*ou* est ambigu entre une lecture exclusive ou inclusive» [22, p. 526] и др.

Более четкое разграничение семантики французского союза *ou* ‘или’ представлено у Ж. Антуан, который противопоставляет «*ou* d’alternative exclusive et *ou* de simple choix» ‘союз *ou*, указывающий на исключительную альтернативу, и союз *ou*, обозначающий простой выбор’ [13, p. 1016], уточняя, что при разделительной, эксклюзивной, дизъюнкции реализуется схема «*ou* A *ou* B», а при неразделительной, инклюзивной, дизъюнкции — схема «A *ou* B» [13, p. 1027].

В период среднефранцузского языка основное назначение сочинительного союза *ou* ‘или’, этимологически восходящего к латинскому союзу *aut*, — маркировать взаимоисключение (только одна из сочиненных частей соответствует действительности), разделительную дизъюнкцию — остается неизменным согласно лексикографическим и грамматикографическим изданиям [24–26].

Существенное расширение семантического объема союза происходит благодаря дифференциации отношения инклюзивной, неразделительной, дизъюнкции. В период среднефранцузского языка союз *ou* ‘или’ начинает использоваться для обозначения отношений пояснительных (или *rectification* ‘исправление’) в значении *ou du moins* ‘или по крайней мере’, аппроксимативных (или *approximation* ‘приблизительность’ в значении *ou peut-être* ‘или может быть’) и отношения равнозначности (или *quasi-équivalence* ‘почти эквивалентность’) взаимозаменяемых понятий, приближаясь по значению к латинскому союзу *vel*. Схематично расширение семантического объема союза *ou* ‘или’ в среднефранцузский период представлено на рисунке 2.

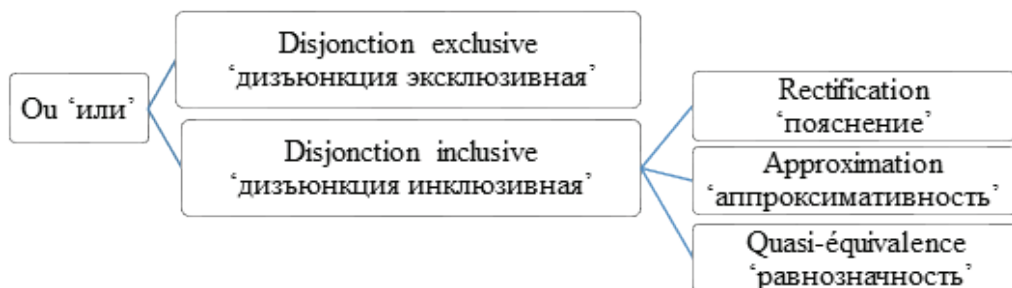

Рис. 2. Расширение семантического объема союза *ou* ‘или’ в среднефранцузский период

Одиночный союз *ou* ‘или’ продолжает активно использоваться для установления отношения строгой, или исключающей, дизъюнкции. В терминах

математической логики данный тип отношений формализуется следующим образом: $X \text{ или } Y = \text{либо } X, \text{ либо } Y$. Конструкция « $X \text{ или } Y$ » (согласно Р. Лакофф) эквивалентно комбинации двух выражений:

1. Если не X , то Y .
2. Если X , то не Y [16, p. 142].

При выражении разделительной дизъюнкции одинарный союз *ou* ‘или’ соединяет однородные члены предложения. Союзу свойственно образовывать разнообразные сочиненные именные ряды, как беспредложные (*foible ou fort* ‘слабый или сильный’, *uver ou esté* ‘зима или лето’), так и предложные (*par eulz ou par leurs gens* ‘ими или их людьми’²). Причем соединяются либо антиномические пары — *pire ou meilleur condicion* ‘худшее или лучшее условие’, либо взаимоисключающие действия или состояния — *estre roys ou empereres* ‘быть королем или императором’ — при указании на невозможность одновременно быть и тем, и другим.

Одинарный союз *ou* ‘или’ маркирует разделительную дизъюнкцию при соединении частей сложносочиненного предложения (2) и при соединении двух придаточных в сложном предложении (3). Причем отрицание в главном предложении относится к каждому взаимоисключающему компоненту сочинения, где речь идет не о том, что неважно, что вокруг происходит то или иное действие (не ($X \text{ или } Y$)), но важно, чтобы либо одно, либо другое имело место, а именно «не $X \text{ или } Y$ ».

(2) *Si ne savoie De deus choses la quelle je feroie, D’aler vers eaus, ou se je m’en tenroie* ‘Если бы я знал, что выбрать из двух вещей: я бы пошел к ним или я бы воздержался от этого’ [23];

(3) *Puis que je suis plain de vendange, Ne me chaut se l’en me le dange Ou s’on me ruse* ‘И так как я занимаюсь сбором винограда, мне не важно, угрожают ли мне или лукавят (букв.)’ [23].

Выявлены контексты, в которых имплицитно присутствует третий компонент «либо X и Y вместе». В терминах В. Санникова наличие объединительного компонента «либо X и Y вместе» дает основание говорить о неразделительной дизъюнкции [8, с. 190]. Так, например, содержание контекста (4) можно интерпретировать как включающее три альтернативы: «Есть люди, которые уже имеют причину ($=X$), есть люди, которые сейчас не имеют причину, но будут иметь ($=Y$), и есть люди, которые сейчас имеют и будут иметь причину ($=X$ и Y вместе)»:

(4) ...*Et pour ceus qui cause ont ou auront* ‘и для тех кто причину имеет или будет иметь’ [23].

Сочинительный союз *ou* ‘или’ маркирует аппроксимативные отношения в значении *ou peut-être* ‘или может быть’, в интерпретации В. Санникова, «или приблизительного количества» [8, с. 196]:

(5) ...*Et une heure ou [peut-être] deux m’atendez* *Que je revienigne* ‘...И один час или [может быть] два подождите меня пока я не вернусь’ [23].

² В данной конструкции предлог *par* служит для обозначения творительного падежа.

Для конкретизации аппроксимативных отношений, выражаемых союзом *ou* 'или', в период среднефранцузского языка начинают использоваться сочетания союза *ou* 'или' и наречия *environ* 'приблизительно, примерно', например: *a sept piez et demy ou environ pres de la maison* 'в семи с половиной шагах или приблизительно от дома' (букв.); *quatorze ans et demi ou environ* '14 лет с половиной или приблизительно' (букв.); *une heure ou environ* 'час или около того' (букв.). Установлено 842 контекста с сочетанием союза и наречия в подкорпусе среднефранцузского языка и ни одного контекста в подкорпусе старофранцузского языка.

Сочинительный союз *ou* 'или' маркирует отношение равнозначности при сопоставлении разнообразных сущностей: предметов (*qui retient fourme ou empreinte* 'который сохраняет форму или оттиск'), живых существ (*aussi preus comme Alixandres Ou comme Hector* 'такой же отважный как Александр или как Гектор'), свойств (*affublée ou adournée par diversité* 'наделенные или окруженные разнообразием') и т. п.

Отношения между компонентами сочиненного ряда могут иметь пояснительный характер в случае, когда союз *ou* 'или' маркирует отношения *quasi-équivalence* 'почти равноценности'. Соединяя лексические единицы, относящиеся к одной и той же лексико-тематической группе, союз *ou* 'или' указывает на альтернативу для обозначения другого статуса живых существ, предметов, явлений, состояний или действий: *un arrest ou jugié* 'арестованный или судимый'; *la demande ou requeste* 'просьба или требование'; *par quelque voye ou maniere* 'каким образом или способом'; *tres grandement ou tres bien amis* 'очень крепкие или очень хорошие друзья'; *savoir ou congnoistre* 'знать или быть компетентным'; *veoir ou regarder* 'видеть и смотреть'.

В контекстах (6) и (7) союз *ou* 'или' используется для уточнения первого компонента в сочиненном ряду:

(6) *Les autres sont après leur mort par le contraire, qui ne font riens ou tres pou de ce que Dieu commande* 'Другие же после смерти ведут себя иначе, они ничего не делают или делают очень мало того, что просит Бог' [23];

(7) *...car d'iceulx n'eschappoit nul ou bien peu* '...так как никто из них не избежит (наказания) или мало кто' [23].

Уточняющий характер второго присоединенного союзом *ou* 'или' компонента подтверждается трансформацией, представленной в (6а) и (7а). Перед вторым сочиненным компонентом возможно использование наречия *du moins* 'по крайней мере', которое конкретизирует значение первого компонента:

(6а) *...qui ne font riens ou [du moins] tres pou* '...они ничего не делают или делают [по крайней мере] очень мало...';

(7а) *...car d'iceulx n'eschappoit nul ou [du moins] bien peu* '...так как никто из них не избежит (наказания) или [по крайней мере] мало кто'.

В среднефранцузский период дифференциация разделительных отношений, выражаемых союзом *ou* 'или', контекстуально и ситуативно обусловлена, за исключением случаев, когда посредством союза соединяются противопоставленные сущности (существование одного исключает существование другого).

Между тем в указанный исторический период развития языка начинают использоваться специальные дополнительные средства, эксплицитно указывающие на возможность или невозможность совмещения компонентов X и Y, соединенных союзом *ou* 'или'. Специализация разделительных отношений происходит благодаря использованию сочетания союза *ou* 'или' и наречий *autrement* 'по-другому', *bien* 'хорошо', *sinon* 'в противном случае'. Сравнительный анализ количества контекстов с сочетанием союза *ou* 'или' и наречий в старо- и среднефранцузском подкорпусах представлен в таблице 2.

Таблица 2

Сочетания союза *ou* 'или' с наречиями в старо- и среднефранцузском языке: количественное сопоставление контекстов

Сочетание союза и наречия	Кол-во вхождений в корпусе, ед.	
	старофранцузский	среднефранцузский
<i>ou autrement</i> 'или по-другому'	12	360
<i>ou bien</i> 'или лучше'	14	212
<i>ou sinon</i> 'или в противном случае'	0	14

Единичные случаи сочетания наречий с союзом *ou* 'или' в период старофранцузского языка становятся более употребительными в среднефранцузском языке, однако не превышают 1 % от количества вхождений союза *ou* 'или' в подкорпусе. Дистрибутивный анализ показал, что сочетания *ou autrement* 'или по-другому' и *ou sinon* 'или в противном случае' соединяют исключительно два компонента в отличие от сочетания *ou bien* 'или лучше'.

Большая употребительность характерна для сочетания *ou autrement* 'или по-другому'. Данное наречие фиксируется с 1 100 г. и имеет значение *d'une autre manière, d'une façon différente* 'другим образом, отличным способом' при эксплицитном или имплицитном сопоставлении [24]. Союзное сочетание *ou autrement* 'или по-другому' выражает разделительные отношения, а наличие или отсутствие взаимоисключения одной из альтернатив носит строго контекстуальный характер.

Так, в примере (8) употребление сочетания *ou autrement* 'или по-другому' указывает на наличие двух альтернативных действий в прошлом: «если бы вы, прежде чем говорить, думали, то не допустили бы насмешливых слов в чей-то адрес». Получается, что выбор между двумя альтернативами «X (= думать, прежде чем сказать) или Y (= сказать, прежде чем подумать)» уже осуществлен, а само высказывание интерпретируется как упрек в умышленных действиях:

(8) *Mais malice est volontaire, ou autrement il convendroit doubter des choses devant dites* 'Но насмешка умышленна, или иначе, следовало бы подумать, прежде чем говорить' [23].

В примере (9) отношение взаимоисключения выводится из двух противопоставленных возможностей «либо X, либо Y» и актуализируется следующим образом: первая альтернатива представлена соединением при помощи союза

et ‘и’ трех пропозиций (X = ‘прийти с миром, сдаться и вернуть наследство’) и противопоставлена второй альтернативе, имплицитной (Y = не X ‘прийти с миром, сдаться и вернуть наследство’). Сочетание *ou autrement* ‘или по-другому’ используется для выражения угрозы (объявление войны), представленной как следствие невыполнения определенных условий.

(9) Si vous mande monseigneur l’empereur que tout sanz guerre vous vous veniez rendre **et** mettre en sa mercy, **et** rendez a sa mere son heritage, **ou autrement** je vous deffie de par lui ‘Если Вы, господин император, придете с миром и сдадитесь на нашу милость, и вернете матери наследство, или иначе, я бросаю Вам вызов’ [23].

Сочетание *ou autrement* ‘или по-другому’ может выражать разделительные отношения, которые предполагают нестрогий взаимоисключающий характер между соотносимыми компонентами (сущностями). Например:

(10) Le premier signe est parler de son amy, **soit** par lettres, **soit** par messages **ou autrement** ‘Первый знак — это поговорить о своем друге или устно, или письменно, или по-другому’ [23].

В примере (10) указывается, что существует любой другой способ передать свое послание, не исключая возможности объединительного компонента («X = ‘устно’ и Y = ‘письменно’ вместе»). Первые два компонента соединены союзом *soit* ‘либо’, а третий, объединенный, вводится сочетанием *ou autrement* ‘или по-другому’, что приводит к появлению трехкомпонентного сочиненного ряда в среднефранцузском языке.

Отметим, что в 10 % контекстов за сочетанием *ou autrement* ‘или по-другому’ следует точка, а экспликация альтернативы изложена в последующем контексте либо имплицитно, либо общепринятым представлением о положении дел.

Наименьшая употребительность характерна для сочетания союза *ou* ‘или’ и наречия *sinon* ‘в противном случае’, которое соединяет простые предложения в составе сложного. Наречие *sinon* ‘в противном случае’ (*si ce n’est, sauf, excepté* ‘если не, кроме, исключая’) фиксируется с 1350 г. Данная единица образована в результате слияния отрицательной частицы *non* ‘не’ с союзом *se* ‘если’ в среднефранцузский период (> *ou si non* ‘или если нет’ (*букв.*)) [24]. Сочетание *ou sinon* ‘или в противном случае’, обозначая невозможность совмещения компонентов X и Y, т. е. отношения взаимоисключения, обеспечивает разнообразие в системе средств выражения разделительных отношений. Так, в примере (11) возможность альтернативы Y (= ‘не выносить приговор’) исключается:

(11) Je vendray dire ma sentence **Ou si non** en mon absence G’y commectray ung lieutenant ‘Я вынесу приговор или в противном случае в мое отсутствие отправлю туда лейтенанта’ [23].

Сочетание союза *ou* ‘или’ с наречием *bien* ‘хорошо’ фиксируется в период старофранцузского языка, когда наречие входит в обиход [24]. В период же среднефранцузского языка сочетание *ou bien* ‘или лучше’ образует сочиненный

ряд *ou (bien)...* *ou (bien)* ‘или (лучше)... или (лучше)’ с возможностью опущения наречия перед первым или вторым компонентом. Установлено, что сочетание *ou bien* ‘или лучше’ эксплицирует осложненный характер отношений, одновременно указывая на разделительные и пояснительные отношения при образовании градационных пар (*ou par envie ou bien par ire* ‘или от зависти, или от ненависти’), а также при соединении частей сложного предложения (12). Причем возможность существования двух альтернатив не исключается.

(12) ...*ou bien qui est delitable ou bien qui est utile, c'est a dire profitable* ‘...или же это преступно, или же это полезно, т. е. выгодно’ [23].

Таким образом, для конкретизации выражаемых одинарным союзом *ou* ‘или’ разделительных отношений возможно использование трех сочетаний *ou autrement* ‘или по-другому’, *ou sinon* ‘или в противном случае’ и *ou bien* ‘или лучше’ при соединении как членов простого предложения, так и частей сложного. Причем эксклюзивное употребление характерно для сочетания *ou sinon* ‘или в противном случае’, эксклюзивное и инклюзивное употребление — для сочетания *ou autrement* ‘или по-другому’, а инклюзивное — для сочетания *ou bien* ‘или лучше’.

Заключение

Таким образом, интенсивное увеличение употребительности ядерного сочинительного союза *ou* ‘или’ в период среднефранцузского языка является следствием расширения его семантических и функциональных характеристик, которые отражаются в его сочетаемостных свойствах. Рост употребительности одинарного союза *ou* ‘или’, активное использование двойного *ou... ou...* ‘или... или...’ и повторяющегося союзов *ou... ou... ou...* ‘или... или... или...’, а также сочетание союза с наречиями *environ* ‘примерно’, *autrement* ‘по-другому’, *bien* ‘хорошо’ и *sinon* ‘в противном случае’ свидетельствуют о значимости единицы в системе средств выражения сочинительных отношений в период среднефранцузского языка.

Семантическое приращение одинарного сочинительного союза *ou* ‘или’ в период среднефранцузского языка происходит благодаря дифференциации неразделительной дизъюнкции: посредством союза эксплицируются отношения пояснительные, аппроксимативные и равнозначности. Обозначаемые союзом изначально разделительные и неразделительные отношения реализуются при соединении частей простого и сложного предложений, в то время как «новые» неразделительные отношения (пояснительные, аппроксимативные и равнозначности) — исключительно при соединении членов простого предложения. Наличие наречий в постпозиции к союзу позволяет точнее дифференцировать разделительные отношения и реализовываться более сложным синтаксическим образованиям. Для выражения взаимоисключения начинает использоваться сочетание *ou sinon* ‘или в противном случае’, обогащая систему средств выражения разделительной дизъюнкции.

Библиографический список

Литература

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 358 с.
2. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.
3. Катагощина Н. А., Гурычева М. С., Аллендорф К. А. История французского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1963. 448 с.
4. Норман Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. М.: Флинта, 2013. 254 с.
5. Овсейчик Ю. В. Динамика употребительности сочинительных союзов в диахронии // Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. 1: Филология. 2020. № 1 (104). С. 62–72.
6. Овсейчик Ю. В. Становление системы сочинительных союзов во французском языке // Национальный компонент в языке и в речи. Минск: МГЛУ, 2021. С. 96–130.
7. Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 7–20.
8. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.
9. Скрелина Л. М., Становая Л. А. История французского языка. М.: Высш. шк., 2001. 464 с.
10. Тарасевич Л. А. Семантика и функционирование предлогов с пространственным значением (на материале немецкого и русского языков). Минск: Мин. гос. лингвист. ун-т, 2014. 272 с.
11. Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов. М.: Языки славянских культур, 2011. 339 с.
12. Шигаревская Н. А. История французского языка. М.: Просвещение, 1984. 285 с.
13. Antoine G. La coordination en français. 2 vol. Paris: d'Artrey, 1958, 1962. 1408 p.
14. Brunot F., Bruneau Ch. Précis de grammaire historique de la langue française. Paris : Masson, 1956. 780 p.
15. Haspelmath M. Coordination // Shopen T. (ed.). Language typology and linguistic description. Vol. 2. Cambridge: CUP, 2009. 50 p.
16. Lakoff R. If's, and's, and but's about Conjunction // Studies in Linguistic Semantics. N. Y. etc., 1971. P. 114–149.

Справочные и информационные издания

17. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / пер. с фр. Е. В. Головиной. М.: Этерна: Палимсест, 2012. 751 с.
18. Философский словарь / [Абрамов А. И. и др.]; под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.
19. Gex M. Logique formelle. Lausanne: Rouge, 1956. 207 p.
20. Grammaire Larousse du français contemporain / Jean-Claude Chevalier, Claire Blanche-Benveniste, Michel Arrivé, Jean Peytard. Paris: Librairie Larousse, 1964. 494 p.
21. Grevisse M. Le bon usage. Grammaire française. Paris: Duculot, 2018. 1762 p.
22. Riegel M., Pellat J.-C., Rioul R. Grammaire méthodique du français. Paris: P. U. F., 2016. 1168 p.

Интернет-ресурсы

23. French National Corpus. URL: <http://www.frantext.fr/> (дата обращения: 05.10.2019).
24. Centre National des ressources textuelles et lexicales. URL: <http://www.cnrtl.fr/> (дата обращения: 15.11.2020).
25. Dictionnaire du Moyen Français. URL: <http://www.atilf.fr/dmf/> (дата обращения: 22.10.2020).
26. Trésor de la Langue Française. URL: <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm> (дата обращения: 15.10.2020).

References

Literatura

1. Baranov A. N. Vvedenie v prikladnyu linvistiku. M.: E'ditorial URSS, 2001. 358 s.
2. Gak V. G. Teoreticheskaya grammatika franczuzskogo yazy`ka. M.: Dobrosvet, 2000. 832 s.
3. Katagoshhina N. A., Gury`cheva M. S., Allendorf K. A. Istoriya franczuzskogo yazy`ka. M.: Izd-vo lit-ry` na inostr. yazy`kax, 1963. 448 s.
4. Norman B. Yu. Kognitivny`j sintaksis russkogo yazy`ka. M.: Flinta, 2013. 254 s.
5. Ovsejchik Yu. V. Dinamika upotrebitel`nosti sochinitel`ny`x soyuzov v diaxronii // Vestn. Minsk. gos. lingv. un-ta. Ser. 1: Filologiya. 2020. № 1 (104). S. 62–72.
6. Ovsejchik Yu. V. Stanovlenie sistemy` sochinitel`ny`x soyuzov vo franczuzskom yazy`ke // Nacional`ny`j komponent v yazy`ke i v rechi. Minsk: MGLU, 2021. S. 96–130.
7. Plungyan V. A. Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotory`x urokax sovremennoj korpusnoj lingvistiki // Russkij yazy`k v nauchnom osveshhenii. 2008. № 2 (16). S. 7–20.
8. Sannikov V. Z. Russkij sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve. M.: Yazy`ki slavyanskix kul`tur, 2008. 624 s.
9. Skrelina L. M., Stanovaya L. A. Istoriya franczuzskogo yazy`ka. M.: Vy`ssh. shk., 2001. 464 s.
10. Tarasevich L. A. Semantika i funkcionirovanie predlogov s prostranstvenny`m znacheniem (na materiale nemeczskogo i russkogo yazy`kov). Minsk: Min. gos. lingvist. un-t, 2014. 272 s.
11. Ury`son E. V. Opy`t opisaniya semantiki soyuzov. M.: Yazy`ki slavyanskix kul`tur, 2011. 339 s.
12. Shigarevskaya N. A. Istoriya franczuzskogo yazy`ka. M.: Prosveshhenie, 1984. 285 s.
13. Antoine G. La coordination en français. 2 vol. Paris: d'Artrey, 1958, 1962. 1408 p.
14. Brunot F., Bruneau Ch. Précis de grammaire historique de la langue française. Paris: Masson, 1956. 780 p.
15. Haspelmath M. Coordination // Shopen T. (ed.). Language typology and linguistic description. Vol. 2. Cambridge: CUP, 2009. 50 p.
16. Lakoff R. If's, and's, and but's about Conjunction // Studies in Linguistic Semantics. N. Y. etc., 1971. P. 114–149.

Spravochny`e i informacionny`e izdaniya

17. Kont-Sponvil` A. Filosofskij slovar` / per. s fr. E. V. Golovinoj. M.: E`terna: Palimpsest, 2012. 751 s.
18. Filosofskij slovar` / [Abramov A. I. i dr.]; pod red. I. T. Frolova. 7-e izd., pererab. i dop. M.: Respublika, 2001. 719 s.
19. Gex M. Logique formelle. Lausanne: Rouge, 1956. 207 p.
20. Grammaire Larousse du français contemporain / Jean-Claude Chevalier, Claire Blanche-Benveniste, Michel Arrivé, Jean Peytard. Paris: Librairie Larousse, 1964. 494 p.
21. Grevisse M. Le bon usage. Grammaire française. Paris: Duculot, 2018. 1762 p.
22. Riegel M., Pellat J.-C., Rioul R. Grammaire méthodique du français. Paris: P. U. F., 2016. 1168 p.

Internet-resursy`

23. French National Corpus. URL: <http://www.frantext.fr/> (accessed: 05.10.2019).
24. Centre National des ressources textuelles et lexicales. URL: <http://www.cnrtl.fr/> (accessed: 15.11.2020).
25. Dictionnaire du Moyen Français. URL: <http://www.atilf.fr/dmf/> (accessed: 22.10.2020).
26. Trésor de la Langue Française. URL: <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm> (accessed: 15.10.2020).

Yu. V. Auseichyk

Semantics and Functioning of the Coordinator ou ‘or’ in the Middle French

The article tackles the qualitative and quantitative features of the French nuclear coordinator ou ‘or’ in the middle French period. It has been established that an intensive increase in the use of the coordinator indicates the expansion of its semantic and functional characteristics due to the differentiation of the relation of an inclusive disjunction, reflecting the contribution of the unit to the system of means that express coordination relations within the specified period.

Keywords: coordinator; disjunction; usage; Middle French; corpus data.

УДК 811.133.1.373

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.43.3.05

Е. Ю. Воробьева

Цветовое восприятие как средство эмоционального воздействия

В статье рассматриваются цветообозначения современного французского языка, участвующие в номинации цвета товаров повседневного спроса. Потребительским товарам дают экспрессивные оригинальные цветонаименования с целью создания ярких запоминающихся образов для эмоционального воздействия на покупателя.

Ключевые слова: цветообозначение; цветоощущение; эмотивные смыслы; коннотативный потенциал; метафорический перенос.

В рамках психолингвистических исследований цвет изучается с точки зрения цветовосприятия и цветоощущения, так как вызывает у покупателя ассоциативные образы и эмоциональные коннотации, воздействуя на его психоэмоциональное состояние. Так, серый цвет создает коннотации грусти, скуки, а желтый — радости, веселья; некоторые цвета «согревают» (красный, желтый), а другие передают ощущение прохлады (синий, зеленый); одни цвета активизируют внимание и память (желтый, фиолетовый), другие успокаивают и располагают к медитации (зеленый). Значимость цветового восприятия является одной из причин пристального внимания исследователей к процессам отражения цветовых ощущений в языке и номинации цветовых оттенков. Цветообозначения участвуют в создании дополнительных смыслов и многочисленных ассоциативных связей с предметами, явлениями окружающего мира и абстрактными понятиями. С помощью цвета передаются различные эмотивные смыслы, эксплицирующие внутренние переживания говорящего и направляющие понимание реципиента в определенное эмоционально-интеллектуальное русло.

По мнению К. Ажежа, процессы понимания и языковой интерпретации действительности через сложные нейронные связи в человеческом сознании еще недостаточно изучены [11, с. 7]. Таким образом, представляется актуальным исследование динамики коннотативного потенциала цветообозначений путем выявления психолингвистических связей и особенностей категоризации цвета, мотивации и семантических связей в наименовании цвета в процессе переноса цветового оттенка на предмет действительности.

Установлено, что помимо видимого объективного цвета есть еще и цвет мыслимый, существующий в субъективном представлении языковой личности. В этом случае речь идет не о конкретном визуальном цвете, а специфическом

переосмыслении цвета и создании метафорического образа, выступающего как вторичная номинация. Метафорический образ с участием цвета является одним из средств создания эмоционального контекста, возникающего на основе соединения прямых и переносных значений слов, ядерных и периферийных сем.

Способность цвета создавать яркие метафорические образы используется в современном маркетинге, а именно нейромаркетинге, рассматривающем цветочное восприятие как элемент коммуникационной стратегии, которая подразумевает создание подсознательных мотиваций, влияющих на решение потребителя приобрести товар. Нейропсихологи полагают, что **человек принимает решение о покупке в соответствии с побуждениями и мотивациями, зависящими от фоновых знаний**, находящихся в сознании до знакомства с новым продуктом. Это могут быть субъективный опыт, воспоминания, эмоциональное состояние, ценностные предпочтения и т. п. Таким образом, потребительское поведение не всегда можно объяснить с точки зрения рациональности, так как реакции мозга субъективны. В процессе потребления, считает Ж. Бодрийяр, значима не сама вещь, имеющая ту или иную функциональность, а взаимоотношения человека и вещи, рациональная и иррациональная мотивация его выбора. По его мнению, потребление представляет акт социально-психологического значения, где «рациональность вещей борется с иррациональностью потребностей, и как из этого противоречия возникает система значений, пытающаяся его разрешить» [5, с. 12]. Приобретая вещи, человек как бы проецирует на них свои мечты и тревоги. В итоге он покупает не вещи, а культурные знаки, создающие такие коннотации, как защищенность, уверенность, статус, престиж и т. д.

В сфере потребления происходит «систематическое манипулирование знаками» [5, с. 212]. Как полагает Л. Г. Викулова, «развитие рефлексивных практик сегодняшнего дня тесно связано с коммерциализацией современных текстов, когда сам текст становится товаром» [6, с. 25]. Так, фирмы-производители разрабатывают цветовые логотипы, слоганы, рекламные тексты и статьи, которые актуализируют нужные эмотивные ассоциации и достоинства товара, навязывают связное, групповое видение предметов, создающее у потребителя комплексные мотивации.

Развитие рынка товаров повседневного спроса способствует появлению во французском языке названий новых цветовых оттенков, которые не только указывают на цвет, но и создают привлекательный образ продукции, что способствует продвижению товара. Согласно В. С. Нечаевой, «профессиональное общение когнитивно обусловлено коммуникативными прагматическими характеристиками» [10, с. 102]. Являясь составной частью коммуникационной стратегии, цвет передает такие важные для современного потребителя характеристики, как стиль, оригинальность, эстетика, натуральность, безопасность и др.

В процессе изучения цветовой номинации товаров повседневного спроса (ткани, автомобили, косметическая продукция, краски для интерьера) нами установлено, что цветообозначение используется в качестве положительного

эмотива [7, с. 22–26]. Так, красный передает коннотацию «соблазн» (*rouge provocation* ‘провоцирующий красный’), желтый — «свет», «тепло» (*jaune printemps* ‘желтый весенний’), черный — «элегантность» (*couleur de la petite robe noire* ‘цвет маленького черного платья’) [3; 4]. В основе цветовых ассоциаций могут находиться разные референты, указывающие на различные цветовые оттенки. Часто в качестве цветового референта выступают фрукты (*pomme verte* ‘зеленое яблоко’), цветы (*tulipe* ‘тюльпан’), природные явления (*éclipse* ‘затмение’), материалы (*cuivre naturel* ‘натуральная медь’) [2–4]. Однако необходимость в отражении многочисленных цветовых нюансов в сфере потребления требует создания более сложных ассоциативных образов: *gris des toits de Paris* ‘серый цвет крыш Парижа’; *sorbet citron* ‘цвет лимонного сорбета’; *Bally intense* ‘баллийский насыщенный’, соответствует сочному розовому оттенку; *zéphir d’ivoire* ‘зефир слоновой кости’; *caravane des sables* ‘песчаный караван’ [2–4]. Подобные цветообозначения могут рассматриваться как художественно-выразительные средства, так как передают впечатление, оценку, чувства, что сближает номинацию цвета потребительских товаров с наименованием цвета в художественной литературе. Кроме того, художественные ассоциативные образы с участием цветообозначений провоцируют покупателя на когнитивную деятельность, мотивируя его на разгадывание загадок. Так, цветообозначение *songe* ‘мечта’, соответствующее нежно-розовому оттенку, обозначает «сновидение», «грезы»; *souçon de rose* ‘розовое сомнение’ — создает сложные коннотации, которые могут интерпретироваться как «скромность», «натуральность», «свежесть»; *gris sage* ‘серый мудрый’ — передает коннотации «сдержанность», «классика», «стабильность») [7, с. 29–30].

При номинации цвета товаров повседневного спроса цветообозначения, имеющие, как правило, отрицательные коннотации (*noir* ‘черный’, *gris* ‘серый’, *rose barbare* ‘варварский розовый’, *rose insolent* ‘розовый вызывающий’, *orange* ‘буря’, *éclipse* ‘затмение’), приобретают новые положительные смыслы. Так, *noir* и *gris* обозначают «элегантность», «изысканность», «стиль»; *rose insolent* и *rose barbare* интерпретируются как «независимость», «вызов»; *orange* и *éclipse* создают коннотации «сила духа», «мужество» [1; 3; 4].

Образное восприятие окружающего мира с участием цветообозначений возникает на когнитивном уровне языковой личности. Говорящий, переживая ментальные и психические состояния при взаимодействии с действительностью, пытается донести их до слушателя. Однако для понимания субъективного образа и его восприятия всеми участниками языкового общения необходимо, чтобы он был аналогичен их представлениям, входил в общую коммуникативную среду. Узнавание цветового образа — необходимое условие использования цвета как знака, с которым связано определенное значение. Для адекватной передачи цвета необходимо уметь декодировать коннотации, зависящие, по мнению Г. Г. Молчановой, от субъективных условий и эстетики языкового общества [9, с. 7–8].

В основе коннотаций лежит социально-эмоциональное осмысление реалий в контексте национальной культуры. Так, многие цветообозначения во французском

языке, в основе которых метафорический перенос, имеют национально-культурную специфику, так как отражают характерные реалии французской жизни и особый стиль *savoir vivre* ‘искусство жить’, который, как полагает Т. Ю. Загрязкина, «может ассоциироваться с понятием высокого класса, хорошего вкуса, продуманности формы и ее наполнения» [8, с. 50]. Стремление французов к оригинальности и изысканности в повседневной жизни представлено номинациями тонов красок для интерьера, где цветовыми прототипами выступают кулинарные блюда или традиционные для французов продукты питания: *vert épinard* ‘зеленый шпинат’, *rose dragée* ‘розовое драже’, *bonbon rose* ‘розовая конфета’, *beurre frais* ‘свежее масло’, *lie de vin* ‘винный осадок’, *champagne fumée* ‘винные пары’, *chartreuse* ‘шартрез’ (марка ликера), *armagnac* ‘арманьяк’ (вид бренди), *couleur de la crème dessert Montblanc* ‘цвет кремового десерта «Монблан»’, *sorbet citron* ‘лимонный сорбет’, *zéphir d’ivoire* ‘зефир слоновой кости’, *coulis de framboise* ‘малиновое пюре’, *orange confite* ‘засахаренный апельсин’, *zeste d’orange* ‘апельсиновая цедра’, *citron frappé* ‘взбитый лимон’, *chamallow* — десерт светло-желтого цвета, *macaron café* ‘миндальное печенье’, *crème de cassis* ‘джем из черной смородины’ [2].

Национально-культурные смыслы передаются также с помощью цветообозначений, в основе которых особенности национальной архитектуры: *rose de Toulouse* ‘тулузский розовый’, *bleu de Provence* ‘провансальский синий’, *bleu Majorelle* ‘синий Мажорель’ (ярко-синий, назван по фамилии автора этого оттенка, художника Жака Мажореля), *gris de Tour Eiffel* ‘серый <цвет> Эйфелевой башни’, *gris Trianon* ‘серый Трианон’ (дворцы Трианон в Версальском парке) [2].

Таким образом, прагматическая потребность в отражении многочисленных цветовых оттенков в сфере потребления диктует необходимость создания более сложных ассоциативных образов, выступающих в качестве художественно-выразительного средства и передающих не только цветовую окраску, но и создающих привлекательный образ потребительских товаров, стимулирующий воображение потребителя.

Библиографический список

Источники

1. Peugeot: каталоги автомобильной продукции 2016, 2019.
2. Dulux Valentine: сайт. URL: <https://www.duluxvalentine.com> (дата обращения: 04.11.2019).
3. Garnier. Catalogue produits cosmétiques, hiver 2019. URL: <http://www.garnier.fr/coloration/beaute/garnier> (дата обращения: 10.02.2019).
4. Guerlain: каталог косметической продукции 2019. URL: <http://www.guerlain.com/fr/> (дата обращения: 15.01.2019).

Литература

5. Бодрийяр Ж. Система вещей: пер. с фр. М.: Рудомино, 1999. 320 с.

6. Викулова Л. Г., Макарова И. В. Сайт маркетинговой направленности как коммуникативный канал: интернет-магазин «Лабиринт» // Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста / под ред. Л. Г. Викуловой и Е. Г. Борисовой. М.: Флинта, 2020. С. 19–31.

7. Воробьева Е. Ю. Динамика коннотативного потенциала цветообозначений во французском языке XX–XXI вв. (на примере номинаций товаров повседневного спроса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 34 с.

8. Загряжская Т. Ю. Франция в культурологическом аспекте: учеб. пособие. М.: Стратегия, 2007. 192 с.

9. Молчанова Г. Г. Синергия визуального и вербального в хроматике (живописи) как семиотический код коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 7–19.

10. Нечаева В. А. Маркетинговая коммуникация и бизнес-контакты: имиджевый, деловой и электронный дискурс // Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста / под ред. Л. Г. Викуловой и Е. Г. Борисовой. М.: Флинта, 2020. С. 100–119.

11. Hagège C. L'homme de paroles. Contribution linguistique aux sciences humaines. P.: Fayard, 1996. 307 p.

References

Istochniki

1. Peugeot: katalogi avtomobil'noj produkcii 2016, 2019.

2. Dulux Valentine: sajt. URL: <https://www.duluxvalentine.com> (accessed: 04.11.2019).

3. Garnier. Catalogue produits cosmétiques, hiver 2019. URL: <http://www.garnier.fr/coloration/beaute/garnier> (accessed: 10.02.2019).

4. Guerlain: katalog kosmeticheskoy produkcii 2019. URL: <http://www.guerlain.com/fr/> (accessed: 15.01.2019).

Literatura

5. Bodriyyar Zh. Sistema veshhej: per. s fr. M.: Rudomino, 1999. 320 s.

6. Vikulova L. G., Makarova I. V. Sajt marketingovoy napravlennosti kak kommunikativny'j kanal: internet-magazin «Labyrinth» // Marketingovaya lingvistika. Zakonomernosti prodvigayushhego teksta / pod red. L. G. Vikulovoj i E. G. Borisovoj. M.: Flinta, 2020. S. 19–31.

7. Vorob'eva E. Yu. Dinamika konnotativnogo potenciala czvetooboznachenij vo franczuzskom yazy'ke XX–XXI vv. (na primere nominacij tovarov povsednevnogo sprosa): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2020. 34 s.

8. Zagryazkina T. Yu. Franciya v kul'turologicheskom aspekte: ucheb. posobie. M.: Strategiya, 2007. 192 s.

9. Molchanova G. G. Sinergiya vizual'nogo i verbal'nogo v xromatike (zhivopisi) kak semioticheskij kod kommunikacii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2015. № 2. С. 7–19.

10. Nechaeva V. A. Marketingovaya kommunikaciya i biznes-kontakty': imidzhevy'j, delovoj i e'lektronny'j diskurs // Marketingovaya lingvistika. Zakonomernosti prodvigayushhego teksta / pod red. L. G. Vikulovoj i E. G. Borisovoj. M.: Flinta, 2020. S. 100–119.

11. Hagège C. L'homme de paroles. Contribution linguistique aux sciences humaines. P.: Fayard, 1996. 307 p.

E. Yu. Vorobyeva

Color Perception as a Means of Emotional Impact

The article deals with the color designations of the modern French language, participating in the nomination of colors of everyday goods. Consumer products are given expressive original color names in order to create bright memorable images for emotional impact produced on the buyer.

Keywords: color meanings; color perceptions; emotive meanings; connotative potential; metaphorical transfer.

УДК 81-119

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.43.3.06

**О. В. Казаченко,
Г. А. Иванкина**

Субъективное значение ценности «толерантность» как заимствованной мировоззренческой категории

Статья посвящена рассмотрению субъективного значения ценности «толерантность» с позиции психолингвистики. На основе анализа словарных дефиниций, социологического опроса, пилотного свободного ассоциативного эксперимента и контекстов употребления данной лексической единицы авторы доказывают, что его значение на современном этапе не сформировано, а навязанные СМИ стереотипы не сочетаются с личностнымприятием данного феномена.

Ключевые слова: толерантность; субъективное значение; ценность; психолингвистика.

Границы научного знания в современных условиях становятся все более прозрачными и взаимно пересекающимися. Это подтверждает тот факт, что различные науки изучают один и тот же объект, но исследование осуществляется своими методами и средствами. При этом разный ракурс рассмотрения позволяет получить наиболее объективные данные, которые при сопоставлении обогащают научное знание о каком-либо предмете.

Работы по изучению толерантности в последние годы появились в таких дисциплинах, как педагогика, правоведение и юриспруденция, социология, философия, психология, лингвистика, медицина, из терминологической базы которой, собственно, и пришло данное понятие. Повысилась частотность употребления слова, о чем свидетельствуют данные национального корпуса русского языка (рис. 1), что говорит о значимости данного понятия в современном мире.

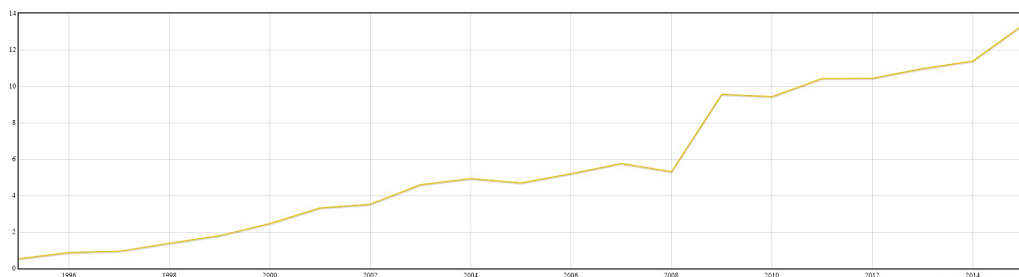

Рис. 1. Кривая употребления слова «толерантность» с 1996 по 2014 г.

Однако отношение к феномену «толерантность», а также его понимание и содержание у отдельных индивидов довольно сильно разнятся. С одной стороны, в публичном пространстве часто возникают разговоры о необходимости толерантного отношения к иной вере, культуре, индивидуальности. Так, В. В. Путин утверждает, что он приемлет принцип толерантности, терпимости по отношению к различным культурам, традициям, а также определяет милосердие через толерантность (цит. по: [2]). С другой стороны, толерантность все чаще критикуют. Например, бывший министр культуры В. Мединский в одном из интервью, сравнивая веротерпимость и добрососедские отношения, сказал: «...толерантность — это... мертвый, абстрактный принцип, заставляющий смиряться с любым чужим действием, в том числе с бесчинствами, уродством, пошлостью» (цит. по: [12, с. 1]).

Согласно Д. А. Леонтьеву, само понятие «толерантность» пока еще не сформировано. На лакуарность данной лексической единицы, репрезентирующей концепт «толерантность», также указывают И. А. Стернин и К. М. Шилихина [8, с. 5–6]. Между тем частота употребления слова «толерантность», как видно на рисунке 1, растет. Функционируя в языке, слово начинает приобретать различные коннотации и ассоциации, однако это пока не свидетельствует о понимании российским обществом его сущности и личностном принятии.

В отличие от конкретных существительных формирование индивидуального или субъективного значения абстрактного слова, имеющего специфичный денотат, строится на иных основаниях. Это в основном контексты употребления, а также социальные ситуации и их вербальное выражение, имеющие аксиологическое значение. По мнению И. А. Бубновой, у современных людей восприятие и усвоение понятий в основном правополушарное, «эмоционально-образное, отвечающее за конкретную информацию» [1, с. 96], что, вне всякого сомнения, еще больше затрудняет формирование индивидуального значения, осознаваемого нами как субъективное понимание (в психологии личностный смысл) фрагмента действительности определенным индивидом, овнешненного посредством уникального набора сем.

Существует несколько подходов к изучению рассматриваемого феномена: *аксиологический* (толерантность как ценность), *идеально-типический* (толерантность как идеал устройства общества), *онтолого-исторический* (развитие толерантности в историческом процессе) и *конфликтный* (толерантность как фактор регулирования конфликтов) [9]. Следует отметить, что каждый из подходов может реализовываться несколькими науками, а некоторые дисциплины могут иметь несколько подходов. Например, аксиологический ракурс исследуется философией, лингвистикой и психологией. Мы попытаемся представить взгляд на феномен толерантности с точки зрения психолингвистики в ракурсе изучения субъективного значения, существующего в образе мира современного человека. Для этого определим содержательную сторону термина.

Многие исследователи берут за основу определение, сформулированное в Декларации принципов толерантности из федеральной программы

«Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 гг.)». В документе понятие «толерантность» трактуется как «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности» [3, с. 110]. На наш взгляд, данное определение толерантности вызывает больше вопросов, чем ответов. Они касаются нескольких моментов. Во-первых, что означает «правильное понимание»? В условиях мирового мультикультурализма данное утверждение вообще не имеет смысла, поскольку то, что для одной культуры — норма, для другой — абсолютный нонсенс. Во-вторых, остается вопрос о степени или границах толерантности. В этом смысле должен быть соблюден баланс между субъектом и объектом толерантности, т. е. терпимое отношение человека (объекта) к проявлениям чужой индивидуальности (субъекта) не должно ставить первого в затруднительное положение. В-третьих, нерешенным остается вопрос субъекта толерантности: это индивид, социальная (или иная) группа, этнос или нация?

Очевидно, что даже в базовом научном определении остается много нерешенных вопросов.

В психолингвистике принято различать уровни ценностного сознания в зависимости от его субъекта: официальный уровень общественного сознания, значения которого закреплены в научных источниках; промежуточный уровень общественного сознания, отраженный в толковании лексических единиц в словарях; уровень обыденного общественного сознания как фиксация ассоциативных реакций профанных носителей языка в языковом сознании [10].

Как же тогда обстоит дело с обыденным сознанием, сознанием простых обывателей, носителей русского языка и культуры? Увеличение количественных показателей, на наш взгляд, совсем не означает понимания термина или понятия, а тем более принятия и сформированного личностного смысла (по А. Н. Леонтьеву).

Поскольку образ мира современного человека формируется в том числе и средствами массовой коммуникации, то само узнавание лексемы «толерантность» не вызывает сомнения, но вот содержательное его наполнение совсем не так однозначно. Под образом мира мы понимаем систему связанных смыслов и значений, формирующих экстралингвистическое знание (контекст) для индивида, «познающего мир, чувствующего и эмоционально-оценочно помечающего все воспринятое, в том числе и связанное со словом», выступающих «важнейшим инструментом познания, общения, адаптации к естественной и социальной среде» [5].

Чтобы иметь возможность работать со словом «толерантность» как с научным понятием необходим тщательный лингвистический анализ, заключающийся в рассмотрении синтагматических и парадигматических связей искомого слова, поиске его значений в словарях и текстах (корпусах). Информативным

представляется также и психолингвистический анализ, основанный на интерпретации текста, включающего сам текст, автора и реципиента. Иными словами, несмотря на то что изучается написанный (так сказать отторгнутый от автора) текст, он выполняет тем не менее коммуникативную функцию: обмен мнениями автора и читателя.

Лингвистический анализ ценности «толерантность» детально описан в диссертационном исследовании В. В. Матюшиной. На основании словарных статей энциклопедий, словарей и паремиологического фонда русского языка автор заключает, что толерантность понимается как терпимость, осложненная такими полярными значениями, как понимание, уважение чужого мнения, верование и поведение, снисходительность, содержательно близкая к нетребовательности, невзыскательности, пренебрежению, попустительству, равнодушию [6].

Сравнение английского слова *tolerance*, соответствующего заимствованному термину «толерантность», по данным «Оксфордского словаря», позволяет выделить четыре основных значения лексемы *tolerance*, которые можно обозначить следующим образом: 1) стойкость/выносливость, 2) позволение/допущение, 3) терпимость/снисходительность и 4) допустимое отклонение.

В «Большом толковом словаре» и «Толковом словаре Ушакова» лексема «толерантность» имеет следующие компоненты значения: 1) иммунологическое состояние организма, при котором он не способен синтезировать антитела в ответ на введение определенного антигена при сохранении иммунной реактивности к другим антигенам; 2) способность организма переносить неблагоприятное влияние того или иного фактора среды; 3) терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению (цит. по: [4]).

Отметим, что английские компоненты значения нам необходимы при анализе русского понятия, чтобы выяснить, насколько близким окажется их содержание.

Итак, нами был проведен пилотный ассоциативный эксперимент с элементами социологического опроса, включающий три вопроса:

1. Является ли толерантность ценностью?
2. Является ли толерантность ценностью для вас лично?
3. С какими словами ассоциируется у вас толерантность? Напишите три–пять первых пришедших вам в голову слов.

Респондентами выступили магистранты Института цифрового образования Московского городского педагогического университета ($N = 37$) в возрасте от 23 до 48 лет. Количество респондентов, полностью заполнивших анкету, — 36, одна анкета была заполнена частично.

Полученные ответы показали следующие результаты: 30 человек положительно ответили на первый вопрос, три человека ответили отрицательно, трое затруднились ответить. Таким образом, 81 % респондентов согласны, что толерантность является ценностью, по сравнению с 8 % высказавшимися против.

На вопрос о ценности толерантности для себя лично мы имеем следующие показатели: да — 28, нет — 6, не знаю — 2. При этом хотелось бы обратить внимание на несогласованность в ответах респондентов. Например, в некоторых анкетах респонденты не знали, является ли толерантность ценностью, но тем не менее для себя лично принимали ее как ценность. В одном отдельном случае испытуемый заявил, что толерантность вообще не является ценностью, но лично для него она таковой является. Еще в одной анкете на первый вопрос был получен отрицательный ответ, а на второй — положительный, т. е. респондент отрицал ценность «толерантность», но лично для себя ее ценностью признавал. При сопоставлении ответов на первые два вопроса мы получили следующие данные: 26 (70 %) респондентов положительно ответили на оба вопроса и 11 (30 %) испытуемых дали разные, в том числе и противоречивые ответы. Из полученных данных можно сделать вывод о том, что толерантность воспринимается как ценность многими участниками опроса, но понять, как испытуемые определяют ее для себя и каково конкретное содержание субъективного значения, мы смогли только при проведении свободного ассоциативного эксперимента.

Общее количество реакций на слово-стимул составило 126 ассоциатов.

Полученные данные распределились следующим образом:

- 19 реакций: уважение;
- 16 реакций: принятие;
- 15 реакций: терпимость;
- 11 реакций: понимание;
- 7 реакций: доброта;
- 5 реакций: равенство;
- 3 реакции: права;
- 2 реакции: любовь, борьба, люди, меньшинства, разнообразие, спокойствие, терпение;
- 1 реакция: безразличие, борьба за права, вежливость, взаимопонимание, воспитанность, восприятие, адекватное, всепрощение, демократия, договоренность, дружелюбие, ЛГБТ, личное пространство, лояльность, люди из разных слоев населения, мудрость, мысль, мягкость, неосуждение, нетрадиционная сексуальная ориентация, образованность, общественные меньшинства, обязанность, осведомленность, осознание, отсутствие межнациональных конфликтов, поведение, принятие различных религий, принятие сторонней позиции / точки зрения, принятие человека таким, какой он есть, равнодушие, разнообразие, расовое разнообразие, с людьми, не похожими на большинство: негры, гомосексуалисты, лесбиянки и т. д., смирение, солидарность, сохранение границ, спокойствие, способность, справедливость, тактичность, терпимость к людям, не похожим на тебя, уважение к другим национальностям, уважение ко всем, уважение меньшинства, уважительное отношение к женщинам, унижение, христианство, цивилизованность, чувственность, эмпатия.

Полученные данные показывают, что ядерная зона субъективного значения в языковом сознании респондентов представлена следующими компонентами: уважение, принятие, терпимость, понимание. К околоядерной зоне можно отнести следующие составляющие: доброта и равенство, остальные реакции пополняют периферию.

Отметим особенности ассоциативного поля имени ценности «толерантность». Это, во-первых, практически полное несоответствие сем значения лексики «толерантность» в английском языке и ассоциатов в нашем ассоциативном эксперименте, что говорит о том, что даже употребляя одно и то же слово для обозначения толерантности при межкультурном общении, полного понимания достигнуть будет довольно проблематично вследствие несовпадения личностных смыслов у коммуникантов. Во-вторых, количество положительных реакций превалирует над отрицательными, что несколько отличается от выводов В. В. Матюшиной, описанных нами ранее. И, в-третьих, наличие множества ассоциаций, связанных с расовыми, гендерными, сексуальными особенностями, что говорит о роли СМИ и телевидения, зачастую употребляющих слово «толерантность» именно в упомянутых контекстах.

Для уточнения результатов опроса и эксперимента нам представляется значимым анализ текстов/контекстов, где употреблялось данное слово, обозначающее имя анализируемой ценности. Спецификой текста, по мнению А. И. Новикова, является то, что он «представляет собой целостный комплекс языковых, речевых и когнитивных компонентов, неразрывное единство и взаимодействие которых и определяют его внутреннюю смысловую сущность» [7, с. 91]. Это подразумевает интегративный подход к тексту и его смыслу. Нами были отобраны 15 текстов-записей из «Живого журнала» (далее — ЖЖ) на запрос «толерантность». Выбор именно текстов имел свои основания: они задают тот контекст, который помогает не просто определить слово как лексическую единицу системы русского языка, а понять уровень сформированности понятия (по Л. С. Выготскому) и его место в индивидуальном образе мира человека — носителя определенной культуры.

Так как же определяют блогеры имя ценности «толерантность» и считают ли они ее вообще воплощением идеала? На последний вопрос могут дать ответ названия статей: «Толерантность или жизнь», «Толерантность — это болезнь», «Я не толерантный!», «Толерантность и “толерастия”», «Вы все еще толерантны? Ну-ну...», «Европа. Толерантность понад усе» и другие. Заглавия статей свидетельствуют, что авторы ЖЖ не принимают толерантность как необходимый в их жизни ценностный ориентир.

Для ответа на вопрос, является ли толерантность ценностью, приведем несколько субъективных определений.

Толерантность вовсе никакая не терпимость к разным там заезжим и альтернативно окультуренным народам и группам людей, а умение быть похожим

в поступках и поведении на Шарля Мориса Талейрана, непотопляемого министра иностранных дел Франции в 18–19-х вв., — талейрантность¹.

Слово «толерантность» происходит от имени французского политика Шарля Мориса де Тайлера, прославившегося тем, что он умудрился предать практически всех, кого имело смысл предать.

Толерантность — это смертельная болезнь общества. Наподобие СПИДа. Только влияет оно на мозг и на общество.

Толерантность — эдакое равнодушие — это сугубо человеческая черта не свойственная никаким другим животным.

Равнодушие к чужой вере, чужой нации, чужому образу жизни, взгляду и пр. Все это и есть толерантность.

Это настоящий троянский конь современности.

Толерантность — это всего лишь пофигизм по отношению к другим социальным группам или чем-то выделяющимся людям².

Приведенные суждения нередко указывают на нечто дурное, отклоняющееся от норм, правил, представлений, что подтверждается употреблением следующих «отрицательно заряженных» слов и словосочетаний: «альтернативно окультуренные народы», «предать», «смертельная болезнь», «наподобие СПИДа», «эдакое равнодушие», «троянский конь», «пофигизм» и другие, — демонстрирующие неприятие понятия «толерантность».

Отрицательное отношение не только к феномену, но и выражающей его лексеме, проявляется в негативных эмоциональных реакциях, избыточных в текстах ЖЖ:

Со временем реальное значение толерантности раскрылось мне во всем своем убожестве.

Не беда, что толерантностью иноземцев фактически принуждают оставаться в своем очаровательном агрессивно-бескультурном состоянии, это нормально.

Ну а что же происходит с той самой толерантностью в нашем мире сегодня? А ничего — ее как не было, так и нет... Это не недостаток толерантности, в частности. Это ее отсутствие...

¹ Здесь и далее тексты из ЖЖ приведены в аутентичном виде. — *Прим. ред.*

² Талейран и толерантность. URL: <https://ervix.livejournal.com/322041.html>; Толерантность или жизнь. URL: <https://rodline.livejournal.com/163578.html>; Толерантность — это болезнь. URL: <https://diletantmd.livejournal.com/23392.html>; Толерантность от католика в Сибири. URL: <https://haron2010.livejournal.com/803573.html>; Толерантность и “толерастия”. URL: <https://argon-ov.livejournal.com/36469.html> (дата обращения: 11.03.2020).

Демократическое светское государство основано именно на таком, понимаемом как индифферентность принципе толерантности, оно не вмешивается в дела религии, обеспечивая свободу вероисповедания.

Толерантность очень люблю, но местами борьба за права всех и вся достигает совсем абсурдных форм и проявлений.

Вместе с навязываемыми нам заморскими принципами толерантности в сознание российского общества пытаются внедрить готовность *беспрекословно* <...> принимать *противоречащие* нашим христианским принципам убеждения и взгляды, которые отличаются от наших собственных и *никогда* нами не разделялись и не одобрялись.

Всегда *терпеть не мог* слово «толерантность». Унизительное оно какое-то и *рабское*. И не мог разобраться почему мне так *противно* «быть толерантным», просто *душу воротит* (здесь и далее курсив наш. — О. К., Г. И.).

Чем дальше, тем *болезненнее* понимаю, что *абсолютными антонимами* толерантности для меня являются такие человеческие качества, как вежливость, деликатность, терпимость, сочувствие и сострадание.

На западе <...> *играют в толерантность*... Но так как наш народ, запад мягко говоря не сильно жалуется, то и к западной игре в толерантность, у нашего народа отношение как минимум *насмешливое*, а как максимум *ненавистное*.

Запомните — толерантность и мультикультурализм — *убивает*. Вас. На улицах ваших городов. *Убивает* напрямую и без метафор. Вы все еще толерантны? Тогда они идут к вам³.

Из примеров видно, насколько сильную, в основном негативную, реакцию вызывают вопросы, связанные с толерантностью. С нашей точки зрения, это связано с тем, что русскому языку и культуре чужды не само понятие толерантности, а те формы, которые в современном мире она обретает. Показательна в этой связи следующая запись ЖЖ: «Толерантность современной Европы — это то, к чему пришла концепция свободы, равноправия и либерализма, когда она стала доминировать над соображениями национальной безопасности, целесообразности и вообще над здравым смыслом. <...> Это либерализм, доведенный до абсурда, когда можно все, кроме нетолерантности... Толерантность современной

³ Талейран и толерантность. URL: <https://ervix.livejournal.com/322041.html>; Толерантность — это болезнь. URL: <https://diletantmd.livejournal.com/23392.html>; Религиозная толерантность. URL: <https://christ-civ.livejournal.com/4256.html>; Вот вам и толерантность. URL: <https://miumau.livejournal.com/3169656.html>; Я не толерантный! URL: <https://cczy.livejournal.com/100046.html>; Толерантность. URL: <https://edgar-leitan.livejournal.com/269298.html>; Про толерантность. URL: <https://seaface2.livejournal.com/241104.html>; Вы все еще толерантны? Ну-ну... URL: <https://linur2.livejournal.com/255313.html> (дата обращения: 08.11.2020).

Европы (особенно Германии) — это обратная крайность по отношению к фашизму, к нацизму»⁴.

С идеей толерантности многие авторы могли бы согласиться, однако мера и степень ее реализации у многих вызывает внутреннее отторжение: «Идея фикс. Однополые браки? Надо быть толерантными. Карикатуры на пророка? Надо быть толерантными. Что любопытно, надо быть толерантными одновременно и к мусульманам, и к карикатурам на них. К кому надо быть толерантнее — вот вопрос»⁵.

В работах лингвистов — исследователей значений слов «толерантность» и «терпимость» — наблюдается большой разброс мнений. Некоторые считают слова синонимами, говоря о том, что «терпимость» принадлежит к концептам русской культуры, а, «толерантность» — термин заимствованный, другие же полагают, что данные лексические единицы не соотносимы [11].

Диаметрально противоположными порой выступают понятия, выраженные словами «терпимость» и «толерантность»:

Я толерантность и терпимость синонимами не считаю. <...> Потому что первое это внешнее, навязанное сверху, это болезнь, которую пытаются возвести в ранг нормы, а второе — сугубо внутреннее ощущение человека, города, страны, народа.

Они [люди] думают, что терпимость происходит от тюремного слова «терпила».

Я за толерантность, которая есть терпимость и милосердие⁶.

Таким образом, комплексный лингвистический и психолингвистический анализ имени ценности «толерантность» позволил прийти к выводу о том, что, несмотря на широкую узнаваемость самой лексемы многими носителями русского языка, его субъективное значение, выражающее личностный смысл для человека, все еще остается довольно шатким и нечетким. В соответствии с результатами свободного ассоциативного эксперимента ядерная зона представлена следующими ассоциатами: уважение, принятие, терпимость, понимание, в околоядерной зоне находятся доброта и равенство. При этом следует отметить достаточно большое количество реакций на стимул «толерантность», связанных с гендерными, сексуальными, расовыми особенностями объектов толерантности. В то же время контексты употребления лексемы из «Живого журнала» показывают стойкую негативную реакцию на саму реализацию идеи толерантности, что также выражается в вербальных реакциях. Все эти факты, с нашей точки зрения, говорят о неприятии навязанного идеала, чуждой ценности для русского этноса.

⁴ Европа. Толерантность понад усе. URL: <https://amfora.livejournal.com/218210.html> (дата обращения: 09.05.2020).

⁵ Там же.

⁶ Толерантность — это болезнь. URL: <https://diletantmd.livejournal.com/23392.html>; Толерантность. URL: <https://mi3ch.livejournal.com/3530236.html>; Язык толерантности. URL: <https://tanjand.livejournal.com/2552674.html> (дата обращения: 04.03.2020).

Библиографический список

Литература

1. Бубнова И. А. Проблемы современного образования: психолингвистический аспект // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 4 (32). С. 94–103.
2. Гулов К. Без страха, но с упреком: Владимир Путин обозначил красные линии мировой политики [Электронный ресурс] / К. Гулов и др. // Известия. 2018. 19 октября. URL: <https://iz.ru/802131/izvestiia/bez-strakha-no-s-uprekom-vladimir-putin-oboznachil-krasnye-linii-mirovoi-politiki> (дата обращения: 07.02.2020).
3. Декларация принципов толерантности // Религиозная социализация и конфессиональный конфликт: документы и мат-лы / сост.: В. Г. Безрогов. М.; Таганрог: Памятники исторической мысли, 2003. С. 108–113.
4. Диденко В. В. Анализ значения лексем tolerance, толерантность и терпимость в английском и русском языках // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 4–2 (28). С. 151–173.
5. Залевская А. А. Значение слова и «живой поликодовый гипертекст» [Электронный ресурс] // Вопросы психолингвистики. 2013. № 1 (17). URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/zalevskaya-13.htm> (дата обращения: 07.02.2020).
6. Матюшина В. В. Психолингвистический анализ содержания ценности «толерантность»: на материале русского языка: дис. ... канд. филол. наук. М.: Ин-т языкознания РАН, 2017. 241 с.
7. Новиков А. И. Текст как объект исследования лингвopsихологии // Методология современной психолингвистики: сб. ст. М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 203 с.
8. Стернин И. А., Шилихина К. М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж: ВГУ, 2000. 110 с.
9. Солдатова Г. У., Асмолов А. Г., Шайгерова Л. А. О смыслах понятия толерантность // Век толерантности: научно-публицистический вестник. 2001. № 1–2. С. 8–18.
10. Тарасов Е. Ф., Ильина В. А. Общечеловеческие ценности в рамках триангуляционного подхода // Лингвокультурные ценности в полиэтническом обществе: коллективная монография / отв. ред.: В. И. Карасик, Е. А. Журавлева. Волгоград: Парадигма, 2015. С. 27–43.
11. Фельде В. Г. Соотношение понятий «терпимость» и «толерантность» // Омский научный вестник. 2012. № 4 (111). С. 155–157.
12. Яроцкий Ю. Это не уголовный кодекс культуры // Коммерсантъ. 2014. № 64. 15 апреля. С. 1.

References

1. Bubnova I. A. Problemy` sovremennogo obrazovaniya: psixolingvisticheskij aspekt // Vestnik NGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoe obrazovanie. 2018. № 4 (32). S. 94–103.
2. Gulov K. Bez straxa, no s uprekom: Vladimir Putin oboznachil krasny`e linii mirovoj politiki / K. Gulov i dr. // Izvestiya 19 oktjabrya 2018. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://iz.ru/802131/izvestiia/bez-strakha-no-s-uprekom-vladimir-putin-oboznachil-krasnye-linii-mirovoi-politiki> (data obrashheniya: 07.02.2020).

3. Deklaraciya principov tolerantnosti // Religioznaya socializaciya i konfessional'ny'j konflikt: dokumenty` i materialy` / sost.: V. G. Bezrogov. M.; Taganrog: Pamyatniki istoricheskoy my`sli, 2003. S. 108–113.
4. Didenko V. V. Analiz znacheniya leksem *tolerance*, *tolerantnost`* i *terpimost`* v anglijskom i russkom yazy`kax // Sovremennyye issledovaniya social'ny'x problem, 2016. № 4–2 (28). S. 151–173.
5. Zalevskaja A. A. Znachenie slova i «zhivoj polikodovy`j gipertekst» // Voprosy` psixolingvistiki. 2013. № 1 (17). [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/zalevskaya-13.htm> (data obrashheniya: 07.02. 2020).
6. Matjushina V. V. Psixolingvisticheskij analiz sodержaniya cennosti «tolerantnost`»: na materiale russkogo yazy`ka: dis. ... kand. filol. nauk M.: In-t yazy`koznaniya RAN, 2017. 241 s.
7. Novikov A. I. Tekst kak ob`ekt issledovaniya lingvopsixologii // Metodologiya sovremennoj psixolingvistiki: sb. st. / In-t yazy`koznaniya RAN, M-vo obrazovaniya RF, Alt. gos. un-t / nauch. red.: V. A. Pishhal'nikova]. M.; Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 203 s.
8. Sternin I. A., Shilixina K. M. Kommunikativny'e aspekty` tolerantnosti. Voronezh: VGU, 2000. 110 s.
9. Soldatova G. U., Samolov A. G., Shajgerova L. A. O smy`slax ponyatiya tolerantnost` // Vek tolerantnosti: nauchno-publicisticheskij vestnik. 2001. № 1–2. S. 8–18.
10. Tarasov E. F., Il`ina V. A. Obshechelovecheskie cennosti v ramkax triangulyacionnogo podxoda // Lingvokul'turny'e cennosti v polijetnicheskom obshhestve: kollektivnaya monografiya / otv. red.: V. I. Karasik, E. A. Zhuravleva. Volgograd: Paradigma, 2015. 390 s.
11. Fel'de V. G. Sootnoshenie ponyatij «terpimost`» i «tolerantnost`» // Omskij nauchny`j vestnik. 2012. № 4 (111). S. 155–157.
12. Yarockij Yu. E`tone ugolovny`j kodeks kul'tury` // Kommersant`. 2014. № 64. 15 aprelya. S. 1.

O. V. Kazachenko,
G. A. Ivankina

The Subjective Meaning of the Value of Tolerance as a Borrowed Ideological Category

The article deals with the subjective meaning of the value tolerance from the psycholinguistic point of view. By analyzing dictionary definitions and the contexts of their usage, holding a sociological survey and a pilot free association experiment, the authors conclude that its meaning is not formed at the current stage. The results show that media stereotypes do not reflect the personal acceptance of this phenomenon.

Keywords: tolerance; subjective meaning; value; psycholinguistics.

И. В. Стеколыщикова

Натуралистические идеи в ранних научных трудах Н. В. Крушевского

В статье представлен анализ языковедческих взглядов Н. В. Крушевского в аспекте натуралистической концепции языка. В статье освещены следующие вопросы: язык как живой организм, лингвистика как естественно-научная дисциплина, связь языка и мышления, язык и диалекты, естественный отбор и борьба за существование среди лингвистических элементов. Цель исследования — сравнение лингвистических воззрений Н. В. Крушевского и других лингвистов-натуралистов XIX в. для демонстрации приверженности ученого принципам лингвистического натурализма.

Ключевые слова: лингвистика; язык; мышление; диалект; лингвистический натурализм; слово.

Сравнительно небольшое лингвистическое наследие российского и польского языковеда Николая Вячеславовича Крушевского (1851–1887), представителя Казанской лингвистической школы, значимо и любопытно во многих отношениях, однако в связи с нашим научным интересом к лингвистическому натурализму XIX в. мы попытались связать теоретические воззрения Н. В. Крушевского на язык с соответствующими взглядами представителей натуралистического направления в языкознании. Поскольку подобных попыток до настоящего времени не предпринималось (этого ученого чаще сопоставляли с представителями младограмматиков, на которых он действительно много ссылается в своих трудах, а также с Фердинандом де Соссюром [1, с. 16; 3, с. 246; 12, с. 141; 14, с. 259–260]), то в этом и будет состоять научная новизна настоящего исследования. Теоретическая значимость заключается в пополнении системы знаний об одном из представителей Казанской лингвистической школы, в выявлении черт натурализма в трудах Н. В. Крушевского. Ведущие методы научного исследования, используемые в статье, — описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный.

Как известно, натуралистическая концепция языка сложилась в 1850-х гг. под влиянием эволюционной теории Чарлза Дарвина и широкой популяризации естественных наук и существовала до конца XIX в., а во Франции даже дольше (работа последнего французского лингвиста-натуралиста Жюльена Винсона вышла в 1922 г.) [11, с. 332–336]. Несомненно, идеи Чарлза Дарвина дали опору для научных построений Августа Шлейхера и других лингвистов-натуралистов (Макса Мюллера, Фредерика Фаррара, Абея Овелака, Луи Бенлоэва и пр.), которые увидели важнейшие параллели между этапами развития живых существ и языков; между борьбой за существование и естественным отбором в природе и языке. Август Шлейхер выдвинул постулаты о языке как живом организме и о принадлежности языкознания к естественным наукам, что, безусловно, можно считать индикатором для отнесения того или иного ученого второй половины XIX в. к натуралистическому направлению. Идеи Шлейхера о «родословном древе» (аналогично биологической систематике в дарвиновском виде), о дивергенции языков, о лингвистическом законе и пр. существенно повлияли на последующее развитие языкознания.

В данной статье мы рассмотрим ранние произведения Н. В. Крушевского (1876–1881), которые отличаются небольшим объемом и узкой направленностью, но тем не менее содержат некоторые общетеоретические положения лингвистики и отдельные постулаты, которые позволили нам рассматривать его идеи как коррелирующие с лингвистическим натурализмом.

Уже в произведении «Заговоры как вид народной поэзии» (1876) Н. В. Крушевский высказывает ряд мыслей, которые связывают его с представителями натуралистического направления в языкознании. В первую очередь это взгляд на язык как на живой организм, свойственный большинству лингвистов натуралистического направления: «Если эта мысль покажется хотя сколько-нибудь странной, вспомним недавно покинутый взгляд на язык. Его тоже считали продуктом сознательной деятельности человека, продуктом договора; однако более глубокие исследования заставляют в нем видеть живой организм, на развитие которого весьма мало влияет сознание и воля человека» [4, с. 34]. Сравним этот тезис Н. В. Крушевского с соответствующими высказываниями Абея Овелака и Августа Шлейхера: «...l'on peut considérer la langue comme un organisme» [16, p. 8]; «Languages are organisms of nature; they have never been directed by the will of man; they rose, and developed themselves according to definite laws; they grew old, and dye out» [22, p. 20–21]. В последнем постулате (А. Шлейхера) мы видим (помимо описания языка как живого организма с присущими ему, как и всем земным существам, определенных стадий развития) то же упоминание, что человеческая воля не способна управлять языком.

Слово, в свою очередь, по мнению Н. В. Крушевского, является живым существом [4, с. 41], оно «настолько же материально, насколько и другие, действительно материальные предметы» [4, с. 45].

Следующая идея, свойственная всем лингвистам натуралистического направления, ясно выраженная в данном произведении Н. В. Крушевского, —

это тесная связь языка и мышления, слова и мысли, доходящая до отождествления одного с другим: «Слово и мысль не два различных факта, а один и тот же факт» [4, с. 36]. Приведем подобные высказывания лингвистов-натуралистов: «I consider the identity of language and reason as one of the fundamental principles of our science» [19, p. 80]; «...мышление и речь тождественны...» [13, с. 114].

Использование «биологических» метафор, которыми отличались труды всех лингвистов натуралистического направления, характерно для работ Н. В. Крушевского (см., например, «Заговоры как вид народной поэзии»). Согласно Максу Мюллеру, наука о языке «должна обучать устройству органа мысли» (языка) [9, с. 474], в результате чего учащиеся знакомятся «с костями, мускулами, нервами в грамматике и словаре» [9, с. 474]. Карл Беккер соотносит язык с семенем, производство высказывания — с осеменением, восприятие сообщения — со сбором пророщенного семени, для осуществления которого необходимы органы произнесения и слуха, составляющие в совокупности «органы слова» [11, с. 125; 2, с. 5–6].

У Н. В. Крушевского мы находим примеры олицетворения при описании мировоззрения народа и народных произведений: «...продукты народной жизни, раз получив жизнь, живут и тогда, когда корни их давно засохли и смысл позабыт» [4, с. 35]; «Но с течением времени прежние представления переживаются, хотя и не умирают...» [4, с. 31]; «Одно мировоззрение сменяется другим, но, в силу указанной уже живучести, осколки прежнего мировоззрения не умирают, а продолжают жить, амальгамируясь с новым» [4, с. 39]; «Давно засохли в сознании народа те корни, которые впервые дали ему жизнь...» [4, с. 44].

В работе «Об аналогии и народной этимологии» (1879) Н. В. Крушевский высказывает ряд сходных с натурализмом мыслей. Так, он соотносит язык с организмом, когда говорит о фонетической ассимиляции и своем несогласии называть ее патологическим процессом в языке: «Патологический процесс обыкновенно понимают как такой естественный процесс, который стремится к прекращению существования организма. Между тем ассимиляция вовсе не стремится к прекращению существованию языка» [7, с. 57].

Вслед за учеными натуралистического направления Н. В. Крушевский в указанном труде применяет к языку и языковым процессам дарвиновский закон естественного отбора и борьбы за существование: «Поэтому ассимиляцию можно определить как естественный языковой процесс, состоящий в устранении более слабых элементов в языке и замены их более сильными» [7, с. 57]; «...менее употребительные формы слова изменяемого ассимилируются к более употребляемым» [7, с. 53].

Ученый говорит о слове как о живом существе и подбирает к нему определения, более подходящие для характеристики людей: «Наконец, в области лексического богатства языка — к приурочению к живым корням слов одиноким или бездомным, темным и пришлым» [7, с. 57].

В работе «Предмет, деление и метод науки о языке» (1880) Н. В. Крушевский последовательно раскрывает содержание науки лингвистики, предметом которой, по его мнению, является изучение естественного процесса развития языка, иначе говоря, определение законов, по которым язык развивается «с формальной и функциональной стороны» [8, с. 65]. Таким образом, язык здесь вновь изображается как некий организм, способный естественным образом развиваться в определенных условиях и по определенным законам.

Понимание лингвистики как естественно-научной (физической в терминологии Макса Мюллера) дисциплины свойственно всем лингвистам натуралистического направления: «The science of language is consequently a natural science; its method is generally altogether the same as that of any other natural sciences» [22, p. 21]; «I always took it for granted that the science of language, which is best known in this country by the name of comparative philology, is one of the physical science, and that therefore its method ought to be the same as that which has been followed with so much success in botany, geology, anatomy, and other branches of the study of nature» [18, p. 23]; «La linguistique, comme toutes les sciences naturelles nous force à admettre que l'homme s'est développé de formes inférieures...» [17, p. 36]. Схожее мнение на вопрос о принадлежности лингвистики к естественнонаучным дисциплинам подчеркивается у Н. В. Крушевского специфической физико-технической терминологией: «Слово есть агрегат человеческих звуков»; «Такое исследование приведет к раскрытию звукофизиологических (антропофонических) и фонетических законов, действующих в языке» [8, с. 66].

Не избегает ученый в работе «Предмет, деление и метод науки о языке» и метафоризации с использованием биологических понятий: «Воссоздать языки давно погибшие...» [8, с. 67], «Такие общие истины возможны и в лингвистике, особенно в части ее, называемой физиологией звуков» [8, с. 70].

Наряду с лингвистами натуралистического направления, считавшими диалекты более ценными объектами исследования, нежели литературные языки («For that purpose a study of Chinese and the Turanian dialects, a study even of the jargons of the savages of Africa, Polynesia, and Melanesia is far more instructive than the most minute analyses of Sanskrit and Hebrew» [20, p. 75]), Н. В. Крушевский также уделяет особое внимание живым языкам и диалектам и выявляет в науке «то пренебрежение, какое оказывалось и оказывается новым языкам» в настоящее время [8, с. 69]. Он замечает, что немногие современные ему ученые занимаются живыми языками, даже если они «свободны от неосновательного предубеждения против новых языков» [8, с. 70]. Сам он полагает, что сравнительно-историческое языкознание построено не на тех основаниях. Цель лингвиста, по его мнению, — открытие законов в языке, «изучение характера звуков данного языка, условий и законов их изменения и исчезновения и условий появления новых звуков», чему может способствовать только исследование живых языков, а не воссоздание «звуковых систем праязыков» [8, с. 69].

Таким образом, по словам Н. В. Крушевского, изучение живых языков способствует:

- 1) открытию языковых законов;
- 2) установлению взаимной связи между этими законами;
- 3) более точному восстановлению языков-родоначальников;
- 4) выявлению «взаимной связи между разнообразными фонетическими и морфологическими чертами языка» [8, с. 70].

Вслед за Августом Шлейхером и Абелем Овелаком Н. В. Крушевский сопоставляет лингвиста с зоологом, который должен начинать изучение животных с существующих, а не ископаемых видов [8, с. 70]. Найдем подобные сопоставления и у других лингвистов-натуралистов. Фредерик Фаррар, например, сравнивает языковеда с ботаником, а формирование языка — с распусканием цветка: «Every essential part of language existed as completely (although only implicitly) in the primitive germ, as petals of a flower exist in the bud before them in glad of the sun and the air have caused it to unfold» [15, p. 35].

Труд Н. В. Крушевского «К вопросу о гуне. Исследования в области старославянского вокализма» (1881), защита которого дала ему степень магистра сравнительного языкознания, можно назвать манифестом лингвистического натурализма. Среди основных положений работы, говорящих в пользу данного утверждения, следует назвать следующие:

- 1) лингвистика принадлежит естественным наукам, а не историческим, а значит, к ней применимы естественно-научные методы исследования;
- 2) в языке можно наблюдать действие законов, тождественных тем, которые действуют в других областях сущего, т. е. в природе; таким образом, язык — природное явление, управляемое природными законами;
- 3) исходным пунктом при изучении языка должны быть новые, живые языки, а не древние [5, с. 92].

Соответственно, язык описывается ученым как сложный организм, включающий физиологическую и психическую сторону, напоминающий организм человеческих существ: «Язык представляет нечто, стоящее в природе совершенно особняком: сочетание явлений физиологическо-акустических, управляемых законами физическими, с явлениями бессознательно-психическими, которые управляются законами совершенно другого порядка» [5, с. 72].

Фонетическую систему древнейших языков Н. В. Крушевский сравнивает с астрономией, поскольку фонетические особенности древних языков непосредственно не доступны нашему наблюдению и могут быть установлены только индуктивно [5, с. 73]. Любопытно, что ранее ученый называл сравнительно-историческое языкознание «археологическим» направлением в лингвистике за излишнюю увлеченность мертвыми языками: «Воссоздавать языки давно погибшие, языки, о которых мы заключаем только по известными нами живым и мертвым родичам, — вот идеал, который рисует лингвисту один из известнейших современных ученых...» [8, с. 67]. «В связи с направлением

лингвистики, которое можно назвать археологическим, находится то пренебрежение, какое оказывалось и оказывается новым языкам» [8, с. 69].

Дарвиновская борьба за существование, ярко описанная Максом Мюллером в журнале «Природа» в применении к лингвистическим явлениям («A much more striking analogy, therefore than the struggle for life among words and grammatical forms which is constantly going on in each language. Here the better, the shorter, the easier forms are constantly gaining the upperhand, and they really owe their success to their own inherent virtue» [21, p. 257]), также нашла отражение в данной работе Н. В. Крушевского: «Таким образом, бессознательно психическое начало спасло обреченное на неминуемую гибель чередование о/а тем, что заставило его исполнять новую функцию» [5, с. 83].

Подводя итоги нашему сопоставительному исследованию, мы можем сделать вывод, что понимание лингвистики как естественно-научной дисциплины, языка как живого организма, использование многочисленных биологических метафор, применение дарвиновских законов естественного отбора и борьбы за выживание к лингвистическим фактам, отождествление языка и мышления, придание определяющей роли изучению живых языков и диалектов вместо древних языков и пр. свидетельствует в пользу того, что лингвистическая теория, представленная в ранних трудах (1776–1881) Н. В. Крушевского, коррелирует с лингвистическим натурализмом. Иными словами, мы можем констатировать, что среди отечественных ученых Николай Вячеславович Крушевский по своим воззрениям наиболее близко примыкает к натуралистическому направлению в языкознании наряду с Измаилом Ивановичем Срезневским¹.

Библиографический список

Литература

1. Алпатов В. М. «Великий кризис» в истории лингвистики и пути его преодоления // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 7–21.
2. Беккер К. Организм языка // Филологические записки. Воронеж: Типография В. Гольдштейна, 1860. № 1–6. С. 3–72.
3. Булич С. К. Крушевский Николай Вячеславович // Н. В. Крушевский. Избранные работы по языкознанию. М.: Наследие, 1998. С. 244–247.
4. Крушевский Н. В. Заговоры как вид русской народной поэзии (1876) // Н. В. Крушевский. Избранные работы по языкознанию. М.: Наследие, 1998. С. 25–47.
5. Крушевский Н. В. К вопросу о Гуне. Исследования в области старославянского вокализма (1881) // Н. В. Крушевский. Избранные работы по языкознанию. М.: Наследие, 1998. С. 71–95.
6. Крушевский Н. В. Лингвистические заметки (1880) // Н. В. Крушевский. Избранные работы по языкознанию. М.: Наследие, 1998. С. 59–64.
7. Крушевский Н. В. Об аналогии и народной этимологии (1879) // Н. В. Крушевский. Избранные работы по языкознанию. М.: Наследие, 1998. С. 48–58.

¹ О месте последнего в русском натурализме см. [10, с. 28].

8. Крушевский Н. В. Предмет, деление и метод науки о языке // Н. В. Крушевский. Избранные работы по языкознанию. М.: Наследие, 1998. С. 65–70.
9. Мюллер М. Наука о мысли: пер. с англ. 2-е изд., доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 496 с.
10. Стеколыщикова И. В. Натуралистическая концепция языка И. И. Срезневского // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2016. № 5. С. 22–30.
11. Стеколыщикова И. В. Натуралистическая концепция языка в языкознании XIX века: общее и специфическое: дис. ... д-ра филол. наук. Мытищи: Московский гос. обл. ун-т, 2020. 607 с.
12. Тазеев Г. Г., Ахметзянова Г. Р., Филькова А. Ю. Некоторые вопросы фонологии, морфологии и системности языка в работе Н. В. Крушевского «Очерк науки о языке» // Вестник Волжского университета имени Е. Н. Татищева. 2018. Т. 1. № 4. С. 138–147.
13. Шлейхер А. Немецкий язык // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. С. 110–116.
14. Якобсон Р. О. Значение Крушевского в развитии науки о языке (1971) // Н. В. Крушевский. Избранные работы по языкознанию. М.: Наследие, 1998. С. 262–271.
15. Farrar F. W. An Essay on the Origin of Language. London: John Murray, 1860. 232 p.
16. Hovelacque A. L'évolution du langage. Paris: Typ. A. Henner, 1885. 24 p.
17. Hovelacque A. La linguistique. 3-ème éd. Paris: C. Reinwald et C. Libraried'éditeur, 1881. 436 p.
18. Müller M. Lectures on the Science of Language. 6-th ed. In two volumes. Vol. 1. London: Longmans, Green, and Co, 1871. 371 p.
19. Müller M. Lectures on the Science of Language. 6-th ed. In two volumes. Vol. 2. London: Longmans, Green, and Co, 1871. 668 p.
20. Müller M. On the Stratification of Language, Delivered Before the University of Cambridge // Chips from a German Workshop. Vol. 4. London: Longmans, Green, and Co, 1875. P. 65–116.
21. Müller M. The Science of Language // Nature. 1870. Jan. 6. P. 256–259.
22. Schleicher A. Darwinism Tested by the Science of Language. Translated from the German by Dr. Alex. V. W. Bickers. London: John Camden Hotten, 1869. 70 p.

References

Literatura

1. Alpatov V. M. «Velikij krizis» v istorii lingvistiki i puti ego preodoleniya // Voprosy` yazy`koznaniya. 2020. № 5. S. 7–21.
2. Bekker K. Organizm yazy`ka // Filologicheskie zapiski. Voronezh: Tipografiya V. Gol`dshtejna, 1860. № 1–6. S. 3–72.
3. Bulich S. K. Krushevskij Nikolaj Vyacheslavovich // N. V. Krushevskij. Izbranny`e raboty` po yazy`koznaniyu. M.: Nasledie, 1998. S. 244–247.
4. Krushevskij N. V. Zagovory` kak vid russkoj narodnoj poe`zii (1876) // N. V. Krushevskij. Izbranny`e raboty` po yazy`koznaniyu. M.: Nasledie, 1998. S. 25–47.
5. Krushevskij N. V. K voprosu o Gune. Issledovaniya v oblasti staroslavjanskogo vokalizma (1881) // N. V. Krushevskij. Izbranny`e raboty` po yazy`koznaniyu. M.: Nasledie, 1998. S. 71–95.

6. Krushevskij N. V. Lingvisticheskie zametki (1880) // N. V. Krushevskij. Izbranny'e raboty' po yazy'koznaniyu. M.: Nasledie, 1998. S. 59–64.
7. Krushevskij N. V. Ob analogii i narodnoj e'timologii (1879) // N. V. Krushevskij. Izbranny'e raboty' po yazy'koznaniyu. M.: Nasledie, 1998. S. 48–58.
8. Krushevskij N. V. Predmet, delenie i metod nauki o yazy'ke // N. V. Krushevskij. Izbranny'e raboty' po yazy'koznaniyu. M.: Nasledie, 1998. S. 65–70.
9. Myuller M. Nauka o my'sli: per. s angl. 2-e izd., dop. M.: LIBROKOM, 2011. 496 s.
10. Stekol'shchikova I. V. Naturalisticheskaya koncepciya yazy'ka I. I. Sreznevskogo // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Lingvistika. 2016. № 5. S. 22–30.
11. Stekol'shchikova I. V. Naturalisticheskaya koncepciya yazy'ka v yazy'koznanii XIX veka: obshhee i specificheskoe: dis. ... d-ra filol. nauk. My'tishhi: Moskovskij gos. obl. un-t, 2020. 607 s.
12. Tazeev G. G., Axmetzyanova G. R., Fil'kova A. Yu. Nekotory'e voprosy' fonologii, morfologii i sistemnosti yazy'ka v rabote N. V. Krushevskogo «Ocherk nauki o yazy'ke» // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni E. N. Tatishheva. 2018. T. 1. № 4. S. 138–147.
13. Shlejxer A. Nemeczkij yazy'k // Zvegincev V. A. Istoriya yazy'koznaniya XIX–XX vv. v ocherkax i izvlecheniyax. Ch. 1. M.: Prosveshhenie, 1964. S. 110–116.
14. Jakobson R. O. Znachenie Krushevskogo v razvitii nauki o yazy'ke (1971) // N. V. Krushevskij. Izbranny'e raboty' po yazy'koznaniyu. M.: Nasledie, 1998. S. 262–271.
15. Farrar F. W. An Essay on the Origin of Language. London: John Murray, 1860. 232 p.
16. Hovelacque A. L'évolution du langage. Paris: Typ. A. Henner, 1885. 24 p.
17. Hovelacque A. La linguistique. 3-ème éd. Paris: C. Reinwald et C. Librarié d'éditeur, 1881. 436 p.
18. Müller M. Lectures on the Science of Language. 6-th ed. In two volumes. Vol. 1. London: Longmans, Green, and Co, 1871. 371 p.
19. Müller M. Lectures on the Science of Language. 6-th ed. In two volumes. Vol. 2. London: Longmans, Green, and Co, 1871. 668 p.
20. Müller M. On the Stratification of Language, Delivered Before the University of Cambridge // Chips from a German Workshop. Vol. 4. London: Longmans, Green, and Co, 1875. P. 65–116.
21. Müller M. The Science of Language // Nature. 1870. Jan. 6. P. 256–259.
22. Schleicher A. Darwinism Tested by the Science of Language. Translated from the German by Dr. Alex. V. W. Bickers. London: John Camden Hotten, 1869. 70 p.

I. V. Stekol'shchikova

Naturalistic Ideas in the Early Scientific Works of M. Kruszewski

The article regards M. Kruszewski's linguistic views in the aspect of naturalistic conception of language. The article touches upon the following issues: language as a living being, linguistics as a natural science, thought-language correlation, language and dialects, natural selection and struggle for life of linguistic elements. The aim of the research is to compare linguistic views of M. Kruszewski's and of other linguists representing naturalistic school of the XIX-th century and to define if M. Kruszewski belongs to naturalistic school.

Keywords: linguistics; language; thought; dialect; linguistic naturalism; word.

УДК 81.23

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.43.3.08

**А. В. Колмогорова,
Ю. А. Горностаева**

Дискурсивная специфика эмоциональной легитимации монархии в испанских СМИ

Статья посвящена проблеме изучения роли эмоций в процессе легитимации испанской монархии при королях Хуане Карлосе I и Филиппе VI в политическом дискурсе испанских СМИ. Цель — описать процесс эмоциональной легитимации испанской монархии в лице двух последних королей династии Бурбонов в испанском политическом массмедийном дискурсе. Описана модель эмоциональной легитимации, которая включает в себя такие элементы, как: субъект легитимации (СМИ), ее мишень (массовое сознание), объект (монархия), средства (формируемые у читателя эмоции), способы (дискурсивная стратегия апелляции к авторитету эксперта), канал (голоса свидетелей), источник (эмоциональные фреймы), легитимирующий эффект (эмоциональный отклик читателя).

Ключевые слова: политический дискурс СМИ; легитимация власти; испанская монархия; эмоции.

В фокусе нашего внимания в данной публикации находятся два феномена — эмоции и легитимация. Надо сказать, что оба — относительно недавно оказались в поле внимания лингвистических исследований.

Эмоциями в языке и речи лингвисты активно занялись в рамках научного направления лингвоэмотиологии, предложенного В. И. Шаховским [12]. Недооценка важности лингвистической ипостаси эмоций, по мнению исследователей, не позволяет комплексно изучить данный объект [6; 12]. Интерес к эмоциональной составляющей еще более усилился, когда о роли эмоций заговорили в рамках так называемого дискурса новой чувствительности в социальных медиа, а компьютерные лингвисты занялись разработкой технологий детектирования эмоций в текстах.

Термин «легитимация», несмотря на древнюю этимологию, стал активно воспроизводиться в лингвистических рефлексиях в связи со становлением парадигмы критического дискурс-анализа. Так, согласно П. Бергеру и Т. Лукману, всякий социальный институт проходит в своем становлении три стадии: 1) типизацию — когда разрозненные ранее схемы поведения объединяются в глазах общества в устойчивые повторяющиеся паттерны (типы); 2) объективацию — когда типизированные формы поведения воплощаются в «социально видимые» объекты, некие материализованные манифестации; 3) легитимацию — когда

этим материализовавшимся социальным формам находится приемлемое объяснение и оправдание их необходимости [8, с. 92–104].

В современной дискурсологии легитимация рассматривается как дискурсивная стратегия конструирования легитимности некоторого объекта или субъекта [16; 19], например социального института или лица, его символизирующего.

В современной Испании таким социальным институтом, нуждающимся в дополнительном обосновании своей необходимости, в том числе и на уровне эмоционального приятия, является монархия. В мире, где демократические ценности и горизонтальные связи в социуме становятся основой самоидентификации гражданина, все труднее найти нишу для королей. Но на помощь слабым рациональным доводам в этом случае приходят эмоции.

Для описания такой эмоциональной «механики» легитимации мы будем пользоваться следующими терминологическими актантами: *субъект легитимации* — тот, кто легитимирует; *объект легитимации* — то, что легитимируется; *мишень легитимации* — тот, в картине мира которого данный объект нуждается в легитимации; *источник легитимации* — некоторые глубинные механизмы, на которые опираются в дальнейшем способы и средства легитимации (в нашем случае — это фреймы); *способы легитимации* — дискурсивные стратегии, которыми пользуются субъекты; *средства легитимации* — социально авторизованные эмоции; каналы легитимации — коммуникативно-дискурсивная форма, которая становится проводником для способов легитимации, и, наконец, *легитимирующий эффект* — ощущение приятия, появляющееся у мишени легитимации вследствие применения субъектом некоторых способов легитимации.

Таким образом, цель статьи — описать процесс эмоциональной легитимации испанской монархии в лице двух последних королей династии Бурбонов в испанском политическом массмедийном дискурсе.

Актуальность подобной проблематики связана как с растущим интересом гуманитарных наук к процессу легитимации, так и с изменениями, происходящими в общественном мнении Испании относительно статуса и роли монархов.

Ведущим методом исследования является дискурсивный анализ политического медиадискурса с применением элементов лексико-семантического анализа и корпусного лингвистического анализа.

Материалом исследования стали массмедийные политические тексты на испанском языке из изданий *El País* и *El Mundo* общим объемом более 500 000 знаков, содержащие упоминание об испанской королевской семье — королях Хуане Карлосе I и Филиппе VI. При формировании исследовательского корпуса примеров мы руководствовались методом целевой выборки.

Процесс формирования эмоций в медиадискурсе: рациональность и ценностная обусловленность

Проблема вербальных проявлений эмоций в медиаопосредованной коммуникации весьма актуальна. Один из главных дискуссионных вопросов здесь:

может ли человек говорить о любой эмоции, которую он испытывает, в медиапространстве?

Так, одним из первых об иллюзорности данного факта заговорил П. Шародо, который утверждал, что человек, прежде всего, должен иметь право, с точки зрения других участников массмедийного дискурса, говорить о той или иной эмоции. Исследователь описал три конститутивных признака эмоций.

Во-первых, эмоции предопределены намерениями. Вопреки расхожему мнению о том, что эмоции связаны исключительно с состоянием аффекта, они не так уж иррациональны, их нельзя приравнивать к простым ощущениям [14]. Скорее, они манифестации рациональной эмоциональности: когда мы действуем, как нам кажется, рационально, желая достигнуть цели, мы движимы собственными субъективными представлениями о выгодах, которые ждут нас по достижении цели [15].

Во-вторых, эмоции связаны с убеждениями. Одних знаний в рамках эмоциональной рациональности недостаточно. Чтобы испытывать эмоции, субъект должен оценивать имеющиеся знания и позиционировать себя по отношению к ним.

В социальном контексте эмоции рассматриваются как суждения, основанные на убеждениях, разделяемых какой-либо социальной группой. При этом отрицание данных убеждений влечет за собой моральную санкцию, проявляющуюся в виде отвержения [14].

И, наконец, в-третьих, эмоции являются частью проблемы психосоциальной репрезентации. Оценочные суждения, разделяемые социумом, навязывают субъекту эмоции, которые он должен испытывать в определенной ситуации, т. е. непосредственно влияют на его эмоциональную психосоциальную репрезентацию. Так, ситуация несчастного случая внутри существующих социально принятых моральных убеждений должна вызывать сострадание к пострадавшим, в противном случае последует моральная санкция общества в виде порицания [14].

Следовательно, эмоции рациональны и неразрывно связаны с убеждениями, которые существуют внутри определенной социальной группы; они представляют собой поляризованные знания, сформированные вокруг общих социальных ценностей; нужные «эмоциогенные» убеждения нередко навязываются извне, например прессой в рамках массмедийного политического дискурса. Неуважительное отношение к существующим убеждениям всегда влечет за собой санкцию в виде порицания членами данного социума или вовсе — изгнания из социальной группы.

Таким образом, индивидам «разрешают» испытывать только удобные социуму (правлящей элите) эмоции посредством навязывания нужных убеждений социального характера через медиапространство. Субъект выбирает одну или несколько логических связей, которые доступны ему в рамках каждой конкретной ситуации, и переживает определенное эмоциональное состояние, которое ему «разрешили» пережить.

Современные исследователи убеждены, что эмоциональная информация в тексте может быть выражена языковыми средствами всех языковых уровней, однако, как считает Л. Г. Бабенко, именно лексика является основным репрезентантом эмоций в тексте. Данный лексический пласт определяют как эмотивную лексику [6, с. 11]. Некоторые ученые предлагают выделять три группы лексических единиц: лексику, называющую эмоции; лексику, описывающую эмоции; и лексику, выражающую эмоции, — эмотивную лексику [12]. В рамках проводимого нами исследования мы называем все лексические репрезентанты эмоций, участвующие в процессе эмоциональной легитимации, эмоциогенной лексикой.

Разделяя мнение Н. А. Красавского о том, что пока в научной литературе отсутствует четкое терминологическое разграничение родственных понятий «эмоция», «чувство», «ощущение» [11, с. 130], в контексте данного исследования мы используем термин «эмоция». Вслед за В. И. Ильиным [9] мы считаем, что чувства переживаются, а эмоции выражаются в формах, доступных для интерпретации другими участниками ситуации, поэтому объектом нашего анализа являются последние.

Тем не менее с точки зрения дискурсивного анализа непросто выявить следы эмоций, которые испытывают участники дискурса, поскольку в языковом плане сами называющие их лексемы — «страх», «гнев» и т. п. — не обязательно вызывают данные эмоции. Нередко другие лексические единицы способны порождать определенные эмоции: лексемы «убийство», «резня», «преступление» заставят испытывать страх быстрее, чем собственно «страх». Однако и это неточно, поскольку лексические единицы могут быть интерпретированы по-разному, в зависимости от контекста, адресанта и адресата. С дискурсивной точки зрения эмоции рассматриваются как возможные эффекты, которые определенный языковой акт может произвести в данной ситуации [14].

Мы полагаем, что в рамках процесса легитимации формирование через дискурс определенной эмоции является мощным инструментом воздействия на мишень легитимации, а ее появление у этой самой мишени может рассматриваться как доказательство того, что легитимирующий эффект достигнут.

Эмоция жалости как средство легитимации испанской монархии при Хуане Карлосе I

В современном демократическом обществе даже такой консервативный и не приемлющий модификаций социальный институт, как монархия, вынужден меняться и подстраиваться под существующие в мире идеалы и ценности свободы, политического равенства, права голоса, которые нередко противоречат самой сути монархического уклада. Демократия борется против злоупотребления властью, а значит, институт монархии вынужден доказывать

свою состоятельность и отстаивать право на существование в новой свободной демократической действительности. В Европе испанская королевская семья остается островком консерватизма, вызывающим множество споров и обсуждений. Для сохранения внутривластительской стабильности возникает необходимость реабилитировать монархию в глазах народа — легитимировать ее.

Проблема легитимации испанской монархии уже освещалась некоторыми испанскими исследователями [13; 18; 20]. Однако в настоящий момент вопрос стоит достаточно остро, ведь череда необдуманных поступков бывшего монарха и коррупционные скандалы с участием других членов королевской семьи дискредитировали сам институт монархии и в конечном итоге привели к отречению Хуана Карлоса от престола. Минули времена, когда он воспринимался как ключевая фигура эпохи перехода к демократии, как человек, сумевший остановить государственный переворот. Дискредитированный в общественном сознании образ монархии бросает свою тень и на имидж действующего короля Филиппа VI.

На рисунке 1 представлен кластер синтаксических связей лексемы *monarquía*, сформированный на основе нашего исследовательского корпуса статей при помощи программного обеспечения по работе с корпусными данными Sketch Engine. На рисунке отчетливо видно, что в функции прямого дополнения (*monarquía as object* — зеленый сегмент на рис. 1) данная лексическая единица наиболее часто употребляется с глаголами, семантика которых буквально кричит о бедственном положении монархии: *salvaguardar* ‘защитить’, *regenerar* ‘восстановить’, *salvar* ‘спасти’, *encarnar* ‘реинкарнировать’, *renovar* ‘обновить’, *restaurar* ‘восстановить’, *establecer* ‘установить’. Другими словами, институт монархии нуждается в обновлении и совершенно ином воплощении.

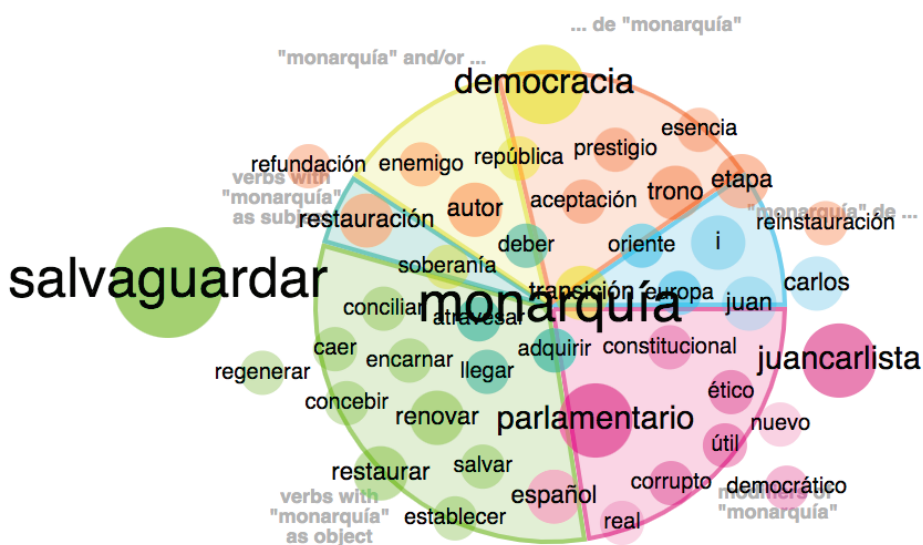

Рис. 1. Кластер синтаксических связей лексемы *monarquía*, полученный при помощи корпусного менеджера Sketch Engine

Ранее мы уже писали о ведущей стратегии легитимации испанской монархии — стратегии апелляции к авторитету эксперта [16], который манифестируется в форме своеобразного голоса в бахтинском смысле [10; 7]. В роли экспертов, чьи голоса звучат в дискурсе, обычно выступают достаточно авторитетные политические персоналии или близкие друзья монархов [10].

Таким образом, легитимация внутри политического массмедийного дискурса нередко приобретает форму диалога голосов-экспертов, чтобы создать иллюзию объективности мнений вокруг политического события или персоналии. Так, формируется определенный образ реальности, государства или личности через актуализацию «нужных» фреймов, в контексте которых адресат может испытывать определенные эмоции.

Принимая во внимание рациональную природу эмоций и их ценностную обусловленность, мы выдвигаем гипотезу: процесс легитимации или достижение легитимирующего эффекта в политическом дискурсе СМИ происходит следующим образом: СМИ (субъект легитимации), используя стратегию апелляции к авторитету эксперта (способ легитимации), в роли которого выступает цитируемая персоналия (канал легитимации), актуализируют фреймы (источник легитимирующего эффекта), в рамках которых читателю (мишень легитимации) разрешается испытывать ограниченный перечень эмоций (средства легитимации), рассматриваемых как приемлемые внутри данного социума. При этом можно утверждать, что легитимирующий эффект создан, если мишень легитимации после прочтения текста испытывает эмоции, которые одобрены данным социумом в контексте актуализированного фрейма.

Проанализировав языковой материал (тексты ведущих печатных изданий Испании — *El País* и *El Mundo*), мы пришли к выводу, что легитимирующий эффект при легитимации экс-короля Испании Хуана Карлоса достигается через провоцирование эмоции жалости, которая является ключевой в рамках наиболее часто встречающихся фреймов «болезнь» и «одиночество».

Фрейм «болезнь» актуализируется через соответствующие лексические единицы, представленные в основном медицинскими терминами и названиями пострадавших частей тела, а также эмоционально окрашенными прилагательными с семантикой боли и страдания. Так, в подробностях описываются его проблемы со здоровьем, операции и переломы, полученные в разные годы жизни.

(1) Después, ya como rey, **se ha roto**¹ toda clase de huesos, **rótulas**, **pelvis**, **cadere**, y pese a todo se movía con soltura y beneplácito entre los líderes políticos extranjeros [2]. ‘Уже после, будучи королем, он получил переломы всех групп костей — коленные чашечки, тазобедренные кости, — но, несмотря ни на что, с легкостью передвигался среди иностранных политических лидеров’.

(2) Desde su juventud han sido varias las ocasiones en las **que ha pasado por “el taller”**, como el rey emérito se refiere habitualmente al **quirófano**. En sus

¹ Здесь и далее выделения в тексте наши. — А. К., Ю. Г.

81 años, los **cirujanos** le han tratado una **apendicitis** y dos **lesiones** provocadas, por su afición al deporte en los años ochenta, en la **pelvis** y en la **rodilla** derecha. En 2010 fue intervenido por un **nódulo** en el **pulmón derecho**, y en 2011, tras **romperse el tendón de Aquiles**, del **pie izquierdo** [1]. ‘Еще в юности короля, как он сам это называет, несколько раз «ремонтировали» в операционной. В возрасте 81 года хирурги удаляли ему аппендицит и проводили лечение двух травм, которые он получил из-за своего пристрастия к спорту в восьмидесятые годы, — были травмированы таз и правое колено. В 2010 году он перенес операцию по удалению новообразования в правом легком, а в 2011 был прооперирован после разрыва ахиллова сухожилия на левой ноге’.

Чувство жалости провоцируется через описание плачевного положения, в котором оказался экс-король из-за совершенных им же самим ошибок и неблагоразумного поведения. При этом делается акцент на его и без того «печальной судьбе», которая имеет такой «трагический финал».

(3) ...opina Debray, que de pequeña tenía un póster suyo en la habitación. “Creo que nadie se esperaba **un final tan triste**, en el que solo se habla de corrupción y amantes y se olvida su obra política. Es el desencanto total. El **final trágico** escrito en un **destino triste**: nacer en el **exilio**, crecer en un **duro internado** en Suiza, **perder** a un hermano, vivir en España **dependiendo del enemigo** de tu padre, Franco...” [4]. ‘...Дебрей, у которого в детстве на стене висел постер с королем, говорит: «Я считаю, что никто не мог ожидать такого печального исхода, когда все говорят только о коррупции и любовницах, и ни слова о политике. Это полное разочарование. **Трагический финал печальной судьбы: родиться в изгнании, вырасти в строгой школе-интернате в Швейцарии, потерять брата, жить в Испании в зависимости от главного врага отца, Франко...**»’.

Хуан Карлос долгие годы в молодости вынужден был находиться в «унизительном положении», ожидая подачек от богатых испанских аристократов, которые обеспечивали жизнь королевской семьи в изгнании:

(4) En la biografía de don Juan Carlos, Debray explica una singular relación con el dinero: “Había conocido de joven la **humillación de depender** económicamente de los ricos aristócratas españoles que fueron voluntariamente asegurando el tren de vida de la familia real **en el exilio**” [4]. ‘В биографии дон Хуана Карлоса Дебрей оправдывает его «нездоровое» отношение к деньгам так: «Он еще в молодости познал, насколько **унизительно зависеть** финансово от богатых испанских аристократов, которые добровольно содержали королевскую семью **в изгнании**»’.

Часто в СМИ цитируется знаменитая речь Хуана Карлоса после его скандальной охоты на слонов, после которой ему пришлось публично извиняться. Униженный в своем несчастном положении, в больнице, напуганный и извиняющийся король воспринимается как жалкий:

(5) **Se asusta**. Con su equipo, dedica varias horas a elaborar un discurso de 11 palabras: “**Lo siento mucho. Me he equivocado** y no volverá a ocurrir” [4]. ‘Ему страшно. Вместе со своей командой в течение 11 часов они составляют речь из 11 слов: «**Мне очень жаль. Я был неправ**, этого больше не повторится»’.

Высказываются даже мнения, что для него было бы лучше умереть до того случая с охотой на слонов в Африке, поскольку тогда он умер бы народным героем, человеком, инициировавшим переход страны к демократии, символом модернизации Испании:

(6) Si el rey hubiera muerto antes de la famosa caza al elefante, habría muerto siendo un héroe, el hombre del milagro de la Transición a la democracia, el símbolo de la modernización de España... [4].

Таким образом, легитимация экс-короля Испании Хуана Карлоса реализуется через пробуждение жалости в глазах читателя посредством вербализации фреймов «болезнь», «одиночество/изгнание», «унизительное положение», лексическими репрезентантами которых являются слова и коллокации, относящиеся к лексико-семантическим полям с соответствующими доминантами: *sufrir* 'страдать', *doler* 'болеть', *dolorido* 'болезненный', *camilla* 'костыль', *operación* 'операция', *superviviente* 'выживший', *solo* 'в одиночестве', *sin nadie al lado* 'рядом никого нет', *perdido* 'потерянный', *escasas llamadas* 'редкие звонки', *encerrado* 'запертый', *susto* 'испуг', *depender* 'зависеть', *humillación* 'унижение', *perder* 'терять', *exilio* 'изгнание', *destino triste* 'печальная судьба', *final trágico* 'трагический финал', *duro* 'тяжелый'.

Легитимация действующего короля Испании Филиппа VI: эмоция удовлетворенности и актуализация фрейма «профессионализм»

Процесс легитимации Филиппа VI также реализуется через каналы его ближайшего окружения и испанской политической элиты с помощью стратегии апелляции к авторитету эксперта. Происходит актуализация эмоциональной реакции удовлетворения, которая возникает как ответ на представленные в текстах ситуации, описывающие успешную работу в команде, чуткое руководство и взвешенные решения действующего монарха. Эмоция удовлетворения формируется через лексические единицы, описывающие работу в команде и идеалы современного демократического общества в лице его лидера: *equipo* 'команда', *diálogo* 'диалог', *tándem* 'тандем', *dispuesto a escuchar* 'готов выслушать', *ponderar* 'обдумывать', *reflexionar* 'размышлять', *debatir* 'дискутировать', *valorar* 'оценивать', *tranquilizar* 'успокаивать', *encauzar* 'направлять', *sugerir* 'предлагать', *papel moderador* 'роль модератора', *mucha concentración* 'много концентрации', *mucha dedicación* 'много самоотдачи', *mucha responsabilidad* 'много ответственности', *siempre eficaz* 'всегда эффективный'.

Устаревшие методы и стратегии управления, идущие вразрез с современной демократической моделью организации, при которой каждый из членов команды важен для принятия решения, нежелание слушать и слышать своих подчиненных, оторванность от действительности — вот в чем обвинялась монархия при Хуане Карлосе. Поэтому для легитимации нового испанского монарха Филиппа VI очень часто с успехом актуализируется фрейм «работа в команде», который

вызывает чувство удовлетворенности у мишени легитимации. СМИ легитимируют Филиппа VI через мнения простых очевидцев происходящего, обслуживающего персонала дворца Сарсуэла, работников среднего звена.

Осталась в прошлом строгая иерархия, новый монарх аккумулирует идеи, прислушивается ко всем членам команды и стремится модернизировать институт монархии:

(7) Desde la Casa del Rey explican que hoy en la Zarzuela se trabaja con **mayor coordinación**; de forma **más horizontal**, **sin un criterio jerárquico** ni compartimentado tan acusado y muy **centrados en los objetivos**. «Se tiende a la **suma de ideas**». Todos estamos a todo. El objetivo es **renovarse, adecuarse a los tiempos**, contar con elementos de control y estar al día. No ir detrás de los acontecimientos [5]. ‘Служащие королевского дома говорят, что сегодня Сарсуэла работает гораздо **более согласованно, с горизонтальной структурой организации, без ярко выраженного иерархического разделения, четко сосредоточившись на целях**. Он (Филипп) стремится к **аккумуляции идей**. «Мы все вместе за все отвечаем». Задача — **обновлять, идти в ногу со временем**, иметь элементы контроля и при этом быть в курсе последних событий. Не плестись в хвосте происходящего’.

Принцип работы в команде проецируется и на семью Филиппа VI, ведь семья его отца — Хуана Карлоса — номинальная, казалось, была ему в тягость, он долгое время не проживал со своей супругой доньей Софией и имел любовницу. Теперь же, в контексте упоминания нового монарха, популяризируются настоящие семейные ценности: королева Летиция является не просто женой Филиппа, но и его правой рукой, ключевой с точки зрения внутренней политики Испании фигурой:

(8) Por su parte, la reina Letizia **trata de ayudar** al Rey y encontrar, a la vez, la sintonía conmigo misma. Y lo **ha logrado** con una labor que proyecta en cuatro áreas que le apasionan: educación, salud, mujer y ciencia [5]. ‘Королева Летиция, со своей стороны, пытается помочь королю и в то же время быть в гармонии с собой. И ей это с успехом удается благодаря работе в четырех областях, которыми она увлечена: образование, здоровье, проблемы женщин и наука’.

(9) La síntesis entre tradición y modernidad, en la que destacan las **contribuciones de la reina Letizia**, es un acierto [3]. ‘Синтез традиций и современности, в формирование которого **особый вклад внесла королева Летиция**, удался’.

Легитимация Филиппа VI осуществляется через актуализацию фрейма «профессионализм», которая происходит благодаря упоминанию положительных профессиональных качеств монарха, а также перечислению целей, которые «были блестяще достигнуты» за время его правления.

(10) **Retos** tan importantes como la incorporación plena a la OTAN, la modernización y profesionalización de las Fuerzas Armadas, la incorporación de la mujer o nuestra participación en diversas misiones de paz y seguridad en el marco de NN UU o la UE **han sido superados con brillantez** [5]. ‘**Такие важные вызовы**, как вхождение в НАТО, модернизация и повышение профессионального

уровня вооруженных сил, создание условий для участия женщин в различных миссиях по поддержанию мира и безопасности в рамках Организации Объединенных Наций и ЕС, **были с успехом приняты**'.

(11) La **ejemplaridad** y la **transparencia** — la web de la Casa Real es un magnífico ejemplo — presiden todas las actuaciones [3]. 'Образцовость и прозрачность — сайт королевской семьи представляет собой великолепный пример — стоят во главе угла всей их деятельности'.

Результаты анализа частотности лексических репрезентант эмоций жалости и удовлетворенности с применением корпусного менеджера Sketch Engine

Корпусный анализ, проведенный при помощи инструментов лингвистической статистики корпусного менеджера Sketch Engine, позволил верифицировать результаты, полученные в ходе дискурсивного анализа. Два подкорпуса статей на испанском языке из изданий El País и El Mundo общим объемом более 500 000 знаков были загружены на платформу Sketch Engine. Один подкорпус составили статьи, посвященные Филиппу VI, а второй — Хуану Карлосу. Была подсчитана совокупная частотность лексических репрезентант эмоций жалости и удовлетворенности, примеры которых были рассмотрены выше, в каждом подкорпусе. Для этого мы использовали встроенную функцию CQL (Corpus Query Language) в разделе Concordance. Данная функция позволяет производить поиск сложных грамматических конструкций и лексических единиц в совокупности всех их словоформ. С помощью специального кода (lemma="word1|word2|word3...") мы произвели поиск всех словоформ лексических репрезентант выявленных эмоций и проанализировали их совокупную частотность, а также наиболее часто встречающиеся коллокации.

В результате были получены следующие данные: совокупная частотность лексических репрезентант эмоции жалости (рис. 2) в подкорпусе, посвященном Хуану Карлосу (рис. 2A), составляет 172 единицы (0,3465 % от всех словоформ в подкорпусе), в подкорпусе о Филиппе VI (рис. 2B) — 13 единиц (0,05462 % от всех словоформ в подкорпусе). Совокупная частотность лексических репрезентант эмоции удовлетворенности (рис. 3) в подкорпусе Хуана Карлоса (рис. 3A) составляет 46 единиц (0,09266 % от всех словоформ в подкорпусе), а в подкорпусе Филиппа VI (рис. 3B) — 248 единиц (1,042 % от всех словоформ в подкорпусе).

При этом самыми частотными коллокациями в контексте навязывания эмоции удовлетворенности в подкорпусе, посвященном Филиппу VI, являются коллокации, референциально отсылающие к чете «король и его супруга Летиция», репрезентируемой как слаженная команда. В подкорпусе о Хуане Карлосе лексические репрезентанты эмоции жалости распределены достаточно равномерно, без явного доминирования какой-либо определенной коллокации.

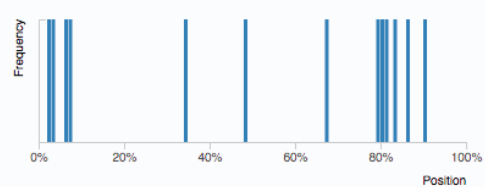
RESULT DETAILS

CQL

[lemma="dolor|perder|sufrir|operación|abandonar|exilio|olcamilla|pelvis|romper|pulmón|lesión|hospital|apendicitis]

Number of hits	13
Number of hits per million tokens	546.24
Percent of whole corpus	0.05462%
Corpus size (tokens)	23,799

Distribution of hits in the corpus

CLOSE

A

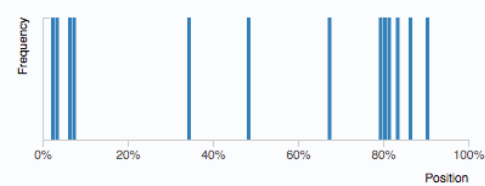
RESULT DETAILS

CQL

[lemma="dolor|perder|sufrir|operación|abandonar|exilio|olcamilla|pelvis|romper|pulmón|lesión|hospital|apendicitis]

Number of hits	13
Number of hits per million tokens	546.24
Percent of whole corpus	0.05462%
Corpus size (tokens)	23,799

Distribution of hits in the corpus

CLOSE

B

Рис. 2. Результаты корпусной проверки с применением функции CQL лексических репрезентант эмоции жалости:
А — в подкорпусе Хуана Карлоса; В — в подкорпусе Филиппа VI

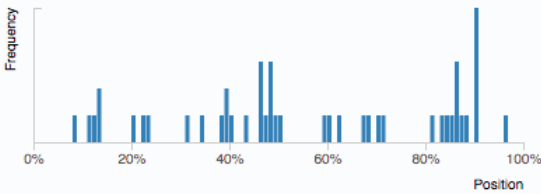
RESULT DETAILS

CQL

[lemma="letizialjuntoslequipoltándemldebatirresponsabilidadconcentraciónldiálogopolp
éxito"]

Number of hits	46
Number of hits per million tokens	926.62
Percent of whole corpus	0.09266%
Corpus size (tokens)	49,643

Distribution of hits in the corpus

CLOSE

A

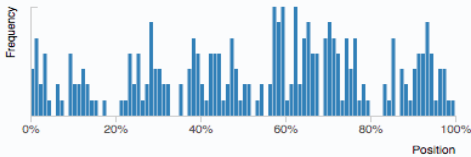
RESULT DETAILS

CQL

[lemma="letizialjuntoslequipoltándemldebatirresponsabilidadconcentraciónldiálogoponderarreflex
éxito"]

Number of hits	248
Number of hits per million tokens	10,420.61
Percent of whole corpus	1.042%
Corpus size (tokens)	23,799

Distribution of hits in the corpus

CLOSE

B

Рис. 3. Результаты корпусной проверки с применением функции CQL лексических репрезентант эмоции удовлетворенности:
А — в подкорпусе Хуана Карлоса; В — в подкорпусе Филиппа VI

Проведя анализ языкового материала, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, легитимация испанской монархической власти представляет собой сложный многокомпонентный процесс, в рамках которого ведущей стратегией выступает апелляция к авторитету эксперта, субъектом легитимации являются средства массовой информации, а мишенью — массовый адресат, представленный читателями ведущих периодических изданий Испании. Легитимация осуществляется через каналы в лице авторитетных политических персоналий, что текстуально оформлено в виде цитирования.

Во-вторых, рациональная природа эмоций и их ценностная обусловленность позволяют им выступать в качестве средства легитимации и воздействовать на мишень манипуляции, побуждая ее испытывать «авторизированный» обществом перечень эмоций в рамках конкретной социально значимой ситуации. При этом можно говорить о том, что легитимирующий эффект достигнут, если получен нужный эмоциональный отклик от мишени манипуляции.

В-третьих, в контексте исследуемой проблематики — при легитимации испанской монархии — ключевыми эмоциями являются жалость, с одной стороны, и удовлетворенность — с другой. Данный эмоциональный отклик формируется через актуализацию таких релевантных фреймов, как «болезнь/одиночество» и «профессионализм / работа в команде», которые, соответственно, становятся источником манипуляции.

В-четвертых, языковые следы эмоций выявить крайне сложно, поскольку они могут быть вербализованы совершенно разными лексическими единицами, актуальными для каждой отдельно взятой ситуации, зависят от тематики повествования и других экстралингвистических факторов. С уверенностью можно говорить лишь о лексических репрезентантах актуализируемых фреймов. Данные репрезентанты предлагаем называть эмоциогенной лексикой. Результаты, полученные в рамках корпусного анализа совокупной частотности эмоциогенной лексики в каждом из созданных нами подкорпусов, подтверждают валидность сделанных нами выводов и позволяют констатировать, что процесс легитимации испанской монархии строится на механизмах активизации у массового читателя выявленных нами «социально авторизованных» эмоций.

Так, при легитимации Хуана Карлоса фрейм «старость/болезнь» находит свое языковое выражение в лексемах с семантикой «боль/страдание/унижение», а также в медицинской лексике, связанной с названиями заболеваний, их симптомов и частей тела. «Одиночество/изгнание», в свою очередь, репрезентировано посредством лексических единиц с соответствующей семантикой. Филипп VI легитимируется через актуализацию фреймов «профессионализм» и «работа в команде», репрезентированных в текстах лексемами, описывающими положительные профессиональные качества монарха.

Библиографический список

Источники

1. El rey Juan Carlos recibe el alta de su operación de corazón [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/politica/2019/08/31/actualidad/1567246668_123073.html (дата обращения: 16.03.2021).
2. La Caída del Rey Juan Carlos [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/elpais/2020/12/15/eps/1608034522_242911.html (дата обращения: 16.03.2021).
3. La otra transición del rey [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/elpais/2019/05/31/ideas/1559318547_845932.html (дата обращения: 16.03.2021).
4. Los errores que destruyeron el juancarlismo [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/espana/2020-08-03/los-errores-que-destruyeron-el-juancarlismo.html> (дата обращения: 16.03.2021).
5. Monarquía 2.0 [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/elpais/2015/06/25/eps/1435233794_840437.html (дата обращения: 16.03.2021).

Литература

6. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1989. 184 с.
7. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. Проблемы творчества Достоевского. Статьи о Л. Толстом. Записки курса лекций по истории русской литературы. М.: Рус. словари, 2000. 798 с.
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
9. Ильин В. И. «Чувства» и «эмоции» как социологические категории // Вестник СПбГУ. 2016. Сер. 12. Вып. 4. С. 28–40.
10. Колмогорова А. В., Горностаева Ю. А. Все ли могут короли? Или стратегии легитимации испанской монархии в политическом медиадискурсе СМИ // Политическая лингвистика. 2021. № 1. С. 41–49.
11. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской литературах. М.: Гнозис, 2008. 374 с.
12. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 29–42.
13. Barrera C. La prensa española ante la designación de Don Juan Carlos como sucesor de Franco a título de rey // Communication & Society. 1994. Vol. 7. № 1. P. 93–109.
14. Charaudeau P. Las emociones como efectos de discurso // Versión. 2011. № 26. P. 97–118.
15. Elster J. Rationalité émotions et normes sociales // La couleur des pensées, Raisons pratiques. 1995. № 6. P. 33–64.
16. Fairclough I. Legitimation and Strategic Maneuvering in the Political Field // Argumentation. 2008. № 22 (3). P. 399–417.
17. Leeuwen T. Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis. Oxford: Oxford University Press, 2008. 184 p.
18. Montero L. El día más difícil del rey. Discursos de legitimación monárquica desde la ficción televisiva // Revista de Historia Actual. 2015. № 12. P. 43–50.
19. Vaara E., Tienari J. A Discursive Perspective on Legitimation Strategies in Multi-national Corporations // Academy of Management Review. 2008. Vol. 33. P. 985–993.

20. Zugasti R. La prensa de la transición como cómplice de Juan Carlos I: el ejemplo de la legitimidad franquista de la Monarquía // *Espacio, Tiempo y Forma. Serie V: Historia Contemporánea*. 2006. № 18. P. 299–319.

References

Istochniki

1. El rey Juan Carlos recibe el alta de su operación de corazón [E'lektronny'j resurs]. URL: https://elpais.com/politica/2019/08/31/actualidad/1567246668_123073.html (data obrashheniya: 16.03.2021).
2. La Caída del Rey Juan Carlos [E'lektronny'j resurs]. URL: https://elpais.com/elpais/2020/12/15/eps/1608034522_242911.html (data obrashheniya: 16.03.2021).
3. La otra transición del rey [E'lektronny'j resurs]. URL: https://elpais.com/elpais/2019/05/31/ideas/1559318547_845932.html (data obrashheniya: 16.03.2021).
4. Los errores que destruyeron el juancarlismo [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://elpais.com/espana/2020-08-03/los-errores-que-destruyeron-el-juancarlismo.html> (data obrashheniya: 16.03.2021).
5. Monarquía 2.0 [E'lektronny'j resurs]. URL: https://elpais.com/elpais/2015/06/25/eps/1435233794_840437.html (data obrashheniya: 16.03.2021).

Literatura

6. Babenko L. G. Leksicheskiye sredstva oboznacheniya e'mocij v russkom yazy'ke. Sverdlovsk: Ural. gos. un-t, 1989. 184 s.
7. Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenij: v 7 t. T. 2. Problemy` tvorchestva Dostoevskogo. Stat'i o L. Tolstom. Zapiski kursa po istorii russkoj literatury`*. M.: Rus. Slovari, 2000. 798 s.
8. Berger P., Lukman T. *Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya*. M.: Medium, 1995. 323 s.
9. Il'in V. I. «Chuvstva» i «e'mocii» kak sociologicheskie kategorii // *Vestnik SPbGU*. 2016. Ser. 12. Vyp. 4. S. 28–40.
10. Kolmogorova A. V., Gornostaeva Yu. A. Vse li mogut koroli? Ili strategii legiti-macii ispanskoy monarxii v politicheskom mediadiskurse SMI // *Politicheskaya lingvistika*. 2021. № 1. S. 41–49.
11. Krasavskij N. A. *Emocional'nie koncepty` v nemeczkoj i russkoj literaturax*. M.: Gnozis, 2008. 374 s.
12. Shakhovskij V. I. E'mocii kak ob`ekt issledovaniya v lingvistike // *Voprosy` psixolingvistiki*. 2009. № 9. S. 29–42.
13. Barrera C. La prensa española ante la designación de Don Juan Carlos como sucesor de Franco a título de rey // *Communication & Society*. 1994. Vol. 7. № 1. P. 93–109.
14. Charaudeau P. Las emociones como efectos de discurso // *Versión*. 2011. № 26. P. 97–118.
15. Elster J. Rationalité émotions et normes sociales // *La couleur des pensées, Raisons pratiques*. 1995. № 6. P. 33–64.
16. Fairclough I. Legitimation and Strategic Maneuvering in the Political Field // *Argumentation*. 2008. № 22 (3). P. 399–417.
17. Leeuwen T. *Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 184 p.

18. Montero L. El día más difícil del rey. Discursos de legitimación monárquica desde la ficción televisiva // Revista de Historia Actual. 2015. № 12. P. 43–50.
19. Vaara E., Tienari J. A Discursive Perspective on Legitimation Strategies in Multi-national Corporations // Academy of Management Review. 2008. Vol. 33. P. 985–993.
20. Zugasti R. La prensa de la transición como cómplice de Juan Carlos I: el ejemplo de la legitimidad franquista de la Monarquía // Espacio, Tiempo y Forma. Serie V: Historia Contemporánea. 2006. № 18. P. 299–319.

**A. V. Kolmogorova,
Yu. A. Gornostaeva**

The Discursive Specificity of the Emotional Legitimation of the Monarchy in the Spanish Media

The article studies the role of emotions in the process of legitimizing the Spanish monarchy represented by the kings Juan Carlos I and Felipe VI in the political discourse of the Spanish media. The aim is to describe the process of “emotional” legitimation of the Spanish monarchy in the political mass media discourse. Authors described a model of emotional legitimation, which includes such elements as the subject of legitimation (media), the target (mass consciousness), the object (monarchy), means (emotions), methods (discursive strategy of appeal to the authority of an expert), the channel (voices of witnesses), the source (emotiogenic frames), the legitimizing effect (emotional response to the reader).

Keywords: political media discourse; legitimation of power; the Spanish monarchy; emotions.

**Е. Г. Тарева,
А. В. Деркач**

Сопоставительный анализ национальных систем уровней владения иностранным языком в аспекте унификации и вариативности

В статье показаны параметры и особенности систем выявления и описания уровней владения иностранными языками в общем и японским языком в частности. Авторы описывают основания, предопределяющие параметры уровней, делают акцент на национальной специфике концепции уровней, разработанной в той или иной стране. Выявлена система-ориентир (эталон) для разработки национально обусловленных уровней владения японским языком.

Ключевые слова: уровни владения иностранным языком; дескрипторы; CEFR; ТРКИ; JF Standart.

Необходимость в сравнительно-сопоставительном исследовании различных аспектов обучения иностранным языкам сегодня является как никогда актуальной. Накоплено немало теоретического, практически ориентированного и фактологического материала для генерализации и систематизации информации по различным вопросам иноязычного образования в России и за рубежом, в том числе по проблеме, связанной с контролем и оцениванием уровня языковой подготовки обучающихся.

Данный вопрос имеет относительно небольшую, но чрезвычайно активно развивающуюся историю. Внимание к нему продиктовано стремлением человечества к объединению и сотрудничеству в глобализирующемся и постглобализирующемся пространстве, в котором человек сталкивается с серьезными трудностями различного порядка: пандемией, разобщенностью в экономических вопросах, непримиримостью позиций в сфере политических взаимоотношений и т. д. Несмотря на явные пагубные последствия эпохи неопределенности, подобного рода испытания влекут за собой позитивный научный смысл:

возникает потребность в объединении усилий мыслителей, ученых, стремящихся к взаимодействию для преодоления возникающих препятствий и трудностей.

Сотрудничество и интеграция усилий в области *определения уровней владения иностранными языками* необходимы, прежде всего, для выявления того *качества иноязычной коммуникативной способности человека*, которое позволит ему полноценно общаться с представителями других стран, демонстрируя не только собственно владение языком как инструментом взаимодействия, но и глубокое осознание и понимание иной культуры и на этой основе — своеобразие культуры родной. Достижение необходимого уровня владения иностранным языком способно помочь человеку достичь желаемых результатов в профессиональной жизни, удовлетворить свои потребности в социокультурном пространстве своего бытия. Как следствие данной установки, возникает потребность в объединении мнений по вопросу универсализации и одновременно специализации представлений как о глобальной системе языкового образования, так и о частных национальных и уже — региональных подсистемах функционирования систем языковой подготовки обучающихся.

Особым вопросом, требующим пристального внимания в таком контексте рассмотрения, является лингводидактический феномен «уровни владения иностранным языком», в последние пару десятилетий находящийся в зоне особой исследовательской активности ученых как за рубежом (Дж. Норрис, С. Папагеоргиоу, Д. Литтл, Н. Джонс), так и в России (К. М. Ирисханова, Н. Д. Гальскова, З. Н. Никитенко, Т. Л. Гурулева, В. А. Степаненко). Внимание к этой стороне языкового образования обусловлено ориентацией процесса обучения на планируемые результаты образования, что влечет за собой потребность в детальном описании тех компетенций, которыми должен овладеть обучающийся для интеграции посредством иностранного языка как инструмента в окружающее пространство своей жизнедеятельности: социум — для выпускников школ, профессиональный мир — для выпускников вузов. Именно акцент на результате привнес новое осознание измеряемости иноязычной коммуникативной способности выпускника, понимания степени его соответствия/несоответствия требованиям социума и профессиональной среды в этой сфере. Такого рода прагматизация процесса языковой подготовки, а именно ориентир на выявление уровня владения иностранным языком, влечет за собой трансформацию представлений о цели, задачах, подходе, принципах, технологиях обучения и, что представляется особо значимым, о структуре и содержании учебника / учебного пособия по иностранному языку как средству достижения искомого уровня владения коммуникативной способностью.

Проблема определения уровня владения восточным языком — китайским, корейским, японским — неоднократно исследовалась в лингводидактической литературе. Применительно к китайскому языку широко известны работы Т. Л. Гурулевой [2; 3], существуют попытки сравнить системы уровней, принятые в России (применительно к русскому языку как иностранному), Республике Корея, Китайской Народной Республике [6].

Применительно к описанию и исследованию уровней владения обучающимися японским языком работ крайне мало. Можно утверждать, что данная проблема только начала интересовать исследователей. В этой области тем не менее накоплен определенный материал. Так, Е. Л. Фролова изучает понятие «новой грамотности» в области владения японским языком, указывает на различные уровни такой грамотности и предлагает инструменты их измерения [8]. Предприняты попытки дескрипторного описания уровней владения японским языком для разных ступеней языкового образования [1]. Авторы представляют задания для школьной олимпиады по японскому языку с ориентиром на уровни владения им конкурсантами [4]. Предлагаются приемы организации процесса обучения в зависимости от уровня владения японским языком обучающихся [5], а также критерии отбора языкового и речевого материала с ориентиром на уровни владения японским языком [7].

Несмотря на накопленный опыт, изучение проблемы описания уровней владения японским языком требует пристального внимания ученых. Необходимо понять, какие модели представления таких уровней существуют в настоящее время, как они сочетаются с имеющимися европейскими аналогами, какую из моделей следует иметь в виду при обучении японскому языку русскоязычных обучающихся. В статье показано, какой опыт накоплен в части описания уровней владения иностранными языками и как этот опыт может быть экстраполирован в систему подготовки обучающихся в предметной области «Японский язык».

Для проведения сравнительно-сопоставительного анализа были отобраны наиболее известные, подробно разработанные и успешно применяемые на практике в Евросоюзе, России, Канаде, Америке и Японии системы уровней владения иностранными языками.

1. *Общеввропейская шкала языковой компетенции* (The Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment — CEFR) [9] взаимодействует и весьма конструктивно с уровнями владения английским языком Британского совета (см. рис. 1).

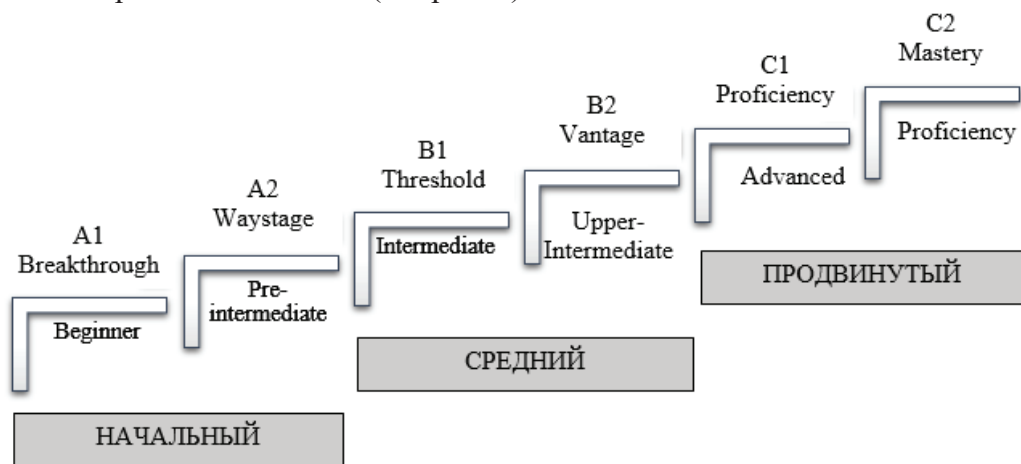

Рис. 1. Уровни владения иностранным (английским) языком согласно требованиям CEFR (верхняя строка) и Британского совета (нижняя строка)

Как можно увидеть, обе системы сопоставимы и мало чем отличаются в их проекции на фиксацию уровней владения иностранным (английским) языком. Представляется, что такое единодушие объясняется общим подходом к требованиям и планируемым результатам обучения иностранным языкам в Большой Европе, включая Великобританию. Единообразие требований обеспечивает общность очертаний тех параметров коммуникативной способности человека в системе общеевропейских отношений, которые значимы для единого развития европейских государств. Успешность такого развития предопределяется понятными для всех участников требованиями к общим коммуникативным способностям, обеспечивающим успешность внутриевропейского взаимодействия в различных областях жизнедеятельности членов единой Европы.

Дескрипторы уровней владения иностранным языком CEFR представляют собой описание критериев сформированности компетенции межкультурного общения у иностранных пользователей языка. Способ их выделения и разделения на группы по уровням и подуровням разработан на принципах:

- антропоцентризма: критерии рассматриваемой системы уровней владения ИЯ нацелены на оценивание конкретного человека — иностранца, осуществляющего свою жизнедеятельность в условиях окружающей его естественной языковой и культурной среды. Именно поэтому в содержание каждого дескриптора разработчиками заложены семы: «может...», «способен...», «готов...»;

- природосообразности: в основу системы положена теория последовательного удовлетворения естественных потребностей человека, непрерывно взаимодействующего с природой и обществом посредством языковой среды;

- деятельностной основы: подразумевается неразрывная связь между собственно жизнедеятельностью человека и постоянно сопровождающей ее речевой деятельностью как факторами обеспечения его жизненного цикла.

Согласно данным принципам выстраивается тематическое наполнение системы CEFR: от самоидентификации, пространственно-временной ориентации, удовлетворения жизненно необходимых физиологических потребностей и потребностей в успешной социализации (получение образования), рефлексирова в основном на уровне первой сигнальной системы с периодическим включением второй (уровни A1, A2), до сложного когнитивно-экспрессивного речевого взаимодействия на уровне второй сигнальной системы, в том числе в социальной, научной и профессиональной сферах деятельности, а также получения эстетического удовольствия от литературных произведений (уровни B1, B2 и C1, C2).

В идеальном виде система уровней владения иностранным языком (ИЯ) должна быть универсальной для всех человеческих языков и всех категорий пользователей. Данное положение CEFR призвано обеспечить адекватность межкультурного общения в мировом сообществе практически на любом языке. При этом система является открытой и наряду с универсальной предполагает существование частных подсистем уровней владения ИЯ, разрабатываемых для оценивания степени сформированности компетенции межкультурного общения с учетом особенностей отдельных категорий пользователей и конкретных языков.

2. Канадская система определения компетенций владения языком (*Canadian Language Benchmarks — CLB*) применяется для оценивания степени владения человеком иностранным языком на основе результатов тестирования (IELTS, TEF Canada, CELPIP, TCF Canada) и включает 10 уровней, каждый из которых в балльном исчислении измеряет степень коммуникативных способностей человека при аудировании, чтении, письме и говорении. В таблице отражены числовые показатели, необходимые для установления того или иного уровня владения английским и/или французским языком в Канаде.

Таблица

Соотнесение уровней шкалы CLB с результатами теста IELTS General

Шкала CLB	Результаты IELTS General			
	Listening	Reading	Writing	Speaking
CLB Level 9	8,0–9,0	7,0–9,0	7,0–9,0	7,0–9,0
CLB Level 8	7,5	6,5	6,5	6,5
CLB Level 7	6,0	6,0	6,0	6,0
CLB Level 6	5,5	5,0	5,5	5,5
CLB Level 5	5,0	4,0	5,0	5,0
CLB Level 4	4,5	3,5	4,0	4,0

Методика CLB не предполагает подробной и детальной экспликации особенностей и содержания каждого из уровней, как это сделано, например, в CEFR, где представлены дескрипторы, точно определяющие различные коммуникативные способности человека, оперирующего иностранным языком. Для канадской системы важен факт выполнения заданий языкового тестирования, балльное исчисление которого позволяет вписывать человека в ту или иную категорию пользователей ИЯ.

3. Тест по русскому языку как иностранному — ТРКИ (*Test of Russian as a Foreign Language — TORFL*). Приказом Министерства образования и науки РФ от 01.04.2014 были утверждены уровни владения русским языком как иностранным. В целом система уровней близка к европейской (см. рис. 2).

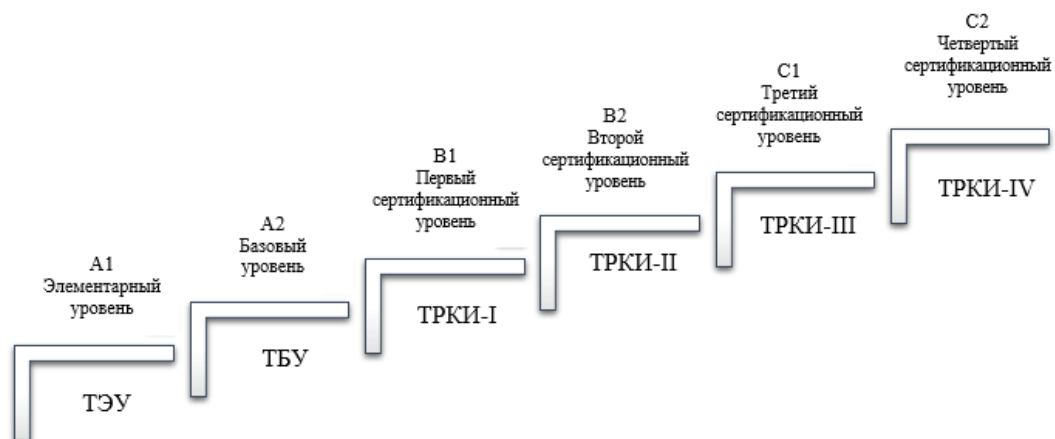

Рис. 2. Российская система уровней владения русским языком как иностранным

Легко заметить очевидные параллели между CEFR и ТРКИ: совпадает количество их уровней, наличие одинаковых аббревиатур от A1 до C2. Отличием следует признать то, что владение русским языком считается удовлетворительным начиная с уровня B1, неслучайно названного *первым* сертификационным уровнем»: под номинацией «первый» видится указание на то, что предыдущие уровни являются лишь подготовительными, предварительными и владение ими не может удовлетворить потребности человека в использовании русского языка как инструмента успешной социализации в другом обществе. Заметим, что каждый из уровней описан через экспликацию количественных и качественных данных, свидетельствующих о наличии речевых навыков и умений, которыми должен обладать иностранный гражданин, осваивающий русский язык для своей жизнедеятельности. Всем уровням соответствует разветвленная и весьма многообразная система тестирования, предназначенного для фиксации способности человека в оперировании средствами русского языка при решении коммуникативных задач.

В добавление к методологической основе системы ТРКИ авторами описаны наиболее частотные ситуации, темы общения, социокоммуникативные роли говорящих, приведены рекомендации по формированию дескрипторов с учетом требований лексических минимумов. Представлены рекомендации относительно объема языковых явлений, составляющих актуальный материал для определения дескрипторов уровней владения русским языком.

Несомненной заслугой разработчиков системы ТРКИ является методология системы как инструментария, необходимого для измерения такого сложного феномена, как степень сформированности компетенции межкультурного общения. По мнению разработчиков, критерии уровней владения иностранными языками прямо связаны с принципами, принятыми в современной международной практике оценивания степени сформированности компетенции межкультурного общения у иностранных пользователей, а именно *валидность, надежность, практичность, равенство* и др.

4. Японская система уровней владения иностранцами японским языком *JF Standart* вобрала в себя позитивный опыт разработки систем уровней владения иностранным языком, принятый в Европе. Именно система CEFR, имеющая более глубокие исторические корни, фундаментальное методологическое обоснование, полную структуру и специально созданный терминологический аппарат, предопределяет «моду» на уровневую организацию и описание способности оперировать тем или иным иностранным языком, и японский язык не является исключением.

Японская система уровней владения иностранцами японским языком *JF Standart* была разработана методистами Японского фонда в 2014 г. с целью согласования с CEFR критериев оценки степени сформированности компетенции межкультурного общения у иностранных пользователей японского языка и, таким образом, ее соответствия европейским стандартам. В связи с этим она основывается на тех же принципах и включает в себя такие же, как и CEFR

уровни: A1, A2, B1, B2, C1, C2. Вместе с тем в результате значительной детализации и дополнения социолингвистическими и лингвокультурологическими компонентами японских реалий количество дескрипторов уровней владения японским языком было значительно увеличено и доведено до 450 в совокупности относительно различных видов речевой деятельности.

В концепции JFS японский язык является инструментом для налаживания взаимопонимания. Поэтому общение на японском языке требует одновременного развития двух компетенций: способности решать различные речевые задачи в соответствии с культурой речевого поведения японцев, а также способности осуществлять различные виды межкультурных контактов и обменов. На рисунке 3 показано, какие именно уровни выделяются применительно к японскому языку как иностранному и каким образом данные уровни «закрепляются» за конкретными образовательными ступенями или соотносятся с мотивами человека, изучающего японский язык для удовлетворения своих потребностей.

Рис. 3. Шкала уровней владения японским языком¹

Каждый из уровней достаточно подробно и понятно для обучающихся описан через экспликацию компонентов речевых умений в каждом из видов речевой деятельности (фрагмент представлен на рис. 4).

¹ Приглашаем на обучение в Японию: сайт. URL: <http://gaku.ru/schools/meisei.html> (дата обращения: 01.10.2021).

N3	Знание до определенной степени японского языка, используемого в повседневной жизни	
	ЧТЕНИЕ	• Чтение и понимание текстов конкретного содержания, написанных на темы из повседневной жизни. • Умение понять основное содержание по газетным заголовкам. • Умение понять суть текста достаточно высокой степени сложности, написанного на повседневные темы, если в нем некоторые предложения перефразированы. • Знание около 650 иероглифов
	АУДИРОВАНИЕ	• Умение услышать и понять большую часть конкретного содержания логически завершенного диалога на повседневные темы, воспроизводимого практически в естественном темпе, понять отношения между его действующими лицами
N4	Знание базового уровня японского языка	
	ЧТЕНИЕ	• Чтение и понимание текста, написанного базовой лексикой и иероглифами, на темы из повседневной жизни. • Знание около 300 иероглифов
	АУДИРОВАНИЕ	• Умение понять большую часть информации, воспроизводимой медленно в форме диалогов, на темы из повседневной жизни
N5	Знание до определенной степени базового уровня японского языка	
	ЧТЕНИЕ	• Чтение и понимание слов, выражений и текстов, написанных хираганой, катаканой и базовыми иероглифами, используемыми в повседневной жизни. • Знание около 100 иероглифов
	АУДИРОВАНИЕ	• Умение услышать и понять необходимую информацию, произносимую медленно в форме короткого диалога на темы из повседневной жизни

DoramaKun.ru

Рис. 4. Дескрипторное описание уровней владения японским языком (фрагмент)²

Выводы. При изучении вопроса уровневого описания коммуникативной способности человека оперировать иностранным языком в ситуациях межкультурного общения удалось выявить общие закономерности, черты и свойства систем, принятых в разных странах. При общей тенденции к параллелизации и конгруэнтности уровней конструкторов наблюдаются различия, свойственные национальным особенностям образовательных моделей. Очевидно, что ТРКИ и JF Standart построены на базе CEFR и они в основном лишь варьируют и дополняют ее содержание с учетом культурологических и социолингвистических особенностей русского и японского языков, оставляя без изменения базовые принципы структуризации и типологии дескрипторов. Следовательно, система CEFR должна быть признана как первичный эталон. Тем не менее ее простое перенесение в иной лингвокультурный контекст не представляется целесообразным. Это объясняется тем, что, как правило, она фиксирует уровень владения

² Япония. Об экзамене Нихонго Норёку Сикэн (JLPT) [Электронный ресурс] // ДорамаКун: сайт. URL: <https://doramakun.ru/interesting/asian-facts/1385803969.html> (дата обращения: 01.10.2021).

ИЯ тех обучающихся, кто находится в языковом окружении или способен оказываться в контексте аутентичного общения достаточно часто.

Очевидно, что национальная система уровней и особенно, дескрипторов речевых умений, должна отличаться с позиций строгого соответствия национально-культурным и иным национально обусловленным особенностям страны, в которой такая система разрабатывается, с ориентацией на требования к описанию планируемого результата овладения иностранными гражданами языком этой страны. Именно такой должна стать шкала уровней владения японским языком и описывающих эти уровни дескрипторов, разрабатываемая в Институте иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Литература

1. Абэ Х., Сконечный Т. Г. Дескрипторная характеристика уровня владения японским языком для учащихся 10 и 11 классов // Иностранные языки в школе. 2020. № 12. С. 70–76.
2. Гурулева Т. Л. Компетенция владения китайским языком: компонентные и уровневые характеристики // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 7. С. 153–163.
3. Гурулева Т. Л. Профили и этапы обучения китайскому языку в уровневой парадигме формирования коммуникативной компетенции // Иностранные языки в школе. 2020. № 11. С. 30–37.
4. Мизгулина М. Н., Федянина В. А. Задания для школьной олимпиады по японскому языку на примере олимпиады «Учитель школы будущего» // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания: мат-лы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Л. Т. Нечаева. Вып. 21. М.: Ключ-С, 2020. С. 152–159.
5. Миямото Т. Организация процесса обучения японскому языку студентов с разным уровнем языковой подготовки // Актуальные проблемы востоковедения: сб. науч. по итогам работы VIII Междунар. науч.-практ. конф. по востоковедению / под ред. И. Н. Гущиной. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2019. С. 276–284.
6. Свердлова Н. А., Пяо М. Уровни владения иностранным языком в рамках систем государственного тестирования в РФ, Республике Корея, КНР. Сравнительный анализ // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 4 (8). С. 100–104.
7. Тарева Е. Г., Федянина В. А., Мизгулина М. Н. Критерии отбора языкового и речевого материала при составлении олимпиадных заданий по японскому языку // Иностранные языки в школе. 2020. № 10. С. 85–91.
8. Фролова Е. Л. «Новая грамотность» и «новая волна» языковой политики в Японии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 10: Востоковедение. С. 130–140. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-10-130
9. A Common European Framework of Reference for Languages Learning, Teaching, Assessment. Strasbourg: Council of Europe, 2018. 278 p.

References

1. Abe` X., Skonechny`j T. G. Deskrriptornaya xarakteristika urovnya vladeniya yaponskim yazy`kom dlya uchashhixsya 10 i 11 klassov // Inostranny`e yazy`ki v shkole. 2020. № 12. S. 70–76.

2. Guruleva T. L. Kompetenciya vladeniya kitajskim yazy'kom: komponentny'e i urovnevy'e karakteristiki // Vy'sshee obrazovanie v Rossii. 2018. T. 27. № 7. S. 153–163.
3. Guruleva T. L. Profili i e'tapy' obucheniya kitajskomu yazy'ku v urovnevoj paradigme formirovaniya kommunikativnoj kompetencii // Inostranny'e yazy'ki v shkole. 2020. № 11. S. 30–37.
4. Mizgulina M. N., Fedyanina V. A. Zadaniya dlya shkol'noj olimpiady' po yaponskomu yazy'ku na primere olimpiady' «Uchitel' shkoly' budushhego» // Yaponskij yazy'k v vuze: aktual'ny'e problemy' prepodavaniya: mat-ly' 2-j Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / otv. red. L. T. Nechaeva. Vy'p. 21. M.: Klyuch-S, 2020. S. 152–159.
5. Miyamoto T. Organizaciya processa obucheniya yaponskomu yazy'ku studentov s razny'm urovnem yazy'kovoj podgotovki // Aktual'ny'e problemy' vostokovedeniya: sb. nauch. tr. po itogam raboty' VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. po vostokovedeniyu / pod red. I. N. Gushhinoj. Xabarovsk: Izd-vo Tixookean. gos. un-ta, 2019. S. 276–284.
6. Sverdllova N. A., Pyao M. Urovni vladeniya inostranny'm yazy'kom v ramkax sistem gosudarstvennogo testirovaniya v RF, Respublike Koreya, KNR. Sravnitel'ny'j analiz // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2009. № 4 (8). S. 100–104.
7. Tareva E. G., Fedyanina V. A., Mizgulina M. N. Kriterii otbora yazy'kovogo i rechevogo materiala pri sostavlenii olimpiadny'x zadaniy po yaponskomu yazy'ku // Inostranny'e yazy'ki v shkole. 2020. № 10. S. 85–91.
8. Frolova E. L. «Novaya gramotnost'» i «novaya volna» yazy'kovoj politiki v Yaponii // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2020. T. 19. № 10: Vostokovedenie. S. 130–140. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-10-130
9. A Common European Framework of Reference for Languages Learning, Teaching, Assessment. Strasbourg: Council of Europe, 2018. 278 p.

**E. G. Tareva,
A. V. Derkach**

Levels of Language Proficiency: A Comparative Overview

The article shows the parameters and features of systems for identifying and describing the levels of foreign languages proficiency. The authors describe the grounds that predetermine the parameters of the levels, emphasize the national specifics of the concept of levels, developed in a particular country. A benchmark system (standard) for the development of nationally determined levels of proficiency in foreign languages has been identified.

Keywords: levels of proficiency in a foreign language; descriptors; CEFR; JF Standart.

УДК 811.124

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.43.3.10

Е. А. Додыченко

К вопросу о концепции профессионально-ориентированного обучения латинскому языку (на материале терминологии римского права)

Автор рассматривает теоретические и практические проблемы профессионально ориентированного обучения в юридическом вузе, обосновывает актуальность интегрированного подхода в общеобразовательном процессе, предлагает основанную на терминологии римского права концепцию преподавания латинского языка, способствующую формированию у студентов первого курса профессиональных, лингвистических и общекультурных компетенций.

Ключевые слова: профессионально ориентированное обучение; латинский язык; терминология римского права; терминологическая компетенция; межпредметные связи.

Повышение эффективности обучения латинскому языку в юридическом вузе, его интеграция в систему дисциплин правового профиля — одна из основных проблем современного гуманитарного образования. Высокое качество подготовки обучающегося заключается в том, что в результате формируется специалист, обладающий знаниями, практически умениями и навыками, которые позволят ему реализоваться в профессиональной сфере. **Актуальность данного исследования** обусловлена востребованностью разработки современной концепции профессионально ориентированного преподавания латинского языка в вузе. В связи с этим необходимо более глубоко изучить механизм прикладного, выходящего далеко за рамки лингвистики обучения латинскому языку будущих правоведов в современных условиях, когда каждый преподаватель создает рабочую программу дисциплины, самостоятельно решает весь круг проблем, связанных с организацией процесса обучения, формулирует конкретные задачи, подбирает дидактический материал, а иногда и составляет учебно-методические пособия для работы со студентами.

Объектом исследования является процесс профессионально ориентированного обучения терминам римского права на занятиях по латинскому языку. **Цель** работы — представить концепцию преподавания латинского языка с основой на терминологию римского права, способствующую формированию у студентов первого курса профессиональных, лингвистических и общекультурных

компетенций. **Задачи:** изучить подходы к обучению иностранным языкам и особенности методики преподавания латинского языка в юридическом вузе; обозначить проблемы соотношения языкового и юридического материалов на занятиях; доказать необходимость формирования у студентов терминологической компетенции; представить собственную систему профессионально ориентированного обучения латинскому языку на основе терминологии римского частного права, обосновать эффективность ее использования в учебном процессе. Для решения поставленных задач использовались различные **методы:** изучение лингвистической, методической и юридической литературы, ФГОС, учебных планов и программ; обобщение опыта работы в юридическом вузе; лингвистическое исследование терминологического аппарата римского права; создание концепций. **Результаты** могут быть внедрены в практику преподавания латинского языка в юридическом вузе.

Подходы к изучению иностранных языков в вузе. В современной методологической науке большое внимание уделяется двум подходам к изучению иностранных языков — лингвокультурологическому и профессиональноориентированному. Согласно первому язык является отражением культуры народа и без понимания его традиций, ценностей и быта невозможно полноценное изучение, поскольку усвоение только формы приводит к коммуникативным ошибкам, неудачам, а иногда и к конфликтам [7; 13–15]. В связи с этим в процессе обучения преподаватель активно использует лингвокультурологическую информацию, включающую «факты географического, исторического, политического, этнокультурного, этнолингвистического и этнопсихологического характера, относящиеся к лингвокультурному сообществу» [7, с. 23–24].

При втором, профессионально ориентированном, подходе основополагающей задачей становится изучение специальной терминологии. В этой ситуации целью становится создание условий, при которых у студентов формируются профессиональная языковая культура и компетенции, позволяющие осуществлять устную и письменную профессиональную коммуникацию на иностранном языке, а также решать с его помощью важные задачи [2; 10; 13].

Особенности методики преподавания латинского языка в юридическом вузе. Несмотря на то что в системе юридического образования активно применяются оба вышеназванных подхода, нет оснований говорить о совпадении концепций методики преподавания латинского языка и современных иностранных языков [5]. Отсутствие необходимости подготовить студентов к устной и письменной профессиональной коммуникации на языке, который поддерживается искусственно и не используется в реальном общении, обуславливает различия в целях, содержании и методах обучения.

Освоение лексики и грамматики во взаимосвязи с лингвокультурологической информацией о жизни римлян и ценностях античного мира — это всего лишь часть работы, подготавливающей к самому главному — формированию и развитию профессионально значимых компетенций. Именно благодаря

прошлому латыни, тому, что она является письменной формой античного права и на ее основе сформировался и продолжает создаваться терминологический аппарат юриспруденции, студенты осваивают этот лингвистический курс как прикладной, имеющий выходы на многие профильные предметы и обеспечивающий междисциплинарную интеграцию [8]. И, как следствие, на первый план выходит необходимость обучения терминологии права и другими профессионально ориентированными дисциплинами.

Необходимость формирования терминологической компетенции на занятиях по латинскому языку. Знание терминологии и умение правильно использовать ее в своей деятельности важно для любого специалиста в области права. Специфика термина обусловлена, прежде всего, тем, что он функционирует преимущественно в сфере профессионального общения, где во всей полноте реализуются его информативные свойства [12, с. 47]. В этой связи одной из основных задач, решаемых на занятиях по латинскому языку, является формирование терминологической компетенции на основе терминологии римского частного права. Под такой компетенцией нами понимается умение участвовать в профессиональной коммуникации с использованием общепрофессиональных, профессиональных и узкопрофессиональных терминов.

Терминологический аппарат учебников по латинскому языку. Современные учебники для студентов юридических вузов и факультетов [1; 3; 4; 9 и мн. др.] профессионально ориентированы. Их авторы стараются найти некий баланс между сведениями, содержащими в себе лингвокультурологическую информацию (лексика, афористика и тексты общего характера), и тем, что обеспечивает собственно профессиональную направленность издания (специальная лексика, юридическая терминология и тексты правового содержания).

Несмотря на разнообразие методических пособий, качественного дидактического материала, тщательного отбора юридической лексики, терминов и выражений для запоминания, по-прежнему остается актуальным вопрос создания более тесной связи дисциплин «Латинский язык» и «Римское право», которые преподаются на первом курсе.

Проблема отбора лексико-грамматического минимума курса «Латинский язык». По нашему убеждению, на каждом занятии работа над терминами должна быть связана с разбираемым грамматическим материалом, быть его продолжением, демонстрацией использования языкового явления на практике. Иначе может сложиться такая ситуация, при которой бездумное, ничем не мотивированное, не подкрепленное языковыми знаниями зазубривание приведет к нулевому результату. Студенты должны понимать, что они делают, зачем тратят на это свое время, как и где смогут применить полученные знания.

При распределении лексического материала можно базироваться на приведенном в Институциях Гая принципе деления права: *лица* (субъект права) – *вещи* (объект права) – *иски* (действия или процессы, устанавливающие отношения между субъектами или субъектом и объектом, способы приобретения

или защиты права собственности, владение, обязательства и т. п.) [11]. Таковую систему понятий можно рассматривать внутри грамматических тем: при изучении именных частей речи обращаться к материалам, называющим и характеризующим субъект, объект и иски; при работе с глаголом — со всем, что обозначает какие-либо действия или состояния, связывающие субъекты, объекты и иски. В такой ситуации языковой материал подстраивается под профессионально ориентированные цели обучения и намеренно сокращается, чтобы обеспечить практические потребности в формировании навыков чтения и перевода текстов и овладении понятийным аппаратом курса.

Последовательность введения терминологического минимума. По нашему мнению, базирование всего теоретического и практического материала на трехчленной структуре Гая (*субъекты – объекты – иски*) позволяет выстроить концепцию профессионально ориентированного обучения, закрепить основные понятия на протяжении всего курса. Изучение грамматики эффективнее начать с глагола и его грамматических категорий, что сразу же дает возможность для перевода простейших фраз. Закреплению нового грамматического явления будет способствовать обязательный для заучивания минимум терминов и выражений, сопровождаемых комментариями правового характера (например, *cavēre, respondēre, agēre, condemnō, absolvo, libēro, appello, veto* и т. п.).

После ознакомления со спряжением глагола в настоящем времени логичнее перейти к именным и служебным частям речи, постепенно усложняя и расширяя сведения грамматического и лексического характера. На таком обширном материале преподавателю проще реализовать профессионально направленное обучение трехчленной структуре римского права, согласно Институциям Гая.

В качестве примера приведем несколько групп терминов, отражающих составные части этой системы:

1) *правой статус субъектов и его изменение*: *status libertatis, status civitatis, status familiae, capitis deminutio (maxima/media/minima)*;

2) *субъекты права (лица), обладающие разным правовым статусом*: *Quiritēs / populus Romānus / Romāni, Latīni, coloni, peregrīni, libertīni*;

3) *лица своего или чужого права, отношения между членами римской семьи*: *familia, personae sui juris / alieni juris, agnatio, cognatio, pater familias, patria potestas, emancipatio, iustum matrimonium, matrimonium cum manu mariti / sine manu mariti*;

4) *объекты права (вещи), права на них*: *servi, resmancipi/necmancipi, rescorporeales/incorporales, resprivatae/publicae, iusfruendi, iusutendi, iuspossidendi, traditio brevi manu / longa manu, servitutes*;

5) *виды права*: *iuspublicum/privatum, iuscivile/Quiritium/Romānum, iusgentium, iusnaturale, iusaequum, iushumanum, iusvitaeacnecis*;

6) *иски, части исковых формул*: *actio directa/contraria, actio injus, actio bonafidei, actio doli, actio inpersonam, condictio, vindicatio, injuriarealis/verbalis*;

7) *судопроизводство, виды процессов*: *justitia, iudicium publicum / privatum, arbitrium, auditorium, in persona, absentereo, coram populo/notario, injure, in iudicio, per legisactiones, per formula magēre, extraordinaria cognitio*;

8) *участники судебного процесса*: *magistratus maiores / minores, praetor urbanus/peregrinus, iudex datus/delegatus, arbiter, inquisitor, actor / Aulus Agerius, Numerius Negidius, reus, adversarius, sequester*.

Практический результат. Изложенная выше концепция изучения терминологии римского права — следствие многолетнего опыта преподавания латинского языка в юридическом вузе. Автор данной статьи самостоятельно и в некоторых случаях совместно с А. М. Абрамовой написала несколько учебно-методических пособий, последним из которых является практикум [6], проходящий апробацию в Саратовской государственной юридической академии. По нашему мнению, системная работа, а именно: заучивание терминов, следование всем рекомендациям, выполнение заданий, чтение и перевод текстов, анализ языковых явлений, встречающихся в них, — позволит студентам привести в систему полученные знания, научиться работать с оригинальными текстами на латинском языке, закрепить в памяти профессионально значимую лексику и юридические термины и, как следствие, овладеть терминологической компетенцией.

Вывод. На наш взгляд, в основе концепции профессионально ориентированного обучения латинскому языку в юридическом вузе должна лежать установка на комплексную работу, включающую в себя взаимосвязанное изучение грамматики, лексики, терминологии, историко-культурологического наследия Древнего Рима, а также чтение и перевод адаптированных и оригинальных текстов правового характера. Такой подход к преподаванию закладывает основы правового мышления у обучающихся, способствует их духовному и культурному развитию, а также помогает им в изучении римского права и других юридических дисциплин. Овладев терминологическим аппаратом курса, необходимой лексической базой, основами грамматики, навыками работы с текстами, начинающий юрист научится понимать профессиональные документы и применять изученную юридическую терминологию в практической деятельности.

Данное исследование не претендует на исчерпывающее описание концепции обучения латинскому языку будущих специалистов в области права, однако хочется надеяться, что изложенные нами положения внесут свой вклад в методику прикладного преподавания этого древнего языка в вузе.

Литература

1. Абрамова А. М., Додыченко Е. А. Юридическая латынь: Элементарный курс для бакалавров: учеб.-метод. пособие. М.: Флинта, 2020. 256 с.
2. Авдеевнина О. Ю. Латинский язык в формировании языковой и профессиональной компетенции студентов-юристов // Приоритетные направления использования технологий обучения разносистемным языкам: сб. науч.-метод. ст. Ташкент: ТГПУ имени Низами, 2017. С. 8–12.

3. Афонасин Е. В. Латынь для юристов. Основы латинского языка и юридической терминологии. Вводный курс. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2014. 135 с.
4. Берг Е. Б., Горяев С. О. Латинский язык для юристов: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / Уральский государственный юридический университет. М.: Юстиция, 2017. 267 с.
5. Додыченко Е. А. Методическая концепция преподавания латинского языка в юридическом вузе // Теория и методика обучения иностранным языкам: традиции и инновации. Шатировские чтения: сб. науч. тр. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2018. С. 98–102.
6. Додыченко Е. А. Практикум по латинскому языку юридического профиля: учеб.-метод. пособие для обучающихся вузов / Саратовская государственная юридическая академия. Саратов: СГЮА, 2020. 116 с.
7. Лесохина А. М. Формирование у студентов языковых вузов умений извлекать лингвокультурологическую информацию в процессе чтения иноязычных текстов разных жанров: на материале испанского языка: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2012. 224 с.
8. Маркова Н. И. Латинский язык как дисциплина, обеспечивающая междисциплинарную интеграцию // Язык медицины: международный межвуз. сб. науч. тр. в честь юбилея В. Ф. Новодрановой / СамГМУ. Самара: Krypten-Волга, 2015. С. 243–247.
9. Маршалок Н. В., Ульянова И. Л. Латинский язык для юристов: учебник / Российский государственный университет правосудия (РГУП), Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. М.: РГУП, 2017. 165 с.
10. Меланченко И. В. Преподавание латинского языка студентам-юристам // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4–2. С. 305–307.
11. Пашаева О. М. Римское право: учеб. пособие для среднего профессионального образования. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. 157 с.
12. Петрова Е. А. Терминированность как основа развития навыков профессионально-ориентированной коммуникации // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. / Омская юридическая академия. Омск: ОмЮА, 2014. С. 46–51.
13. Сидакова Н. В. Латинский язык как инструмент формирования профессиональной и межкультурной компетенции студентов-юристов в высшей школе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 139–142.
14. Сон Е. Д. Формирование межкультурной компетенции студентов [Электронный ресурс] // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 1 (789). С. 234–241. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-mezhkulturnoy-kompetentsii-studentov> (дата обращения: 27.11.2020).
15. Химичева С. А. Межкультурная коммуникация в современном высшем образовании при изучении иностранного языка [Электронный ресурс] // Педагогическое образование в России. 2012. № 4. С. 136–139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-v-sovremennom-vysshem-obrazovanii-pri-izuchenii-inostrannogo-yazyka> (дата обращения: 27.11.2020).

Literatura

1. Abramova A. M., Dody`chenko E. A. Yuridicheskaya laty`n`: E`lementarny`j kurs dlya bakalavrov: ucheb.-metod. posobie. M.: FLINTA, 2020. 256 s.

2. Avdevnina O. Yu. Latinskij yazy`k v formirovanii yazy`kovoј i professional`noj kompetencii studentov-yuristov // *Prioritetny`e napravleniya ispol`zovaniya texnologij obucheniya raznosistemny`m yazy`kam: sb. nauch.-metod. st.* Tashkent: TGPU imeni Nizami, 2017. S. 8–12.
3. Afonasin E. V. Laty`n` dlya yuristov. Osnovy` latinskogo yazy`ka i yuridicheskoy terminologii. Vvodny`j kurs. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 2014. 135 s.
4. Berg E. B., Goryaev S. O. Latinskij yazy`k dlya yuristov: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushhixsya po napravleniyu «Yurisprudenciya» / Ural`skij gosudarstvenny`j yuridicheskij universitet. M.: Yusticiya, 2017. 267 s.
5. Dody`chenko E. A. Metodicheskaya koncepciya prepodavaniya latinskogo yazy`ka v yuridicheskom vuze // *Teoriya i metodika obucheniya inostranny`m yazy`kam: tradicii iinnovacii. Shatilovskie chteniya: sb. nauch. tr.* SPb.: POLITEX-PRESS, 2018. S. 98–102.
6. Dody`chenko E. A. Praktikum po latinskomu yazy`ku yuridicheskogo profilya: uchebno-metodicheskoe posobie dlya obuchayushhixsya vuzov / Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya. Saratov: SGYuA, 2020. 116 s.
7. Lesoxina A. M. Formirovanie u studentov yazy`kovy`x vuzov umenij izvlekat` lingvokul`turologicheskuyu informaciyu v processe chteniya inoyazy`chny`x tekstov razny`x zhanrov: na materiale ispanskogo yazy`ka: dis. ... kand. ped. nauk. SPb., 2012. 224 s.
8. Markova N. I. Latinskij yazy`k kak disciplina, obespechivayushhaya mezhdisciplinarnuyu integraciyu // *Yazy`k mediciny`: mezhdunar. mezhvuz. sb. nauch. tr. v chest` yubileya V. F. Novodranovoj / SamGMU.* Samara: Kripten-Volga, 2015. C. 243–247.
9. Marshalok N. V., Ul`yanova I. L. Latinskij yazy`k dlya yuristov: uchebnik / Rossijskij gosudarstvenny`j universitet pravosudiya (RGUP), Moskovskij gosudarstvenny`j institut mezhdunarodny`x otnoshenij (universitet) Ministerstva inostranny`x del Rossijskoj Federacii. M.: RGUP, 2017. 165 s.
10. Melanchenko I. V. Prepodavanie latinskogo yazy`ka studentam-yuristam // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo.* 2013. № 4–2. S. 305–307.
11. Pashaeva O. M. Rimskoe pravo: ucheb. posobie dlya srednego professional`nogo obrazovaniya. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2021. 157 s.
12. Petrova E. A. Terminirovannost` kak osnova razvitiya navy`kov professional`no-orientirovannoj kommunikacii // *Aktual`ny`e problemy` lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostranny`x yazy`kov: materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Omskaya yuridicheskaya akademiya.* Omsk: OmYuA, 2014. S. 46–51.
13. Sidakova N. V. Latinskij yazy`k kak instrument formirovaniya professional`noj i mezhkul`turnoj kompetencii studentov-yuristov v vy`sšej shkole // *Azimut nauchny`x issledovanij: pedagogika i psixologiya.* 2016. T. 5. № 2 (15). S. 139–142.
14. Son E. D. Formirovanie mezhkul`turnoj kompetencii studentov [E`lektronny`j resurs] // *Vestnik MGLU. Gumanitarny`e nauki.* 2018. Vy`p. 1 (789). S. 234–241. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-mezhkulturnoy-kompetentsii-studentov> (accessed: 27.11.2020).
15. Ximicheva S. A. Mezhkul`turnaya kommunikaciya v sovremennom vy`sšhem obrazovanii pri izuchenii inostrannogo yazy`ka [E`lektronny`j resurs] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii.* 2012. № 4. S. 136–139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-v-sovremennom-vysshem-obrazovanii-pri-izuchenii-inost-rannogo-yazyka> (accessed: 27.11.2020).

E. A. Dodychenko

**On the Conception of Profession Oriented Latin Language Teaching
(on the Basis of Roman Law Terminology)**

The author examines theoretical and practical problems of the profession-oriented education in a Law school, explains the relevance of the integrated approach in the comprehensive educational process and offers a Latin teaching conception on the basis of Roman law terminology, which contributes to the formation of professional, linguistic and general cultural competencies in first-year students.

Keywords: profession oriented teaching; the Latin language, Roman law terminology; terminological competence; interdisciplinary relationships.

УДК 372.881.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.43.3.11

Т. Л. Гурулева

Трансформация системы компетенций владения китайским языком: структурно-содержательный анализ версии 3.0

В статье приведен структурно-содержательный анализ новой системы компетенций владения китайским языком, разработанной органами государственной власти КНР для изучающих китайский язык как второй в Китае (национальные меньшинства, иностранцы) и по всему миру и официально вступившей в силу с 1 июля 2021 г. Критериями сопоставительного анализа новой и старой систем (2014) стали компонентный состав модели коммуникативной компетенции, разработанной для китайского языка, уровневая структура модели, а также содержательное наполнение и количественные критерии компонентов коммуникативной компетенции. Сделан вывод о характере структурных, содержательных и количественных различий двух систем.

Ключевые слова: компетенции владения китайским языком; обучение китайскому языку; HSK 3.0; межкультурная коммуникативная компетенция; новый стандарт уровней владения китайским языком.

Современный подход, применяемый в языковом образовании, с точки зрения объекта обучения может быть охарактеризован как межкультурный. Он предполагает переосмысление и интерпретацию обучающимся родного языка и культуры с позиции обновленной картины мира, что позволяет исследователям говорить о принципиальном отличии межкультурного подхода от группы культуросообразных подходов и о формировании новой межкультурной лингводидактической парадигмы [3; 10; 11]. Этим объясняется и особое внимание ученых, обращенное на исследования процессов межкультурной коммуникации, направленное на дальнейшее осмысление и развитие теории коммуникации в целом [4; 8; 9] и ее межкультурной составляющей в частности [1; 7]. Значимым ориентиром в обучении иностранным языкам являются также и национальные системы компетенций владения языками, такие как общеевропейские компетенции владения иностранным языком (CEFR), британская система уровней владения языком (ALTE levels), канадские компетенции владения языком (CLB), американская шкала компетенций владения языком (ILR) и др. Можно с уверенностью сказать, что использование уровневого подхода давно и успешно вошло в практику обучения европейским языкам, а уровневая система общеевропейских компетенций стала удобным инструментом организации изучения, обучения и оценки владения иностранным

языком. В обоснование этого утверждения мы обращаемся к мнению А. Л. Бердичевского, который отмечает: «Цели и содержание образования в настоящее время конкретизируются “Общеввропейскими компетенциями владения иностранным языком”...» [2, с. 23]. Уровневую систему организации модели коммуникативной компетенции постепенно начинают использовать и в обучении восточным языкам. Так, в настоящее время происходят интенсивные процессы развития уровневой системы владения китайским языком как вторым.

В 2020 г. Китай анонсировал реформу экзамена HSK (汉语水平考试, Hànyǔ Shuǐpíng Kǎoshì) и обозначил намерение перейти в 2022 г. к его новой версии, получившей название «Версия 3.0». Нынешняя, вторая версия HSK просуществовала 12 лет (с 2010 г.). Первая версия экзамена поэтапно разрабатывалась с 1984 по 1997 г. и применялась в КНР до 2009 г. Таким образом, Китай в настоящее время переживает процесс второй крупной трансформации национальной системы экзамена на знание китайского языка как второго, функционирующей в международном образовательном пространстве. Причины и предполагаемые последствия этой трансформации рассмотрены нами ранее [6].

Несмотря на довольно длительный опыт создания и функционирования экзамена HSK, система компетенций владения китайским языком как вторым долгое время не представляла единой конструкции с экзаменом. Она впервые начала разрабатываться в Китае лишь в 2006 г., а ее первое издание вышло в свет в 2007 г. Не образуя единого организма, две системы на протяжении длительного исторического периода отличались структурно, что не способствовало пониманию их содержательной взаимосвязи. Так, в 2007 г. система компетенций владения китайским языком имела пять уровней [14], в то время как экзамен HSK состоял из 11 уровней, в 2010 г. соотношение уровней двух систем составило пять к шести. В 2014 г. в связи с переработкой содержания единой программы обучения китайскому языку как второму [13] компетенции владения китайским языком получили подробное шестиуровневое описание и по количеству уровней впервые сравнились с экзаменом [5]. Обратим внимание на то, что это произошло через четыре года после запуска второй версии экзамена HSK, произошедшего в 2010 г. В преддверии запуска новой экзаменационной системы в 2022 г. Китай разработал новый стандарт уровней владения китайским языком как вторым и официально анонсировал его вступление в законную силу с 1 июля 2021 г. [15]. Таким образом, впервые за всю историю создания экзамена HSK стандарты системы компетенций владения китайским языком как вторым описаны и законодательно закреплены до начала функционирования самой экзаменационной системы и, очевидно, представляют с ней единый структурно-содержательный механизм оценки уровня владения китайским языком.

Анализ новой системы оценки владения китайским языком позволил выделить некоторые ее отличия от предыдущей системы 2014 г.

В первую очередь рассмотрим компонентную структуру коммуникативной компетенции китайского языка. Новая модель структуры коммуникативной

компетенции в основном получила трехкомпонентное измерение. По оценкам китайских специалистов, озвученных на предварительных обучающих семинарах, компонентами коммуникативной компетенции, описываемыми в новом стандарте, стали речевые умения (语言技能), темы и коммуникативные задачи (话题任务内容) и языковые количественные критерии (语言量化指标). Указанные компоненты подробно охарактеризованы на каждом из уровней новой системы. Компонент «речевые умения» включил пять подкомпонентов умений, определяемых в соответствии с видами речевой деятельности (говорение, чтение, аудирование и письмо), а также умение переводить. Таким образом, предложенная структура была интерпретирована китайскими специалистами формулой «3 + 5», означающей «три структурных компонента, пять видов речевых умений».

Кроме того, общее описание коммуникативной компетенции на каждом из трех уровней (начальном, среднем и высшем) включило и такие компоненты, как коммуникативные стратегии (交际策略), знания о культуре Китая (中国文化知识), международный кругозор (国际视野) и межкультурная компетенция (跨文化交际能力). Эти компоненты, хотя и не получили подробного описания каждый в отдельности, все же были включены в состав общего описания трех уровней, что также позволяет рассматривать их в качестве структурных элементов модели коммуникативной компетенции китайского языка.

Сопоставляя новую компонентную модель коммуникативной компетенции китайского языка с предыдущей [5], представленной в программах обучения китайскому языку 2009 г. и 2014 г., можно отметить их преемственность. Сопоставительный анализ моделей представлен в таблице 1.

Таблица 1

Сопоставление компонентного состава моделей коммуникативной компетенции китайского языка 2009–2014 гг. и 2021 г.

Компоненты в структуре модели коммуникативной компетенции китайского языка 2009–2014 гг.	Содержание компонентов модели коммуникативной компетенции китайского языка 2009–2014 гг.	Компоненты в структуре модели коммуникативной компетенции китайского языка 2021 г.	Содержание компонентов модели коммуникативной компетенции китайского языка 2021 г.
Языковые знания	- Знание фонетики, иероглифики и лексики, грамматики языка. - Функциональное использование языковых средств. - Тематика коммуникации. - Дискурс (дискурсивный компонент)	Языковые количественные критерии	Количественные критерии по каждой из четырех учебных тем китайского языка: «Слоги», «Иероглифы», «Слова», «Грамматика»
		Темы и коммуникативные задачи	- Перечень основных тем. - Примеры коммуникативных задач

Компоненты в структуре модели коммуникативной компетенции китайского языка 2009–2014 гг.	Содержание компонентов модели коммуникативной компетенции китайского языка 2009–2014 гг.	Компоненты в структуре модели коммуникативной компетенции китайского языка 2021 г.	Содержание компонентов модели коммуникативной компетенции китайского языка 2021 г.
Речевые умения	• Говорение. • Чтение. • Аудирование. • Письмо	Речевые умения	• Говорение. • Чтение. • Аудирование. • Письмо. • Перевод
Стратегии	• Эмоциональные. • Учебные. • Коммуникативные. • Ресурсные. • Межпредметные	Коммуникативные стратегии	Описаны кратко только для трех основных уровней
Культурная компетенция	• Культурные знания. • Осмысление культуры. • Межкультурная компетенция. • Международный кругозор	Знания о культуре Китая	Описаны кратко только для трех основных уровней
		Международный кругозор	Описаны кратко только для трех основных уровней
		Межкультурная компетенция	Описаны кратко только для трех основных уровней

Из таблицы 1 видно, что новая модель коммуникативной компетенции в основном сохранила прежние компоненты. Очевидно, что компонент «языковые знания» (语言知识) модели 2009–2014 гг. соответствует компонентам «языковые количественные критерии» (语言量化指标) и «темы и коммуникативные задачи» (话题任务内容) новой модели. Такие составляющие компонента «языковые знания», как «функциональное использование языковых средств» и «дискурс», очевидно, были избыточными в модели 2009–2014 гг., поскольку во многом дублировались в компоненте «речевые умения», поэтому в новой модели они не выделены отдельно, а включены именно в содержание компонента «речевые умения». Компонент «речевые умения» новой модели, по сравнению со старой, включил на среднем уровне общие переводческие умения, а на высшем — профессиональные переводческие умения. Компонент «стратегии» модели 2009–2014 гг. получил развитие в новой модели только как «коммуникативные стратегии», которые имеют очень краткое описание только для трех основных уровней. Компонент «культурная компетенция» старой модели в основном по своему содержанию соответствует компонентам «знания о культуре Китая», «международный кругозор» и «межкультурная компетенция», которые также кратко описаны в новой модели только для трех основных уровней.

Обращает на себя внимание и терминологическая корректировка некоторых базовых категорий. Так, термин 语言综合运用能力, используемый в программе 2009–2014 гг. и содержательно соотносимый с термином «коммуникативная компетенция» [5, с. 50], был преобразован в термин 言语交际能力 (букв. ‘речевая коммуникативная компетенция’), что также соотносимо с термином «коммуникативная компетенция», поскольку содержательно включает речевую, языковую, межкультурную и другие составляющие. Термин 跨文化能力 ‘межкультурная компетенция’ был уточнен — 跨文化交际能力 (букв. ‘межкультурная коммуникативная компетенция’), подчеркивающего коммуникативный характер межкультурной компетенции и ее принадлежность к коммуникативной компетенции в целом. Таким образом, становится очевидным несоответствие объема содержания буквального перевода указанных понятий и обозначающих их терминов понятиям и терминам отечественной методики обучения иностранным языкам. Для установления такого соответствия нужно пользоваться при переводе функциональными аналогами терминов, принятых в отечественной науке. Так, термин 言语交际能力 содержательно соответствует понятию «коммуникативная компетенция», а не «речевая коммуникативная компетенция», и, кроме того, буквальное переводческое соответствие «речевая коммуникативная компетенция» в отечественной науке соотносимо с термином «речевая компетенция» как одним из компонентов коммуникативной компетенции. Термину 跨文化交际能力 также содержательно соответствует функциональный аналог «межкультурная компетенция», представляющий структурный компонент коммуникативной компетенции, а не буквальное переводческое соответствие «межкультурная коммуникативная компетенция», обозначающее в отечественной науке собственно коммуникативную компетенцию, имеющую межкультурный характер, и служащее названием базовой категории отечественной методики, включающей отдельные структурные компоненты (речевую, языковую, социокультурную, межкультурную и др.).

Содержательно-уровневый анализ позволил выявить как очевидное несоответствие общего количества уровней моделей коммуникативной компетенции 2009–2014 гг. и 2021 г. (шесть и девять уровней), так и различия в количественном и содержательном наполнении уровней. Сопоставление количественных критериев уровней коммуникативной компетенции китайского языка (компонентов «языковые знания» и «языковые количественные критерии») старой и новой моделей представлено в таблице 2.

Что касается первой из указанных в таблице учебных тем китайского языка — слога, — то в старой модели количественные критерии этой единицы языка не выделялись, что вовсе не означает, что фонетике не придавалось значения. На каждом из шести уровней старой системы компетенций владения китайским языком четко была определена совокупность фонетических знаний, но при этом в дескрипторах не использовалось само понятие 音节 (‘слог’).

Таблица 2

Сопоставление количественных критериев уровней коммуникативной компетенции китайского языка в моделях 2009–2014 гг. и 2021 г.

Учебные темы	Модель МКК 2009–2014 гг.						Модель МКК 2021 г.						
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7–9-й
Слоги	—	—	—	—	—	—	269	468	608	724	822	908	1110
Иероглифы	150	300	600	1000	1500	2500	300	600	900	1200	1500	1800	3000
Слова	150	300	600	1200	2500	5000	500	1272	2245	3245	4316	5456	11092
Грамматика	42	113	199	248	296	333	48	129	210	286	357	424	572

В новой системе компетенций определены количественные критерии необходимых для освоения слогов на каждом уровне, итоговое количество слогов составляет 1110. Нужно отметить, что количество слогов определено с учетом их неотъемлемой тоновой характеристики. Указанное количество слогов несколько расходится с данными об общем количестве слогов в китайском языке, представленными отечественными исследователями. Так, по данным А. А. Хаматовой, общее количество слогов в путунхуа с учетом их тоновой характеристики составляет 1324, а без тоновой характеристики — 414 [12]. Вероятно, в новой модели компетенций владения китайским языком речь идет о наиболее частотных 1110 слогах.

Количество выученных иероглифов в старой системе компетенций определено в 2500 знаков, а в новой — 3000 знаков. Таким образом, количество иероглифов в новой системе компетенций владения китайским языком увеличено на 20 %. Изменилась и межуровневая динамика изучения иероглифов. Так, на первом уровне старой системы компетенций нужно было освоить всего 150 иероглифов, а новой — 300, однако к пятому уровню количество необходимых к изучению иероглифов сравнивается и составляет 1500 знаков, а на шестом уровне количество иероглифов в старой системе значительно больше, чем в новой — 2500 против 1800 знаков. Нетрудно заметить, что перечни необходимых к освоению на каждом уровне иероглифов и слогов соотнесены между собой и указанные слог соответствуют чтению иероглифов каждого уровня, однако вследствие омонимии слогов на каждом уровне меньше, чем иероглифов. Еще одним отличием новой системы компетенций владения китайским языком является то, что в ней определены не только иероглифы, значение и чтение которых нужно знать, но и иероглифы, которые необходимо уметь писать по памяти. Такие перечни рукописных иероглифов разработаны для трех основных уровней: начального, среднего и высшего.

Количество слов, в том числе языковых единиц, занимающих промежуточное положение между словом и словосочетанием (например, 吃饭), а также устойчивых свободных словосочетаний (например, 楼上) и фразеологических единиц (например, 一路平安), на первый взгляд, существенно увеличилось. Итоговое число необходимых к освоению слов в новой системе увеличено в 2,2 раза и составляет 11 092 против 5000 слов старой системы. Однако анализ

лексических единиц показывает, что такое их увеличение произошло не только из-за добавления новых единиц, но и за счет их более системного описания, а именно благодаря расширению списка однокоренных слов, включающего и односложные одноморфемные слова, имплицитное знание которых автоматически предполагалось в системе компетенций 2009–2014 гг. Например, на первом уровне старой системы компетенций есть слово 出租车 ‘такси’. Очевидно, что, знакомясь со словом, обучающийся автоматически овладевает и его морфемным составом, при этом осознавая, что каждая из указанных морфем может выступать в качестве простого односложного слова. В новой системе компетенций на первом уровне отдельно указаны односложное простое слово 出 ‘выходить и др. значения’, которое в старой системе значилось на втором уровне, и родовое понятие 车 ‘средство передвижения’, а также устойчивые словосочетания, образуемые с каждым из указанных слов: 出来 ‘выходить в направлении к говорящему’, 出去 ‘выходить от направления к говорящему’, 车上 ‘в средстве передвижения’ и двусложные слова, в которые входят указанные односложные простые слова в качестве корневых морфем: 车票 ‘билет на какой-то вид транспорта’, 车站 ‘остановка какого-то вида транспорта’. Само же слово 出租车 ‘такси’ включено в программу второго уровня, куда также добавлено слово 出租 ‘аренда, арендовать, сдавать в аренду и др. значения’ и односложное простое слово 租 ‘арендовать, сдавать в аренду, арендная плата и др. значения’. Таким образом, слово 出租车 ‘такси’ распланировано в новой системе компетенций в количестве восьми слов и устойчивых словосочетаний, отсутствующих в системе 2009–2014 гг., имплицитное знание которых в контексте указанного слова предполагалось в системе старых компетенций.

Анализ грамматических тем компетенций владения китайским языком 2009–2014 гг. и 2021 г. показал их более подробное описание (за счет вывода части имплицитного знания в эксплицитное), их более точную и логичную структурированность в новой системе компетенций по сравнению с предыдущей.

Другой компонент старой системы компетенций — «речевые умения» — также подвергся некоторой трансформации. Наиболее существенным изменением является включение в структуру речевых умений новой составляющей — переводческих умений. Кроме того, впервые речевые умения (в области говорения, чтения, аудирования и письма) приобрели количественное измерение, единицами которого стали физические величины «объем» и «скорость» (объем воспринимаемых и порождаемых языковых единиц, скорость восприятия и порождения языковых единиц), а критерием оценки переводческих умений названа точность (准确) воспроизводства содержания оригинала.

Компонент новой системы компетенций «темы и коммуникативные задачи», по сравнению с подкомпонентом «тематика коммуникации» старой системы, включил более широкий и сложный спектр тем, особенно на седьмом – девятом уровнях, и впервые описан с указанием примеров коммуникативных задач.

Таким образом, сопоставительный анализ систем компетенций владения китайским языком 2009–2014 гг. и 2021 г. показал:

– новая система компетенций является более сложной по сравнению со старой как *по структуре* (начальный, средний и высший уровни теперь делятся на три подуровня, образуя девятиуровневую систему), так и *по содержанию* компонентов модели коммуникативной компетенции (в аспектах обучения впервые выделен слог как базовая фонетическая единица; в средний и высший уровень владения китайским языком впервые включены требования к владению переводческими умениями), и *по их количественным критериям* (произошло увеличение количества языковых единиц по всем четырем учебным темам, в качестве количественных параметров оценки речевых умений использованы физические величины «объем» и «скорость»);

– количественное усложнение новой системы компетенций нельзя оценить как кратное, или критическое, полностью меняющее ее качество. Вместе с тем усложнение системы оценивается нами как значительное. Увеличение обязательных к овладению языковых единиц (более чем двукратное для слов на итоговом девятом уровне нового стандарта) произошло как за счет масштабного добавления совершенно новых языковых единиц на каждом из уровней, так и благодаря преобразованию имплицитного знания большого количества языковых единиц (слов, слов) в эксплицитное знание, а также более подробному описанию грамматических единиц, их более точной и логичной структурированности (грамматические темы);

– на сегодняшний день отсутствует официально установленное соответствие шестиуровневой и девятиуровневой экзаменационных систем, по аналогии с тем, как это было сделано в 2009–2010 гг. при переходе от первого варианта экзаменационной системы HSK ко второму. Тем не менее в мае 2021 г. в официальном аккаунте Международной компании с ограниченной ответственностью по образовательным технологиям HSK в Пекине (汉考国际教育科技有限公司, Hankao International Educational Technology (Beijing) Co., Ltd.) в WeChat было опубликовано «Разъяснение», в котором указано, что «现有HSK1-6级考试, 基本满足了外国中文学习者初等、中等水平测试的需求...» ‘Ныне существующий экзамен HSK 1–6 уровней в основном удовлетворяет экзаменационным потребностям обучающихся начального и среднего уровня...’, при этом экзаменационных инструментов для оценки высшего уровня владения китайским языком для магистрантов и докторантов, а также для изучающих китайский язык как специальность и проводящих исследования в области китайского языка в Китае недостаточно. Таким образом, косвенно было признано, что шесть уровней старого экзамена HSK соответствуют 1–6-му уровням новой модели экзамена. Это предположение подтверждается и предложенным механизмом перехода на новую экзаменационную модель. В «Разъяснениях» сказано, что в самое ближайшее время существующая шестиуровневая модель экзамена изменена не будет, и только в течение 3–5 лет

произойдет постепенная подстройка экзамена под содержание 1–6-го уровней новой системы проверки знаний. Что же касается 7–9-го уровней, то в декабре 2021 г. пройдут пробные экзамены, а официально экзамен на 7–9-м уровнях будет запущен в марте 2022 г. Он будет представлять собой единое испытание, по результатам которого будет присваиваться один из высших уровней. Таким образом, Китай предложил очень гибкую и удобную модель перехода к новой экзаменационной модели HSK. Нельзя сказать, что 7–9-й уровни новой системы представляют собой некую дополнительную «надстройку сложности» над предыдущей шестиуровневой системой, поскольку 1–6-й уровни также подверглись значительной структурной трансформации и усложнению. Нельзя также утверждать, что по сложности 7–9-й уровни полностью соответствуют уровню «С» общеевропейской системы компетенций владения иностранным языком, так как включение в них требований к сформированности профессиональной переводческой компетенции делает эти уровни несколько более сложными, чем уровень свободного владения «С» общеевропейских компетенций.

Исследование систем компетенций владения разными национальными языками, в частности их компонентной и уровневой организации, может быть полезно как для развития общей теории обучения иностранным языкам (лингводидактики), так и для разработки методики обучения конкретным национальным языкам как иностранным (вторым) и практической организации процесса обучения этим языкам, в том числе разработке целей, содержания и средств обучения. Кроме того, системы компетенций владения национальными языками как вторыми могут предоставить исследователям интересные данные о содержащихся в них образах языковых личностей межкультурных коммуникантов.

Библиографический список

Литература

1. Бай Ю., Желтухина М. Р. Аксиологическая диахрония китайских и русских афоризмов: ценности и нормы коммуникативного поведения // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 2. С. 41–51.
2. Бердичевский А. Г., Гиниатуллин И. А., Тарева Е. Г. Методика межкультурного иноязычного образования в вузе: учеб. пособие. М.: Флинта, 2019. 368 с.
3. Бердичевский А. Л. Межкультурное образование: мода или необходимость? // Диалог культур. Культура диалога. В поисках передовых социогуманитарных практик: мат-лы Первой Междунар. конф. / под общ. ред. Е. Г. Таревой, Л. Г. Викуловой. М.: Языки Народов Мира, 2016. С. 41–46.
4. Гуревич Л. С. О соотношении индивидуальных когнитивных пространств в процессе межкультурной коммуникации // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 3. С. 59–65.
5. Гурулева Т. Л. Компетенции владения китайским языком. Результаты сопоставительного лингводидактического исследования: монография. М.: ИД ВКН, 2018. 232 с.

6. Гурулева Т. Л. Экзамен HSK 2.0.: причины и последствия структурно-содержательной трансформации // Современное педагогическое образование. 2021. № 3. С. 43–48.
7. Леонтович О. А. Русский и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
8. Позитивная коммуникация: монография / О. А. Леонтович, М. А. Гуляева, О. В. Лунева, М. С. Соколова. М.: Гнозис, 2019. 296 с.
9. Рыжова Л. П. Коммуникативно-функциональная лингвистика: единство в многообразии // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 1. С. 95–103.
10. Сафонова В. В. Соизучение языков и культур в зеркале мировых тенденций развития современного языкового образования // Язык и культура. 2014. № 1 (25). С. 123–141.
11. Тарева Е. Г. Межкультурный подход в парадигмальной системе современного социогуманитарного знания // Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социогуманитарные ценности: монография / Н. В. Барышников и др.; отв. ред. Л. Г. Викулова, Е. Г. Тарева. М.: Неолит, 2017. С. 17–45.
12. Хаматова А. А. Омонимия в современном китайском языке: учеб. пособие. Владивосток: ДВГУ, 1981. 127 с.

Справочные и информационные издания

13. 国际汉语教学通用课堂大纲 [Единая программа обучения китайскому языку как второму]. 北京: 北京语言大学出版社, 2014. 222 с.
14. 国际汉语能力标准 [Стандарты компетенций владения китайским языком как вторым]. 北京: 外语教学与研究出版社, 2007. 20/19页 (на китайском и английском языках).

Интернет-ресурсы

15. 国际中文教育中文水平等级标准 [Стандарты уровней владения китайским языком для международного обучения китайскому языку]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/202103/W020210329527301787356.pdf

References

Literatura

1. Baj Yu., Zheltuxina M. R. Aksiologicheskaya diakhroniya kitajskix i russkix aforizmov: cennosti i normy` kommunikativnogo povedeniya // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie. 2018. № 2. S. 41–51.
2. Berdichevskij A. G., Giniatullin I. A., Tareva E. G. Metodika mezhkul`turnogo inoyazy`chnogo obrazovaniya v vuze: ucheb. posobie. M.: Flinta, 2019. 368 s.
3. Berdichevskij A. L. Mezhkul`turnoe obrazovanie: moda ili neobxodimost`? // Dialog kul`tur. Kul`tura dialoga. V poiskax peredovy`x sociogumanitarny`x praktik: mat-ly` Pervoj Mezhdunar. konf. / pod obshh. red. E. G. Tarevoj, L. G. Vikulovoj. M.: Yazy`ki narodov mira, 2016. S. 41–46.
4. Gurevich L. S. O sootnoshenii individual`ny`x kognitivny`x prostranstv v processe mezhkul`turnoj kommunikacii // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie. 2018. № 3. S. 59–65.
5. Guruleva T. L. Kompetencii vladeniya kitajskim yazy`kom. Rezul`taty` sopostavitel`nogo lingvodidakticheskogo issledovaniya: monografiya. M.: ID VKN, 2018. 232 s.

6. Guruleva T. L. E`kzamen HSK 2.0.: prichiny` i posledstviya strukturno-soderzhatel`noj transformacii // *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 2021. № 3. S. 43–48.
7. Leontovich O. A. Russkij i amerikancy`: paradoksy` mezhkul`turnogo obshheniya: monografiya. M.: Gnozis, 2005. 352 s.
8. Pozitivnaya kommunikaciya: monografiya / O. A. Leontovich, M. A. Gulyaeva, O. V. Lunyova, M. S. Sokolova. M.: Gnozis, 2019. 296 s.
9. Ry`zhova L. P. Kommunikativno-funkcional`naya lingvistika: edinstvo v mnogo-obrazii // *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovo obrazovanie*. 2020. № 1. S. 95–103.
10. Safonova V. V. Soizuchenie yazy`kov i kul`tur v zerkale mirovy`x tendencij razvitiya sovremennogo yazy`kovogo obrazovaniya // *Yazy`k i kul`tura*. 2014. № 1 (25). S. 123–141.
11. Tareva E. G. Mezhhkul`turny`j podxod v paradigmal`noj sisteme sovremennogo sociogumanitarnogo znaniya // *Dialog kul`tur. Kul`tura dialoga: Chelovek i novy`e socio-gumanitarny`e cennosti: monografiya* / N. V. Bary`shnikov i dr.; otv. red. L. G. Vikulova, E. G. Tareva. M.: Neolit, 2017. S. 17–45.
12. Xamatova A. A. Omonimiya v sovremennom kitajskom yazy`ke: ucheb. posobie. Vladivostok: DVGU, 1981. 127 s.

Spravochny`e i informacionny`e izdaniya

13. 国际汉语教学通用课堂大纲 [Edinaya programma obucheniya kitajskomu yazy`ku kak vtoromu]. 北京: 北京语言大学出版社, 2014. 222 s.
14. 国际汉语能力标准 [Standarty` kompetencij vladeniya kitajskim yazy`kom kak vtory`m]. 北京: 外语教学与研究出版社, 2007. 20/19页 (na kitajskom i anglijskom yazy`kax).

Internet-resursy`

15. 国际中文教育中文水平等级标准 [Standarty` urovnej vladeniya kitajskim yazy`kom dlya mezhdunarodnogo obucheniya kitajskomu yazy`ku]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/202103/W020210329527301787356.pdf

T. L. Guruleva

Transforming the System of Competencies in Chinese Language Proficiency: Structural and Content Analysis of the Version 3.0

The article provides a structural and substantive analysis of the new system of competencies in Chinese language proficiency, developed by the government authorities of the PRC for students of Chinese as a second language in China (national minorities, foreigners) and around the world, and officially coming into force on July 1, 2021. There is also a comparative analysis of the new and old systems (2014) that became the component composition of the model of communicative competence, developed for the Chinese language, the level structure of the model, as well as the content and quantitative criteria of the components of communicative competence. A conclusion is made about the nature of the structural, content and quantitative differences between the two systems.

Keywords: Chinese language competence; Chinese language teaching; HSK 3.0; intercultural communicative competence; a new standard for Chinese language proficiency levels.

С. Лян

Гендерные исследования китайских литературоведов о творчестве А. П. Чехова

В статье дается обзор работ китайских исследователей о гендерной проблематике в произведениях А. П. Чехова. Поставлена проблема рецепции творчества Чехова в китайской культурной среде. Проанализированы современные исследования, посвященные рассказу «Дама с собачкой» и его зарубежным адаптациям. Актуальность работы состоит в обосновании необходимости изучения разнообразных женских типажей Чехова и универсальных приемов их художественного изображения.

Ключевые слова: А. П. Чехов; «Дама с собачкой»; женские образы; рецепция.

Китайские исследователи выделяют три периода в истории изучения А. П. Чехова в Китае. Начальный — включает всю первую половину XX в. В это время русский язык не был распространен в стране, Чехова читали на японском или английском, а также делали переводы с этих языков. Научное изучение на этом этапе только начиналось, в основном печатались критические и публицистические отзывы.

Второй период приходится на 1949–1976 гг. «Частые перемены в политической жизни страны, а также господство догматизма и прагматизма в идеологии заметно мешали этому. Чехов был оценен в основном благодаря влиянию на пореволюционное китайское общество» [3, с. 53]. Переводились в основном социально острые произведения. В этот период Чехов уже широко издавался и переводился с подлинника. Сложилась школа исследователей, читающих по-русски. Тесное взаимовлияние русской и китайской традиций было прервано культурной революцией 1966–1976 гг.

Третий период начинается с 1977 г. и продолжается поныне. Именно с этого времени ведется интенсивное и всестороннее изучение творчества русского классика. Обозначился интерес к чеховской поэтике, широкому спектру проблем, в том числе интересующему нас ракурсу — психологизму и гендерной проблематике.

Большое внимание китайских ученых вызвали разнообразные женские образы Чехова, особенно те из них, в которых проявляется активная жизненная позиция. Проблема женского раскрепощения была актуальна для Китая, поэтому появилось много исследований на эту тему. В них поднимаются вопросы самопознания и самовыражения героинь Чехова в дискурсе власти и родовых традиций¹. Как правило, эти исследования анализируют становление характеров героинь, формирование их личностей. Делается акцент на том, что образы активных женщин у Чехова находятся в постоянном изменении и развитии. Помимо этого, в китайских работах о Чехове отмечается, что понимание самим писателем гендерных проблем и женских образов также постоянно углублялось. В настоящей работе не анализируется обширный корпус статей о чеховской драматургии, которая традиционно находится в фокусе внимания китайских литературоведов и театроведов.

Интересующий нас рассказ «Дама с собачкой» (переведен в 1953 г. Жу Лоном) широко известен в Китае как читателям, так и исследователям. О нем писали такие ученые, как Гао Юн, Лю Яю, Джин Шанджи, Циньюэ Юйджун и Пу Юймин, Сюй Сяюй. Не все китайские чеховеды единодушны в интерпретации образа Анны Сергеевны Дидерич. Но все отмечают, что этот образ — плод переходного периода русской истории. Чехов сделал важный шаг: в его произведении запретная любовь Анны и Гурова возвышалась и облагораживала их.

¹ См., например: Лю Хуан-Син. Женские образы в прозе Чехова: В аспекте гендерной проблематики: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 166 с.; Хуэймин У. Слабые, пробужденные: трилогия женских образов в прозе А. П. Чехова // Зарубежное литературоведение. 1997. № 1. С. 26–30 (на кит. яз.); Ли Цзябао. Трагедия женщины: о судьбе женщины Чехова // Вестник Цзинчжоуского педагогического института. Серия: Общественные науки. 2002. № 4. С. 31 (на кит. яз.); Лю Синьхуа. Женоненавистнический комплекс в русской классической литературе // Сб. научной конференции в Китае. Пекин, 2005. С. 1–18 (на кит. яз.); Сяо Чан. О концепции женщины Чехова и три этапа ее развития // Вестник Нэймэнского национального университета. 2007. № 4. С. 13–14 (на кит. яз.); Цзян Лин. Женские образы в чеховской прозе // Вестник Цилиньского университета радио и телевидения. 2011. № 10. С. 83–84. (на кит. яз.); Ю Шуангян. Женское жизненное пространство с точки зрения мужчины: Интерпретация пробужденных женских образов в письмах А. П. Чехова // Вестник Лоянского педагогического университета. 2012. № 7. С. 53–57 (на кит. яз.); Ю Шуангян. Женское жизненное пространство с точки зрения мужчины: Интерпретация пробужденных женских образов в письмах А. П. Чехова // Вестник Лоянского педагогического университета. 2012. № 7. С. 53–57 (на кит. яз.); Чжан Ху. Монро и Чехов: Сосредоточение на феминистском письме // Русская литература и искусство. 2016. № 4. С. 92–99 (на кит. яз.); Сюэ Янь. Анализ трагических женских образов и художественной экспрессии в прозе Чехова: магистерская дис. Юньнаньский университет, 2010. 46 с. (на кит. яз.); Ван Цзяоян. Образ женщины в произведениях Чехова: в аспекте гендерной проблематики: магистерская дис. Университет Хэнань, 2012. 85 с. (на кит. яз.); Хоу Цзинь. Анализ комплекса женской подчиненности в рассказах А. П. Чехова: магистерская дис. Университет Хэбэй, 2014. 50 с. (на кит. яз.); Ду Яньбин. Гендерный конфликт и социальная реформа: исследование женских образов в прозе А. П. Чехова: магистерская дис. Университет Янцзы, 2016. 55 с. (на кит. яз.); Чен Кайян. Исследование самостоятельного повествования в произведении-адаптации Оутса — на примере «Дамы с собачкой» и «Мертвого тела»: магистерская дис. Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли, 2018. 70 с. (на кит. яз.); Ван Мэнцзяо. Анализ женских образов в произведениях Чехова с точки зрения феминизма: магистерская дис. Университет Янцзы, 2019. 48 с. (на кит. яз.).

В статье Гао Юна «Проза как духовная автобиография — А. П. Чехов и его “Дама с собачкой”» рассматривается принцип автобиографизма, положенный в основу сюжета. Детально история героев рассказа не совпадает с канвой взаимоотношений Чехова с О. Л. Книппер, но передана их сложная и напряженная атмосфера. Любовь между Гуровым и Анной, по мнению Гао Юна, «неоднозначна, она будет одновременно сопровождаться радостью и болью» [1, с. 113].

В статье Лю Яюэ «Любовь без правил, драма без вины» (2011) рассматривается не только роман героев, но и этапы их личностных изменений. В центре внимания автора этический парадокс: чем сильнее любовь между главными героями, тем болезненнее их чувство; в рассказе проявлялось «стремление двух искренних личностей к борьбе с ложной и удушающей старой жизнью» [5, с. 103]. По мнению Лю Яюэ, Чехов художественно показал душную семейную клетку как символ старой жизни, а запретную любовь Анны к Дмитрию — как олицетворение решимости пробить эту косную стену. Оба главных героя являются жертвами в браке без любви. Лю Яюэ приходит к выводу, что в самой любви героев нет порока, поэтому их взаимоотношения он назвал печальной драмой без вины.

Джин Шанджи в своей работе приводит сравнение плана повествования в рассказе Чехова и произведения-адаптации *The Lady with the Dog* ‘Дама с собачкой’ (1972) американской писательницы Д. Оутс. По мнению исследователя, использование линейной нарративной структуры позволяет четче противопоставить героев, заострить внимание читателя на пассивности Анны в ее взаимоотношениях с Гуровым. Она, как и ряд других чеховских героинь, является не субъектом, а объектом, не может проявить инициативу в отношениях, тем самым задерживается в своем собственном развитии. «Чехов <...> через линейную нарративную структуру показал мужское доминирование и женскую пассивность, склонность к депрессии. Внутреннее состояние мужских персонажей постепенно меняется по мере продвижения сюжета, они чувствуют истинную любовь и преследуют желаемую цель, в то время как женские персонажи остаются без изменений, и появление их на сцене всегда следует за мужским» [2, с. 20].

Сходную позицию занимают Циньюэ Юйджу и Пу Юймин. По их мнению, в чеховской прозе женщины, подобные Анне Сергеевне, Душечке и др., находятся в состоянии афазии и в плену предписанных мужчинами правил. Женщина является не личностью, а «изучаемым и обсуждаемым объектом, а также придатком для удовлетворения эгоистичных желаний мужчин» [7, с. 132]. Это же наблюдение приводится в книге Линь Шумин, называющего Анну Сергеевну «специей скучной жизни Дмитрия Гурова» [4, с. 136]. В этой статье чеховская Анна также сравнивается с героиней одноименного рассказа-адаптации Д. Оутс, где рассматривается изменение статуса женщин в дискурсе власти, происшедшие без малого за 100 лет. Писательница применила измененную фокализацию: ее история происходит в Нью-Йорке и Нантакете и подается с точки зрения Анны. В образе, созданном Оутс, отмечен следующий этап

феминизации XX в.: ее Анна осознает себя (свои мысли, свое тело) субъектом, а не объектом желания мужчин, стремится подчиняться своим собственным желаниям, преодолевая тяжесть афазии. Авторы статьи считают, что женский опыт героини Оутс более убедителен, чем у чеховской Анны. Эта статья важна для нашего дальнейшего исследования, поскольку дает методологический пример по изучению чеховской рецепции на китайском материале.

В разделе «Чехов и Китай» своей монографии «Русская литература в Китае» (1991) Ван Пу показал необходимость и эффективность сравнительного анализа художественной манеры Чехова и творчества китайских писателей Лу Синя, Е Шэнтао, Шэнь Цунвэня, Цао Юя. В русле этой проблематики защищены диссертации Ши Жоу «Традиции русской классической литературы в осмыслении китайских прозаиков (Чехов и Лу Синь)» (2016), Ши Шаньшань ««Новые люди» А. П. Чехова в культурно-исторических контекстах России Китая» (2020). Цель нашего дальнейшего исследования — анализ влияния творчества Чехова на китайских писателей, в частности на творчество современного китайского автора Ли Эра, создавшего рассказ «Безмолвный голос» (1998) по мотивам сюжетной канвы «Дамы с собачкой».

На данный момент на эту тему имеется лишь одна статья Сюй Сяоюй — «Как “Безмолвный голос” Ли Эра подражает “Даме с собачкой” Чехова» [6]. Автор зафиксировал заимствование сюжета, структуры, персонажей, деталей и другой художественной фактуры «Дамы с собачкой» Чехова. В статье рассматривается, какими путями Ли Эр создал современную «китаизацию» по мотивам русского классического произведения. Главная идея китайского рассказа — повседневная жизнь и творчество интеллектуалов. По мнению автора статьи, «в своем подражании Ли Эр обозначил параметры преемственности и завершил своим произведением диалог с Чеховым на рубеже двух веков» [6, с. 161].

Из вышеперечисленных статей видно, что для Китая актуальны и значимы гендерные исследования, связанные с возрастанием роли женщин в обществе. Китайские исследователи слабо знакомы с огромным массивом российских научных изысканий; иногда заметна их вторичность. Компаративистское изучение китайских и русских текстов недостаточно как по широте охвата материала, так и по детализации проблематики, поэтому необходимо углубить и расширить исследование с учетом двух различных культурных контекстов.

Литература

1. Гао Юн. Проза как духовная автобиография — А. П. Чехов и его «Дама с собачкой» // Современные биографические исследования. 2018. № 11. С. 109–119 (高永. 小说作为一种精神自传—契诃夫和他的《带小狗的女人》// 现代传记研究, 2018, 第11期, 第109–119页).
2. Джин Шанджи. Сравнительные исследования повествовательных стратегий Чехова и адаптации Оутс, ориентированной на одноименный рассказ «Дама с собачкой»: магистерская работа. Университет Яньбянь, 2014. С. 1–37 (金善姬. 契诃夫与欧茨叙事方法比较研究—以同名作品“带小狗的女人”为中心// 延边大学硕士学位论文, 2014, 第1–37页).

3. Ли Лянь-шу (США). Влияние Чехова на китайских писателей // Литературное наследство. 2005. № 3. С. 52–78.
4. Линь Шумин. Феминистская литературная критика в многомерной перспективе. М.; Пекин: Китайское обществ. науч. изд-во, 2004 (5) (林树明. 多维视野中的女性主义文学批评 [M]. 北京:中国社会科学出版社, 2004 (5)).
5. Лю Яюэ. Любовь без правил, драма без вины — рецензия на книгу «Дама с собачкой» // Путеводитель по инновациям в науке и образовании Китая. 2011. № 4. С. 103–104 (刘雅. 无条件的爱情, 无过错的悲剧 — 《带小狗的女人》书评//中国科教创新导刊, 2011. № 7. 第103–104页).
6. Сюй Сяюй. Как «Безмолвный голос» Ли Эр подражает «Даме с собачкой» Чехова // Китайская сравнительная литература. 2018. № 2. С. 161 (徐晓宇. 论李洱《哑吧的声音》对契诃夫《带小狗的女人》的仿写//中国比较文学. 2018, 第2期, 第161页).
7. Цинъюэ Юйджу и Пу Юймин. Эволюция от женской афазии к женскому самосознанию по одноименному рассказу Чехова и Джойс Оутс «Дама с собачкой» // Культурология. 2015. Вып. 7. С. 130–141 (秦月宇珠、朴玉明. 《女性失语到女性自我意识的呈现——论契诃夫与乔伊斯·欧茨同名小说“带小狗的女”中的安娜 // 文化学刊. 2015. №. 7. 第130–141页).

References

1. Gao Yun. Proza kak duxovnaya avtobiografiya — A. P. Chexov i ego «Dama s sobachkoj» // Sovremennyye biograficheskie issledovaniya. 2018. № 11. S. 109–119 (高永. 小说作为一种精神自传——契诃夫和他的《带小狗的女人》// 现代传记研究. 2018. 第11期, 第109–119页).
2. Dzhin Shandzhi. Sravnitel'ny'e issledovaniya povestvovatel'ny'x strategij Chexova i adaptacii Outs, orientirovannoj na odnoimennyj rasskaz «Dama s sobachkoj»: masterskaya rabota. Universitet Yan'byan', 2014. S. 1–37 (金善姬. 契诃夫与欧茨叙事方法比较研究——以同名作品“带小狗的女人”为中心 // 延边大学硕士学位论文, 2014, 第 1–37页).
3. Li Lyan'-shu (SShA). Vliyanie Chexova na kitajskix pisatelej // Literaturnoe nasledstvo. 2005. № 3. S. 52–78.
4. Lin' Shumin. Feministskaya literaturnaya kritika v mnogomernoj perspektive. M.; Pekin: Kitajskoe obshhestv. nauch. izd-vo, 2004 (5) (林树明. 多维视野中的女性主义文学批评 [M]. 北京:中国社会科学出版社, 2004 (5)).
5. Lyu Yayue'. Lyubov' bez pravil, drama bez viny' — recenziya na knigu «Dama s sobachkoj» // Putevoditel' po innovacijam v nauke i obrazovanii Kitaya. 2011. № 4. S. 103–104 (刘雅悦. 无条件的爱情, 无过错的悲剧 — 《带小狗的女人》书评//中国科教创新导刊. 2011. №. 7. 第103–104页).
6. Syuj Syaoyuj. Kak «Bezmolvnij golos» Li E'r podrazhaet «Dame s sobachkoj» Chexova // Kitajskaya sravnitel'naya literatura. 2018. № 2. S. 161 (徐晓宇. 论李洱《哑吧的声音》对契诃夫《带小狗的女人》的仿写 // 中国比较文学. 2018, 第2期, 第161页).
7. Cin'yue' Yujdzhu i Pu Yujmin. E'voljuciya ot zhenskoj afazii k zhenskomu samosoznaniyu po odnoimennomu rasskazu Chexova i Dzhos Outs «Dama s sobachkoj» // Kulturologiya. 2015. Vy'p. 7. S. 130–141 (秦月宇珠、朴玉明. 《女性失语到女性自我意识的呈现——论契诃夫与乔伊斯·欧茨同名小说“带小狗的女”中的安娜 // 文化学刊. 2015. №. 7. 第130–141页).

S. Lyan

Gender Studies of A. P. Chekhov's Works in China

The article provides an overview of Chinese works on gender in Chekhov's works. It considers the works of Russian classics reflected against the Chinese cultural environment. Modern studies on the story *Lady with a Dog* and its foreign adaptations have been analyzed. The relevance of the work is in the need to study the various female types in Chekhov's works and the universal techniques of their artistic portrayal.

Keywords: A. P. Chekhov; *Lady with a Dog*; female images; reception.

УДК 811.131.1'38

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.43.3.13

М. П. Дьяченко

Межперсональность в письменной деловой коммуникации: межкультурная бизнес-среда

В настоящей статье рассматривается межперсональный аспект деловой переписки как фактор эффективности письменной деловой коммуникации с представителями итальянского бизнеса, проводится параллель межперсональности и фатики, анализируется правомерность выделения фатических жанров в письменной деловой коммуникации, приводятся примеры фатических элементов, используемых в письменной деловой коммуникации.

Ключевые слова: межперсональность; деловая письменная коммуникация; деловое письмо; фатические жанры; фатика.

В условиях стремительного развития информационных технологий и ограничений непосредственного общения, вызванных сложной эпидемиологической ситуацией, исследование межкультурной деловой письменной коммуникации приобретает особую актуальность. Обусловлено это тем, что деловое общение, в особенности в межкультурной бизнес-среде, приобретает новый характер, так как в 2020 г. его вектор сместился преимущественно в сторону опосредованного общения.

Деловая коммуникация с иностранными партнерами в бизнес-сфере сегодня ведется с использованием всех современных технологий: проводятся телефонные разговоры; организуются видео- и аудиоконференции в приложениях Zoom, WhatsApp, Skype и др.; особый статус приобретает письменная деловая коммуникация, которая не только фиксирует устные договоренности, но и заменяет собой полноценный процесс переговоров.

Осуществляясь в рамках определенных статусно-ролевых отношений, деловая коммуникация представляет собой неотъемлемую часть делового дискурса, отличительной чертой которого является институциональность. Для эффективности коммуникации все ее участники стараются придерживаться определенных формул общения, принятых в деловом сообществе. Однако «полное устранение личностного начала превращает участников институционального общения в манекенов» [4, с. 22]. По этой причине коммуниканты прибегают к использованию элементов коммуникации фатической, и письмо приобретает межперсональный, или лично-персональный, характер.

Само по себе *фатическое* общение подразумевает использование коммуникативных средств исключительно с целью поддержания самого процесса общения [2, с. 160]. В зависимости от прагматики высказывания среди фатических речевых жанров выделяются следующие [2, с. 217–225]:

- ухудшающие межличностные отношения в прямой форме (оскорбления, ссоры);
- улучшающие межличностные отношения в прямой форме (признания, комплименты);
- ухудшающие отношения в косвенной форме (колкость, издевка);
- улучшающие отношения в косвенной форме (шутка, флирт);
- не ухудшающие и не ухудшающие межличностные отношения (праздно-речевые жанры типа *small talk*).

Ввиду институциональности сферы делового общения в письменной деловой коммуникации наиболее оправданным является использование нейтрального фатического жанра (*small talk*). По мнению В. В. Дементьева, *small talk* позволяет переключаться со статусно-ролевых на межличностные отношения в начале и конце коммуникации, что создает положительный имидж в социальных кругах тем, кто его использует. Ученый обращает внимание на неискренний и искусственный характер *small talk* в рамках институционального дискурса [2, с. 217–218], что подтверждается широкой распространенностью таких конвенциональных формул, используемых в начале и конце письма, как «Надеюсь, мое письмо найдет Вас в добром здравии!» или «С наилучшими пожеланиями».

Важно отметить, что степень искренности таких этикетных выражений может варьироваться в зависимости от коммуникативной ситуации. Например, в бизнес-коммуникации с итальянскими партнерами конвенциональная фраза *Spero Lei vada bene!* ‘Надеюсь, у Вас все хорошо!’ вновь обрела изначальный коммуникативный смысл в период пандемии, о чем свидетельствуют модификации стандартных фраз и более развернутый диалог на тему, не относящуюся к деловой тематике. Так, на обычную формулу вежливости *Spero la mia mail La / vi trovi bene!* ‘Надеюсь, мое письмо найдет Вас / вас в добром здравии!’ партнер отвечает: *Innanzitutto spero che anche voi stiate in eccellente salute. Stiamo tutti combattendo questa incredibile situazione, ma con disciplina e impegno ne usciranno.* ‘Во-первых, надеюсь, что все вы пребываете в прекрасном здоровье. Все мы сейчас боремся с этой невероятной ситуацией, но дисциплина и самоотверженность помогут нам выйти из нее’.

Среди фатических речевых жанров, к которым прибегают в деловой коммуникации в бизнес-сфере, имеют место те их виды, которые позволяют наладить или улучшить взаимоотношения, что объясняется необходимостью оказывать положительное влияние на сотрудничество с партнером. Но регламентированность и институциональность письменной деловой коммуникации не допускают наличие полноценных фатических жанров в письменной деловой сфере как нормы. Так, наряду с переговорами в рамках различных бизнес-процессов под влиянием внешних обстоятельств партнеры могут обсуждать личные вопросы и такой прием

помогает наладить более доверительные отношения и наладить взаимопонимание. Однако при этом коммуниканты не выходят за рамки, предусмотренные деловым этикетом, и ограничиваются обсуждением таких предметных сфер, как погода и состояние здоровья собеседника (поверхностно).

Из сказанного следует, что в отношении деловой переписки в бизнес-сфере допустимо говорить только об элементах фатических жанров. Например, итальянский партнер отвечает своему русскому коллеге на информацию о допущенной им ошибке в виде шутки *Sto invecchiando...* 'Старею...', но при этом продолжает коммуникацию на деловую тему. Compliment, полученный от итальянца в ответ на письмо на итальянском языке, которое ему направил его русский партнер (*Complimenti per la padronanza della lingua!* 'Хочу сделать комплимент Вашему владению языком!' или просто *Complimenti per il tuo italiano!* 'Молодец, ты хорошо владеешь итальянским!'), вызывая положительные эмоции, способствует налаживанию контакта и тем самым является проявлением фатики, однако выражается в рамках обсуждения какого-либо дела.

К жанрам, ухудшающим межличностные отношения, как правило, в письменной деловой коммуникации стороны не прибегают. Объяснить это можно, во-первых, более высокой ответственностью, которую накладывает письменная форма коммуникации, во-вторых, коммуникативной целью обеих сторон достичь взаимовыгодных условий сотрудничества, что невозможно без установления контакта и налаживания взаимопонимания, а в-третьих, необходимостью поддерживать как персональный, так и корпоративный имидж, позволяющий оптимизировать процесс переговоров за счет своей стереотипизации, схематичности и упрощенности [6, с. 71].

При этом деловая письменная коммуникация допускает выражение претензии или недовольства, но для этих целей будут использоваться инструменты, которые можно отнести к полю прямой коммуникации: информационные письма со ссылкой на различные документы, лишенные какой-либо личностной окраски, нормативные акты и т. д. Надо отметить, что выражение отрицательных эмоций также допустимо, но при условии отсутствия оценки по отношению к партнеру и его действиям. Например, иностранный партнер допустил ошибку в оформлении документов, что могло послужить причиной штрафа. Его русский коллега не прибегает к оскорблению, а высказывает претензию, начиная свое сообщение эмоционально-оценочным вводным элементом: *Mi dispiace di aver scoperto un errore nei documenti!* 'С сожалением я узнал об ошибке в документах'.

Отсутствие фатических жанров как таковых в письменной деловой коммуникации ставит вопрос о правомерности говорить о фатическом общении применительно к деловой переписке. Основываясь на антиномии информативной и фатической составляющих общения (Т. Г. Винокур) и на том, что никакое институциональное общение не может быть лишено личностно ориентированного аспекта (В. И. Карасик), можно сделать вывод, что фатическая

составляющая является неотъемлемой частью такого институционального явления, как деловое письмо.

Предметом деловой письменной коммуникации всегда служат деловые переговоры, стратегическая цель которых состоит в поиске решения, которое будет приемлемым для обеих сторон [5, с. 202]. В такой ситуации простого поддержания процесса общения недостаточно, важно именно налаживание понимания, которое осуществляется разными способами. Так, среди индикаторов фатических речевых актов обнаруживаются стереотипные речевые формулы, служащие целям речевого контакта: его начала (*Ciao, Buongiorno, Gentile...*, *Come stai/state/sta? Le scrivo per...* и др.), продления (*Come Lei puo' ben sapere, come avrebbe potuto sentire, intendo, significa che* и др.), размыкания (*Buona serata, Rimango in attesa del Suo gentile riscontro, Speriamo per la comprensione* и т. п.) [7, с. 122]. Но «лишь незначительная часть средств организации фатического общения приходится на высоко формализованные (однозначные, конвенциональные) средства» [3, с. 714].

В целях достижения взаимопонимания коммуниканты прибегают и к иным средствам, направленным на сокращение межличностной дистанции, которые могут проявляться на разных уровнях языка и связаны, как правило, с вербальным проявлением автора письма, которым может быть и менеджер компании как самостоятельная личность, и компания как коллективная единица, от лица которой составляется письмо в рамках определенного имиджа.

Так, среди элементов фатики, подчеркивающих межперсональность письменной деловой коммуникации, обнаруживаются следующие:

- оценочная лексика (*situazione terribile* ‘ужасная ситуация’, *collasso* ‘коллапс’);
- аппроксиматоры (*Avevo bisogno di un po' di tempo per tradurre i termini che sono abbastanza specifici* ‘Мне нужно было немного времени, чтобы перевести термины, которые являются достаточно специфичными’);
- модальные глаголы (*Non vorremmo assolutamente dubitare nei nostri partners ma l'esperienza ci fa essere molto attenti in questa stagione* ‘Мы абсолютно не хотели бы сомневаться в наших партнерах, но опыт заставляет нас быть очень внимательными в этом сезоне’);
- глаголы, выражающие мнение (*Pensavo che fosse chiara la procedura dopo diverse stagioni, ma evidentemente mi sbagliavo* ‘Я думал, что по прошествии нескольких сезонов процедура ясна, но очевидно, я ошибся’);
- глаголы, выражающие эмоции (*Siamo spiacenti di cominciare che non ci e' possibile accogliere la vostra richiesta di modificare i termini di pagamento* ‘Мы сожалеем о том, что не можем принять ваш запрос об изменении условий оплаты’);
- многоточия или восклицательные предложения, которые передают динамику и нюансы авторской интонации [1, с. 767] (*Spero la prossima settimana andra' meglio... E spero anche che potreste evitare quello che sta succedendo qua!!* ‘Надеюсь, на следующей неделе будет получше... И надеюсь, вы сможете избежать того, что происходит здесь!!’);

– риторические вопросы (*Perche' solo una parte deve assumere tutti i rischi in questa situazione? 'Почему только одна сторона должна брать на себя все риски в данной ситуации?'*);

– сокращения (*vs* вместо *vostro*, *ns* вместо *nostro*, *cmq* — *comunque*, *q.ta* — *quantita'*);

– эмодзи (*Piacere di fare conoscenza con te ☺* 'Рад познакомиться с тобой ☺');

– свойственный для итальянской культуры переход на «ты» в оперативной деловой переписке менеджеров одного уровня;

– переход с английского на родной язык партнера (итальянский партнер может написать своему русскому коллеге *Privet* или *Spasibo*, напротив, русский менеджер, ведущий коммуникацию с итальянским партнером на английском языке, может написать слова приветствия или благодарности на родном для коллеги языке — *Ciao!* или *Grazie!*) и др.

В заключение необходимо отметить, что деловое письмо, будучи продуктом институционального дискурса, обладает и межперсональным аспектом, наличие которого проявляется в использовании фатических элементов. В целях достижения компромисса в рамках какого-либо дела коммуниканты в первую очередь стремятся к взаимопониманию, достижение которого часто невозможно без учета личностного фактора. При этом важно отметить, что регламентированность деловой переписки не позволяет выделять в рамках деловой письменной коммуникации фатические речевые жанры, а только их элементы, которые призваны обеспечить взаимопонимание адресанта с адресатом, их сонастройку и в конечном счете — достижение коммуникативной цели.

Литература

1. Андросова Ф. С. Экспрессивное использование пунктуации в художественном тексте (на материале французского языка) // Научный журнал КубГАУ. 2011. № 70. С. 767–783.
2. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
3. Дементьев В. В. Фатическое общение // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник [Электронное издание] / Сибирский федеральный ун-т; [под ред. А. П. Сковородникова]. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 714–716.
4. Карасик В. И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1 (21). С. 17–34.
5. Коммуникация. Теория и практика: учебник / Л. Г. Викулова и др. М.: ИД ВКН, 2020. 336 с.
6. Сладкевич Ж. Р. Персональный имидж: к вопросу об определении понятия // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 4 (36). С. 68–80.
7. Шевченко И. С. Соотношение информативной и фатической функций как проблема эколингвистики // Когниция, коммуникация, дискурс. 2015. № 10. С. 114–132.

References

1. Androsova F. S. E`kspressivnoe ispol`zovanie punktuacii v xudozhestvennom tekste (na materiale francuzskogo yazy`ka) // Nauchny`j zhurnal KubGAU. 2011. № 70. S. 767–783.
2. Dement`ev V. V. Teoriya rechevy`x zhanrov. M.: Znak, 2010. 600 s.
3. Dement`ev V. V. Faticheskoe obshhenie // E`ffektivnoe rechevoe obshhenie (bazovy`e kompetencii): slovar`-spravochnik [E`lektronnoe izdanie] / Sibirskij federal`ny`j un-t; [pod red. A. P. Skovorodnikova]. Krasnoyarsk: Sibirskij federal`ny`j universitet, 2014. S. 714–716.
4. Karasik V. I. Diskursologiya kak napravlenie kommunikativnoj lingvistiki // Aktual`ny`e problemy` filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2016. № 1 (21). S. 17–34.
5. Kommunikaciya. Teoriya i praktika: uchebnik / L. G. Vikulova i dr. M.: ID VKN, 2020. 336 s.
6. Sladkevich Zh. R. Personal`ny`j imidzh: k voprosu ob opredelenii ponyatiya // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoe obrazovanie. 2019. № 4 (36). S. 68–80.
7. Shevchenko I. S. Sootnoshenie informativnoj i faticheskoy funkcij kak problema e`kolingvistiki // Kogniciya, kommunikaciya, diskurs. 2015. № 10. S. 114–132.

M. P. Dyachenko

Interpersonality in a Written Business-Communication in an Intercultural Business-Domain

This article deals with an interpersonal aspect of business correspondence as a factor of efficiency of a written business communication with representatives of Italian business domain, draws a parallel between interpersonal and phatic expression, analyzes a possibility to distinguish phatic genres in a written business communication, provides examples of phatic elements used in a written business communication.

Keywords: interpersonal business written communication; business writing; phatic genres; phatic expression.

УДК 821.161.1.09«18-19»

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.43.3.14

Н. Р. Миронова

Образы водной стихии в прозе И. А. Бунина

В статье предпринята попытка раскрыть философский смысл и символическое содержание водных образов в прозе И. А. Бунина. В произведениях разных жанров мифообраз воды анализируется в контексте представлений о воде как первооснове мироздания и в соотнесенности с внутренней организацией человеческой личности.

Ключевые слова: образ; водная стихия; архетип; миф; символ.

Космология — библейская или мифологическая — говорит о том, что вода существовала до начала сотворения мира. С точки зрения мифологии «вода — начало, исходное положение всего сущего, эквивалент первобытного хаоса» [7, т. 1, с. 240]. Вода в первую очередь связана с жизнью, а потому ассоциируется с рождением. Однако вода может обладать и разрушительной силой — размывать, затопливать, нести гибель. С мотивом воды как первоначала соотносится значение воды для обрядов омовения, крещения, возвращающих человека к исходной чистоте. В то же время водная бездна — олицетворение опасности или метафора смерти (мотив потопа). Именно благодаря своей амбивалентности образ воды часто используется в композиции художественного произведения для выражения противоположных душевных состояний человека.

Среди исследований мифосемантики водной стихии в художественных текстах можно выделить фундаментальный труд «Вода и грезы» Г. Башляра. Он пишет: «Вода должна главенствовать над землей. Она — кровь земли. Она — жизнь земли. Именно вода вовлекает весь пейзаж в свою собственную судьбу. В частности, какова вода, такова и долина» [3, с. 96]. Исследователь представляет собственную философско-поэтическую классификацию различных воплощений водной стихии в художественных текстах. Он выделяет воды прозрачные, вешние и текучие, глубокие, спящие и мертвые, материнские и женские, пресные и соленые, чистые и необузданные. Не остается без его внимания также и сочетание воды с другими стихиями. «От воды, — отмечает Г. Башляр, — набухают ростки и бьют источники: Вода — это такой вид материи, который всегда можно наблюдать при рождении и произрастании. Источник есть непреодолимое рождение, рождения непрерывное» [3, с. 34]. Архетипичность данной мифологемы, ее многочисленные интерпретации в художественных текстах позволяют писателям, используя значение

традиционного символического поля, расширить его авторской интерпретацией в контексте собственной художественно-философской концепции бытия.

Образы водной стихии в прозе И. А. Бунина зачастую связаны не только с философским смыслом произведения, но и отражают мифологический аспект сознания (подсознания) автора. Вода как один из четырех элементов сотворения мира является постоянным атрибутом в прозаическом творчестве Бунина. Неслучайно К. Г. Юнг описал бессознательное главным образом через символику воды: «Вода — это не прием метафорической речи, но жизненный символ пребывающей во тьме души» [12, с. 108]. Архетип («доминант» бессознательно-го), по Юнгу, это первичный образ, который существует в коллективном бессознательном и не имеет ясного содержания. «Первичные образы — это наиболее древние и наиболее общие “мыслеформы” человечества» [13, с. 18].

В разные периоды творчества И. А. Бунин обращается к водным образам. Мифологема водной стихии реализуется в различных ипостасях и находит особенно яркое воплощение в образах подвижных, земных, необузданных и глубоких вод. Ее структура на мотивном уровне реализуется через такие доминантные субмотивы, как вода-творчество, вода-время, вода-препятствие, вода-жизнь, вода-смерть и вода-очищение.

Так, в книге путевых поэм «Тень птицы» (1907–1911), по мнению Н. Пращерук, принцип космической целостности реализуется в системе повторяющихся образов моря, неба и солнца, в их соединенности [8, с. 139]. Вокруг центрального образа сгруппированы важные экзистенциальные темы и мотивы (памяти, веры, любви). Путешествуя по морю, герой пытается приблизиться к постижению феномена космического миропорядка. Встречаясь с людьми разных национальностей и вероисповеданий, общаясь с ними, слушая их языки, герой вступает в открытый диалог с историей, тем самым обретая понимание скрытого смысла и внутренней гармонии. Образ морской стихии функционирует как структурный элемент внутреннего мира художника, который стремится к гармонии.

В рассказе «Роза Иерихона» (1924) воплощается символ вечной жизни, возникающий из последовательного раскрытия тайны необычного растения, клубка сухих, колючих стеблей, унесенного странником за три тысячи верст от своей родины [1, т. 5, с. 7]. Поставленный в воду, этот клубок начинает распускаться, давать мелкие листочки и розовый цвет. Живительная сила воды дарит цветку новую жизнь. Художественный образ Розы Иерихона представляет собой сложный сгусток сознания и чувственной памяти, наполненный культурными архетипами. Ценностное значение образа раскрывается через название, библейские ассоциации, личностные переживания рассказчика, его воспоминания и философские обобщения. Роза Иерихона олицетворяет собой любовь и память, под силой которых распускаются цветы мысли, чувства, слова.

Фольклорная традиция связывает перекаати-поле — другое название иерихонской розы — с человеком, который не имеет постоянного жилья, и это значение соответствует дальнейшему развертыванию центрального переживания

лирического героя — тоски по утраченному дому. Здесь нельзя не отметить психологический параллелизм с жизнью самого Бунина: душа, словно высохшая под силой внешних обстоятельств, способна снова развернуться и воскреснуть. После потери родины, которую писатель считал полностью уничтоженной советской властью, образ Розы Иерихона отвечал авторским настроениям и поискам смысла бытия в сложный период жизни.

Очерк «Воды многие» (1925) представляет собой художественное и философское обобщение образа океана в творчестве И. А. Бунина. Герой произведения плывет на корабле «Юнан» на Цейлон, и каждый день, проведенный в открытом море, несет для него новые впечатления и открытия. На полмесяца каюта становится для героя пристанищем, временным домом (снова перед нами мотив бездомности, отчуждения). Образ океана сближается в очерке Бунина с образом неба, таким же бесконечным, могучим и загадочным. Сближение этих двух сфер, водной и небесной, отражает желание писателя соединить внутреннее родство верха и низа, смерти и бессмертия, мига и вечности.

В рассказе «Солнечный удар» (1925) потеря героями настоящей любви отражается в образах вечерней зари и воды: «Темная летняя заря угасала далеко впереди, сумрачно, сонно и разноцветно отражаясь в реке, еще кое-где светившейся дрожащей рябью вдали под ней, под этой зарей, и плыли и плыли назад огни, рассеянные в темноте вокруг» [1, т. 5, с. 245]. Вода как символ быстротечности жизни и чувств сопровождает героев рассказа.

В книге И. А. Бунина «Темные аллеи» (1937–1945), которую сам автор считал своим лучшим творением, в целом ряде рассказов образы воды выполняют сюжетообразующую функцию.

Так, в рассказе «Степа» (1938) гроза перекликается с глубоким потрясением невинной героини, которую, поддавшись вожделению, губит молодой купец Красильщиков. Искупительной влагой, очищающей от греха, проливаются слезы раскаяния Степы Прониной. Люди, по мнению Г. Башляра, «путем очищения приобщаются к некоей силе: живительной, возрождающей, поливалентной» [3, с. 200]. В данном контексте очистительную семантику приобретает вода небесная — дождевая, усиленная соотношением образа дождя с образом слез, который традиционно связан с мотивами катарсического очищения. Таким образом, в рассказе представлены две ипостаси дождя: разрушающей стихии и очищающей влаги — мифообраз воды проявляет свою амбивалентность.

В рассказе «Поздний час» (1938) выявляется другая ипостась воды, связанная с представлениями о смерти. Во многих культурных традициях разграничение между миром живых и потусторонним миром изображалось через образ реки, мост через которую символизировал переход души в мир умерших. По мосту идет через реку и герой рассказа, вспоминая об умершей возлюбленной. Его ночной путь в древний и далекий город ассоциируется с мифическим путешествием Орфея в царство мертвых. Особое внимание уделяется

писателем образу опустошенного, молчаливого парохода: «...в мерцающем, дрожащем блеске воды белел колесный пароход, который казался пустым, — так молчалив он был, — хотя все его иллюминаторы были освещены, похожи на неподвижные золотые глаза и все отражались в воде струистыми золотыми столбами: пароход точно на них и стоял» [1, т. 7, с. 38]. Об образе корабля у Бунина говорит Ю. Мальцев: «Корабль — символ несущегося над бездной небытия человечества, капитан — символ всемирной гармонии, капитан — символ всевышнего» [6, с. 115]. Ряд устойчивых символов в творчестве Бунина отмечает О. Сливичкая: «Пафос бунинского мира — это ценность Единичного при целостности Единого... Единое — немногочисленные, но чрезвычайно емкие символы: океан, корабль, ночь и др.» [10, с. 41].

В рассказе «Руся» (1940) природная стихия стала источником любовного влечения молодых людей: «Однажды она промочила в дождь ноги, вбежала из сада в гостиную, и он кинулся разувать и целовать ее мокрые узкие ступни — подобного счастья не было во всей его жизни» [1, т. 7, с. 47]. Дождь способствовал выявлению изначально заложенного в человеческую душу любовного инстинкта. Особой семантикой обладает описание самого озера, по которому на лодке путешествуют герои: «...езде было так мелко, что видно было дно с подводными травами, но оно как-то не мешало той бездонной глубине, в которую уходило отраженное небо с облаками» [1, т. 7, с. 49]. Здесь перед нами снова предстает образ отраженного в водной глубине неба, традиционный для творчества И. А. Бунина: его можно обнаружить в таких произведениях, как «Поздний час» (1938), «Муза» (1938), «В такую ночь» (1949) и др. Как упоминалось ранее, сближение водной и небесной стихий подчеркивает взаимосвязь плотского и духовного, временного и вечного. Пару «вода – небо» Т. И. Скрипникова включает в ряд «смысловых констант пейзажной лирики Бунина» [9, с. 62–63].

В этом же рассказе в контексте ночного купания героини образ воды наполняется иным содержанием. После интимной близости Руся желает искупаться, словно совершая ритуальное очищение. Ночное купание героини можно трактовать и как попытку освобождения с помощью воды от «грязи греха», что отсылает нас к мифопоэтическим представлениям о воде как стихии, признанной надежным средством внутреннего духовного очищения от грехов [2, с. 184–185].

Как отмечает М. Элиаде, «символическое погребение, полное или частичное, обладает той же религиозно-магической значимостью, что и погружение в воду при крещении» [11, с. 91]. Погружение в воду, таким образом, равнозначно новому рождению. Сам факт возможности нескольких интерпретаций свидетельствует о многослойности бунинских текстов и гибкости создаваемых писателем образов, ведь, чем большее число истолкований допускает текст, тем выше, по словам Ю. Лотмана, степень его художественности [5, с. 90].

В рассказе «Темные аллеи» (1953) дождливое ненастье приводит Николая Алексеевича на постоянный двор, хозяйкой которого оказывается Надежда, подарившая ему тридцать лет назад самые прекрасные минуты жизни. Вода здесь становится и олицетворением жизненного пути. «Как о воде протекшей будешь вспоминать» [1, т. 7, с. 9], — говорит Николай Алексеевич Надежде, имея в виду безвозвратно ушедшую молодость. Течение воды может символизировать ход времени. На взаимосвязь воды и времени указывает и Г. Башляр. Для автора очевидно, что художественное воплощение образов прошлого может передаваться через интерпретацию мифосемантики водной стихии [3, с. 86]. Смысловой опорой для сближения образов времени и воды является идея текучести: вода струится, течет, представляет собой субстанциональное воплощение идеи сменности бытия, движения времени. Дождь как символ нарушителя спокойствия, только добавляет и усиливает проблемы лирического героя рассказа. Водная стихия предстает как всемирный фон, жизненный водоворот, в котором действует человек.

Символика воды проявляется и в других произведениях И. А. Бунина эмигрантского периода, не входящих в цикл «Темные аллеи». Так, в повести «Митина любовь» (1924) дождь символизирует болезненное для героя чувство любви к Кате. Мучительные воспоминания, ожидания, предчувствия обмана, крах надежд Мити изображены автором предельно глубоко. Образ дождя в произведении сосуществует в одном ритме, в одном смысловом поле с психологическим состоянием героя: «Дождь, начавшийся еще в среду, ливший с утра и до вечера, лил как из ведра. Он то и дело припускал в этот день особенно бурно и мрачно. И весь день Митя без устали ходил по саду и весь день так страшно плакал, что сам дивился силе и обилию своих слез» [1, т. 5, с. 378].

В рассказе «Визитные карточки» (1940) выделяются запахи осени и реки — «стеклянным холстом катилась шумящая вода, дыша этим сильным воздухом осени и Волги» [1, т. 7, с. 73], — подчеркивая особую роль любовного эпизода, произошедшего на пароходе в окружении водного пространства реки. В данном рассказе, как и в творчестве Бунина в целом, «то, что происходит во внутреннем мире человека, открывается по созвучию с природным состоянием» [4, с. 46].

Приведенные примеры художественного выражения символического, мифологического и в то же время архетипического содержания образа воды позволяют судить о сложной структуре внутреннего мира писателя, индивидуальном осмыслении им традиционных поэтических образов. Символический смысл образа воды раскрывается в уподоблении течению жизненного пути человека. Не только дождь, волна, водоем становятся героями на фоне водяного топоса, но и корабль, лодка, пароход, что подчеркивает связь между макро- и микрокосмом, сигнализирует о взаимосвязи человеческого и природного миров. Образность водной стихии формирует глубокий аллегорический подтекст прозаического наследия И. А. Бунина.

Библиографический список**Источники**

1. Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. / под общ. ред. А. С. Мясникова [и др.; вступ. статья А. Т. Твардовского; примеч. О. Н. Михайлова и др.]. М.: Худ. лит., 1965–1967.

Литература

2. Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. / сост., подгот. текста и коммент. К. Королева. Т. 2. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 768 с.

3. Башляр Г. Вода и грезы. Опыт в воображении материи. М.: Изд-во гуманитар. литературы, 1998. 268 с.

4. Дырдин А. А. Эстетика природы в творчестве М. А. Шолохова // Вестник МГПУ. Серия: Филологическое образование. 2012. № 1 (8) 2012. С. 43–50.

5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Наука, 1970. 236 с.

6. Мальцев Ю. Иван Бунин. М.: Посев, 1998. 432 с.

7. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд., репр. изд. М.: Большая Рос. энцикл., 2003.

8. Пращерук Н. В. «Реалистический» вариант русского модернизма: о прозе И. А. Бунина // Романтизм vs реализм: парадигмы художественности, авторские стратегии: сб. науч. ст. к 100-летию со дня рождения проф. И. А. Дергачева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 129–163.

9. Скрипникова Т. И. Смысловые константы пейзажной лирики И. А. Бунина // И. А. Бунин в начале XXI века: мат-лы и ст.: межвуз. сб. науч. трудов, посвященных творчеству писателя. Воронеж: Квадрат, 2005. С. 62–68.

10. Сливицкая О. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004. 268 с.

11. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 143 с.

12. Юнг К. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.

13. Юнг К. Очерки по психологии бессознательного / пер. с англ. В. В. Зеленского. 2-е изд. М.: Когито-Центр, 2010. 352 с.

References**Istochniki**

1. Bunin I. A. Sobr. soch.: v 9 t. / pod obshh. red. A. S. Myasnikova [i dr.; vstup. stat`ya A. T. Tvardovskogo; primech. O. N. Mixajlova i dr.]. M.: Xud. lit., 1965–1967.

Literatura

2. Afanas`ev A. N. Mify`, pover`ya i sueveriya slavyan. Poe`ticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: v 3 t. / sost., podgot. teksta i komment. K. Koroleva. T. 2. M.: E`ksmo; SPb.: Terra Fantastica, 2002. 768 s.

3. Bashlyar G. Voda i grezy`. Opy`t v voobrazhenii materii. M.: Izd-vo gumanit. literatury`, 1998. 268 s.

4. Dy`rdin A. A. E`stetika prirody` v tvorchestve M. A. Sholoxova // Vestnik MGPU. Seriya: Filologicheskoe obrazovanie. 2012. № 1 (8) 2012. S. 43–50.

5. Lotman Yu. M. *Struktura xudozhestvennogo teksta*. M.: Nauka, 1970. 236 s.
6. Mal'cev Yu. Ivan Bunin. M.: Posev, 1998. 432 s.
7. Mify` narodov mira: e`nciklopediya: v 2 t. / gl. red. S. A. Tokarev. 2-e izd., repr. izd. M.: Bol'shaya Ros. e`ncikl., 2003.
8. Prashheruk N. V. «Realisticheskij» variant russkogo modernizma: o proze I. A. Bunina // *Romantizm vs realizm: paradigmy` xudozhestvennosti, avtorskie strategii: sb. nauch. st. k 100-letiyu so dnya rozhdeniya prof. I. A. Dergacheva*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2011. S. 129–163.
9. Skripnikova T. I. Smy`slovy`e konstanty` pejzazhnoj liriki I. A. Bunina // I. A. Bunin v nachale XXI veka: mat-ly` i st.: mezhvuz. sb. nauch. trudov, posvyashhenny`x tvorchestvu pisatelya. Voronezh: Kvadrat, 2005. S. 62–68.
10. Sliviczskaya O. «Povy`shennoe chuvstvo zhizni»: mir Ivana Bunina. M.: RGGU, 2004. 268 s.
11. E`liade M. Svyashhennoe i mirskoe / per. s fr., predisl. i komment. N. K. Garbovskogo. M.: Izd-vo MGU, 1994. 143 s.
12. Yung K. Arxetip i simvol. M.: Renessans, 1991. 304 s.
13. Yung K. Ocherki po psixologii bessoznatel'nogo / per. s angl. V. V. Zelenskogo. 2- e izd. M.: Kogito-Centr, 2010. 352 s.

N. R. Mironova

The Images of Water Element in I. A. Bunin's Prose

The article attempts to reveal the philosophical meaning and symbolic content of water images in the prose of I. A. Bunin's. Works of different genres prompt the myth of water being analyzed in the context of water seen as the fundamental pillar of the universe and in relation to the internal organization of the human personality,

Keywords: image; water element; archetype; myth; symbol.

УДК 81'373.611

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.43.3.15

В. А. Рязанова

Множественная трактовка сложных слов в эквивалентных словосочетаниях

Статья посвящена проблеме структурной интерпретации сложных слов и аббревиатур, вошедших в словник «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращенных слов русского языка». Множественная интерпретация сокращений объясняется влиянием дешифровальных стимулов, в результате использования которых развертываются словосочетания, не соответствующие в полной мере структуре или семантике аббревиатуры. Рассмотрены случаи регулярных грамматических, смысловых и иных нарушений в интерпретации таких единиц.

Ключевые слова: аббревиатура; дешифровальный стимул; интерпретация; синтаксический эквивалент.

Аббревиация утвердилась как способ словообразования в современном русском языке около столетия назад. Этот процесс привлек внимание многих лингвистов, в том числе В. В. Борисова, Е. А. Земской, Е. С. Кубряковой, В. В. Лопатина, Р. И. Могилевского, Л. В. Сахарова и др. В результате многочисленных исследований сложилось устоявшееся на длительное время представление об аббревиации как о деривационных отношениях между словосочетанием и аббревиатурой. Языковые единицы рассматриваются как противопоставленные компоненты аббревиатурной пары, в которой словосочетание предварительно определяется как первичное наименование. Анализ текстов, размещенных в сети Интернет, показал: аббревиатура довольно часто связана не с одним словосочетанием, а сразу с несколькими, что приводит к возникновению гнезда эквивалентности.

Термин «**гнездо эквивалентности**» определяется студенческой Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации (далее — Лаборатория) как «совокупность актуально сосуществующих единиц, связанных отношениями мотивационной (формально-семантической) эквивалентности с аббревиатурой и употребляемых с нею в эквивалентных текстах» [7, с. 76]. Установление таких отношений обусловило разработку нового синхронно-эквивалентностного подхода к изучению аббревиации.

В результате исследований в рамках нового подхода было обнаружено, что целый ряд вопросов, связанных со сложными словами и аббревиатурами, требует переосмысления. Этим объясняется **актуальность** темы проведенного исследования и его необходимость. **Целью** представленной работы является

изучение того, каким образом индивидуальные имплицитные знания носителей языка обеспечивают возможность трактовать сложное слово с помощью нескольких эквивалентных словосочетаний.

Под **эквивалентностью** понимается допустимость замены сложного слова мотивационно связанным с ним словосочетанием в одном контексте, с полным сохранением исходного смысла этого контекста. Для обозначения таких словосочетаний используется термин **синтаксический эквивалент**. Например, для сложносокращенного слова «автостоянка» насчитывается десять синтаксических эквивалентов: «стоянка авто», «стоянка для автомобилей», «стоянка для автотранспортных средств», «автомобильная стоянка», «стоянка для автомобиля», «стоянка автомобиля», «стоянка для авто», «стоянка для автотранспорта» и т. д. Для фиксации совокупности языковых единиц подобного рода участниками Лаборатории под руководством В. И. Теркулова разрабатывается «Толково-эквивалентный словарь сложных слов» (далее — Словарь).

Множественная эквивалентность сложного слова различным словосочетаниям возникает в результате влияния **дешифровальных стимулов**. С позиции формального подхода дешифровальный стимул понимается «как стереотипная модель развертывания слова в словосочетание» [6, с. 18]. При когнитивной трактовке термин «дешифровальный стимул» обозначает «имплицитные знания носителя языка, которые стимулируют возможность дешифрования сложного слова тем или иным способом» [3, с. 110]. Потребность в разработке когнитивного метода изучения развертывания аббревиатур объясняется тем, что «для полной характеристики аббревиации необходимо изучить не только структурные типы аббревиатур (поскольку способы сокращения слов чрезвычайно многообразны и принимают различные формы), но и механизмы инференции» [2, с. 30].

Представление о том, что каждому сложному слову соответствует эквивалентное словосочетание, побуждает носителя языка, использующего в речи сложное слово, генерировать эти словосочетания в соответствии с личными представлениями. Дешифровальные стимулы предопределяют также «невозможность использования какой-либо модели развертывания конкретного сложного слова. Вывод основан на анализе гнезд эквивалентности, в которых обнаруживаются лакунарные позиции для предполагаемых словосочетаний-эквивалентов, формально-семантическая структура которых характеризуется регулярностью для всей аббревиатурной группы слов» [4, с. 85]. Таким образом, языковая личность формирует индивидуальные критерии, которые регламентируют совокупность возможных способов расшифровки отдельно взятого сложного слова.

Проблема множественной интерпретации сложных слов ранее поднималась в работах В. В. Лопатина, Е. А. Дюжиковой, В. Н. Немченко и других исследователей. Так, Е. А. Дюжикова отмечает особенность интерпретации английских сложных слов: «Связь между базисом и признаком [в сложных словах] допускает иногда несколько прочтений. <...> Трудности анализа

композигов могут быть объяснены тем, что обычно выражаемые при помощи предлогов отношения между словами переходят в разряд латентных, когда эти слова становятся компонентами сложного слова. Так, эксплицитно выраженное отношение назначения в словосочетании *kettle for fish* становится имплицитным в сложном слове *fish-kettle*, т. к. его можно понять как “котел с рыбой” или как “котел для рыбы», а *fish-sauce* — как “соус, сделанный из рыбы” и как “соус к рыбе»» [1, с. 118–119]. Подобное затруднение в интерпретации сложных слов наблюдается и в русском языке.

В рамках данного исследования для описания отбирались такие гнезда эквивалентности, которые отражают проблемы носителей языка в интерпретации сложных слов. Квантитативная обработка языковых единиц позволила обнаружить в лексическом аппарате носителей языка целый пласт общих критериев для расшифровки сложного слова.

На основе анализа данных единиц можно сделать предположение о наиболее частых причинах появления регулярно используемых единиц с лексическими, грамматическими, синтаксическими и другими несоответствиями.

- Развертывание заимствованных единиц по моделям исконных сложных слов. Заимствованные слова с префиксом *art-* (англ. *art* ‘искусство’) зачастую трактуются носителями русского языка как сложные слова с абброморфемой — особой частью слова, которая присоединяется к другому слову в процессе модификационного словообразования [5]. В результате развертывания префикс преобразуется в зависимое слово «артистический»: артдиректор > артистический директор; артагентство > артистическое агентство; артперсонал > артистический персонал и т. д.

- Неупорядоченное использование синтаксических эквивалентов в результате омонимии нерасчлененных форм. Например, от языковых единиц «автоматический гидроподъемник» и «автомобильный гидравлический подъемник» образуются омонимичные слова: автогидроподъемник¹ — «гидравлическое подъемное устройство, специализирующееся на подъеме оборудования вместе с работниками на определенную высоту для проведения различных видов работ» (то же, что автовышка), и автогидроподъемник² — «подъемное устройство на СТО, предназначенное для обслуживания и ремонта автомобилей с низкой посадкой»¹. Возникают ситуации смешения омонимов, когда в одном и том же тексте эти языковые единицы используются в качестве семантических дублетов.

- Использование суффиксальных паронимов для формирования синтаксических эквивалентов. Носители языка зачастую не распознают разницу в лексических значениях паронимов при развертывании сложных слов. Например, для интерпретации конструкта *драм-* неупорядоченно используются прилагательные «драматический» — «относящийся к драме как литературному роду

¹ Здесь и далее приведены примеры толкования значений слов из рабочей версии «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращенных слов русского языка».

или на ней основанный», и «драматургический» — «относящийся к драматургии, характерный для нее». Ср. эквиваленты «драматический конфликт» и «драматургический конфликт» для слова «драмконфликт» — «отражение в пьесе противоречий действительности, которые являются основой конкретного столкновения характеров, реализуемого в событии и организующего все компоненты произведения». Для конструкта *граф*- обнаруживаются дешифровальные стимулы «графический» — «связанный с графикой, изображением; созданный средствами графики», и «графичный» — «выполненный штрихами, содержащий элементы графичности», например в эквивалентах «графический редактор» и «графичный редактор» для слова «графредактор» — «программа для редактирования цифровых изображений» и мн. др.

- Ошибочное установление актантной роли конструкта. Носитель языка, возможно, в силу недостаточной компетенции подбирает синтаксический эквивалент таким образом, что ономаσιологический статус развертываемого конструкта трансформируется. Например, контрагентив переходит в медиатив в паре «бронеснаряд – бронированный снаряд», где «бронеснаряд» — это «боеприпас, предназначенный для поражения бронированных целей», а прилагательное «бронированный» используется в значении ‘защищенный броней’. В данном случае лексическое значение расчлененного наименования «бронированный снаряд» противоречит семантике сокращения «бронеснаряд».

- Проблема с определением семантики используемой единицы также приводит к появлению некорректных синтаксических эквивалентов. Носители языка дешифруют сложное слово «велошлем» как «шлем велосипеда» (хотя объект предназначен для человека, а не для транспортного средства); сложное слово «бронеснаряд» получает эквивалент «бронированный снаряд» (хотя объект предназначен как раз для разрушения брони).

Эквивалентностный блок Словаря составлен на материале большого количества русскоязычных текстов, созданных множеством носителей языка. В обычных условиях индивид не способен охватить весь объем эквивалентных текстов для дальнейшего формирования личностных критериев интерпретации сложного слова. Эти критерии у каждого носителя языка формируются на основе индивидуального когнитивного опыта. Отсюда следует, что совокупность дешифровальных стимулов, отраженных в Словаре, не может совпасть с дешифровальными стимулами конкретного пользователя — она всегда шире индивидуальных совокупностей. Влияние субъективного опыта на интерпретацию содержания Словаря может привести к ложным выводам об ошибочности синтаксических эквивалентов, которые в действительности успешно применяются носителями языка в интернет-пространстве.

Исследование проводится в рамках работы по составлению Словаря. Результаты исследования могут усовершенствовать имеющиеся теоретические разработки Лаборатории. Появилась необходимость маркировать в эквивалентностном блоке Словаря словосочетания, не соответствующие всем языковым

нормам, поскольку он предназначен для широкого круга читателей. Данные могут быть полезными и для самих пользователей Словаря, поскольку здесь раскрываются некоторые аспекты синхронно-эквивалентностного подхода к аббревиации. Кроме того, основные идеи подхода, изложенные в представленной работе, могут быть использованы для дополнения учения о словообразовании в современном русском языке.

Литература

1. Дюжикова Е. А. Словосложение и аббревиация: сходство и различия (на материале современного английского языка) // Известия Восточного ин-та Дальневосточного гос. ун-та. 1995. № 2. С. 115–121.
2. Дюжикова Е. А. Моделирование как когнитивная основа формирования inferенции английских аббревиатур // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 2(18). С. 29–36.
3. Рязанова В. А. Мутантные аббревиатурно-композиционные группы в словообразовательной системе языка // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 6. С. 108–116.
4. Рязанова В. А. Дешифровальный стимул как источник интерпретации сложного слова // Социокультурная среда вуза и языковое развитие личности иностранного студента: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. М.: РГУ им. А. Н. Косыгина, 2019. С. 84–88.
5. Теркулов В. И. Типология сокращенных компонентов аббревиатур // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2015. № 3 (98). С. 127–134.
6. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // Восточнославянская филология. Языкознание. 2016. Вып. 3 (29). С. 13–25.
7. Теркулов В. И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 6. С. 73–97.

Literatura

1. Dyuzhikova E. A. Slovoslozhenie i abbreviaciya: sxodstvo i razlichiya (na materiale sovremennogo anglijskogo yazy`ka) // Izvestiya Vostochnogo in-ta Dal`nevostochnogo gos. un-ta. 1995. № 2. S. 115–121.
2. Dyuzhikova E. A. Modelirovanie kak kognitivnaya osnova formirovaniya inferencii anglijskix abbreviatur // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoe obrazovanie. 2015. № 2(18). S. 29–36.
3. Ryazanova V. A. Mutantny`e abbreviaturno-kompozitny`e gruppy` v slovoobrazovatel`noj sisteme yazy`ka // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. 2017. № 6. S. 108–116.
4. Ryazanova V. A. Deshifroval`ny`j stimul kak istochnik interpretacii slozhnogo slova // Sociokul`turnaya sreda vuza i yazy`kovoe razvitie lichnosti inostrannogo studenta: sb. mat-lov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M.: RGU im. A. N. Kosy`gina, 2019. S. 84–88.
5. Terkulov V. I. Tipologiya sokrashhenny`x komponentov abbreviatur // Izvestiya Volgogradskogo gos. ped. un-ta. 2015. № 3 (98). S. 127–134.

6. Terkulov V. I. Materialy` k slovaryu terminov E`ksperimental`noj laboratorii issledovaniya tendencij abbreviacii // Vostochnoslavyanskaya filologiya. Yazy`koznanie. 2016. Vy`p. 3 (29). S. 13–25.

7. Terkulov V. I. Slozhnosokrashhenny`e slova: sinxronny`j i diaxronny`j aspekty` opisaniya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. 2017. № 6. S. 73–97.

V. A. Ryazanova

Multiple Interpretations of Complex Words in Equivalent Word Combinations

The article regards the issue of complex words and abbreviations includes into “Explanatory-equivalence dictionary of Russian compound abbreviations” being subject to structural interpretation. Multiple interpretations of abbreviations is due to decoding triggers that prompt the emergence of word combinations that fail to fully correspond with the structure and semantics of abbreviation. The paper studies regular grammar, conceptual and other deviations in interpretation of such units.

Keywords: abbreviation; decoding trigger; interpretation; syntactic equivalent.

УДК 81'37+81'42

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.43.3.16

И. В. Крашенинникова

Аксиологическая семантика денег в русскоязычных песенных текстах современности

Статья посвящена анализу современной системы ценностей, находящей вербальное выражение в песенных текстах. Рассмотрение аксиологических установок общества происходит на примере семантики денег в популярных русскоязычных песнях. В работе использованы классификационные принципы, позволяющие охарактеризовать разные аспекты иллюстративного материала. Сделаны выводы о противоречивости современного песенного феномена и снижении русской языковой культуры.

Ключевые слова: русскоязычные песни; семантика денег; лингвоаксиология; текст.

Лингвокультурная оценка эпохи происходит с учетом многих языковых и внеязыковых факторов, одним из ведущих среди них по праву можно считать формирование аксиологической системы, обращенной на ценностные маяки общественного сознания. Однако вопрос четкого определения системы ценностей не имеет однозначной трактовки в среде научного сообщества. Это связано с субъективизмом восприятия аксиологических категорий, разницей выделения их дифференциальных и интегральных признаков, исторической динамичностью и т. д.

Под влиянием общенаучной тенденции выделения эмпирических разветвлений из сложившихся теоретико-прикладных дисциплин исследовательского внимания заслуживает сравнительно новое направление в языкознании — лингвистическая аксиология, или лингвоаксиология. Предпосылками данного учения стали труды Н. Д. Арутюновой [4, с. 61–101]. По верному наблюдению О. В. Ломакиной и В. М. Мокиенко, «сравнительно-сопоставительная лингвистическая аксиология ставит своей целью определение ценностных констант и ценностных переменных» [8, с. 305]. Таким образом, важным исследовательским методом лингвоаксиологии, наряду с описательно-аналитическим и функционально-контекстологическим, является семиметрия ценностных смыслов (заимствовано из социологии), описанная Е. Ф. Серебренниковой [11, с. 41–48]. Данные методы использованы в настоящей статье, материалом для которой послужили современные русскоязычные песенные тексты.

Аксиологическая система в лингвокультуре рассматривается исследователями в первую очередь как проявление духовных ценностей, реже прослеживается взаимосвязь с ценностями материальными. Перед исследователями

встают таксономические проблемы характеристики ценностей. Принципы дифференциации отличаются друг от друга в связи с научной областью, исследовательскими задачами, объемом предпринятого исследования, типологическими установками и т. п. Приведем некоторые из них.

Так, В. А. Марьянчик предлагает систематизировать ценности с учетом всеобщности принадлежности субъектам, этимологической социализации, релятивного характера (невозможности объективации), противоречий в области коллективного и индивидуального, линейного и иерархичного, стабильного и динамичного, когнитивного и креативного и пр. [9, с. 22].

Более универсальной представляется классификация Н. Д. Арутюновой, согласно которой предложена типология оценок в качестве аксиологической системы измерения. В общем, она включает следующие виды оценок: сенсорные (психологические), сублимированные (объединение эстетических и этических), рационалистические (утилитарные, нормативные и телеологические) [4, с. 75–77]. При всех достоинствах данной классификации нельзя не отметить ее неспециализированный характер, при котором каждый уровень нуждается в расшифровке на конкретных противопоставлениях.

В классификации Ю. Г. Вешинского, довольно распространенной в силу своей абстрактности, выделяется широкий перечень ценностных типов, который с помощью метода обобщения можно свести к следующим категориям: политические, экономические, социальные, исторические, этнические, культурные, эстетические, научные, природные, личностные [6, с. 13–25].

Ярким примером ценностной концептуализации мира являются песенные тексты как феномен ментального самоориентирования. В данной работе аксиология современных песен будет рассмотрена на примере имплицитного или эксплицитного проявления семантики денег.

Понимание денег как главного мерила материального богатства [5, с. 10–11] на протяжении веков тесно связано с дихотомией «богатство – бедность», представляющей собой неотъемлемую концептуальную часть системы общественных ценностей. При этом богатство рассматривается в качестве аксиологической доминанты общечеловеческого порядка, так как материально-утилитарные, экономические ценности лежат в основе всякого общества еще со времен Античности. В ортодоксальном мировоззрении богатство является преимущественно антиценностью, а в православном понимании сребролюбие считается грехом. Наблюдается биполярность рассматриваемой концептуальной дихотомии, зависящая от первоначальных установок конкретной культуры, а также лингвокультуры, это отражается в языковых феноменах, в том числе песнях.

Песенные тексты современной эстрады, к сожалению, отличаются смысловой бедностью при настойчивой актуализации в них семантики денег. Это связано с историческими установками: в постсоветское время произошло крушение прежних идеалов и возникновение новых, противоположных первым, состоялась грандиозная переоценка ценностей — материальное стало доминирующим началом.

Являясь важнейшим способом воздействия на общественное сознание, песни навязывают модели мышления и поведения. К примеру, в музыкальной композиции «Горячее время» (2002) группы «Каста»¹ деньги названы «симптомом степной лихорадки», они представляют собой основу всей жизни и способны полностью подчинить себе человека. Ключевыми в изображении денег как ценностного центра текста являются строки: «Без суждений о морали и вере / Под гнётом новой хищной стратегии / **степной лихорадки / Симптом которой деньги...**»². Включение метафоры в песенную структуру создает эффект множественности подтекстов и коннотаций, при помощи чего достигается своеобразная когнитивная напряженность.

Сравнивая аксиологическую семантику денег современного мира (на материале песен) и ушедших эпох (на примере паремий), отметим смысловую полярность. Исторически в русской культуре богатство позиционировалось как недостаток, зло (ср. из народной мудрости: «Не в деньгах счастье»). Современная песня — пища для молодого поколения; следовательно, происходит умышленное искажение вечных ценностей в неокрепшем сознании. В данном случае прослеживается релятивный характер (по В. А. Марьянчик [9, с. 22]), изображены сублимированные оценки (по Н. Д. Арутюновой [4, с. 75–77]), отражаются культурные ценности (по Ю. Г. Вешнинскому [6, с. 13–25]).

Другим примером описанной лингвокультурологической ситуации служит текст «Ты один» группы «Банда». Семантика денег аккумулируется в строках: «И для меня в твоей тусовке / Просто места нет / Там говорят о том / **В какой стране есть дом и дача / И что одето на ком / Габбана или Версаче**»³.

Однако в данном контексте наблюдается семантическое противопоставление общества, навязывающего жизненные нормы, и одиночек, которые не вписываются в установленные рамки. Социальные принципы следующие: только материальные блага могут служить основой крепких отношений. Внешнее (аналог роскоши) становится единственно важным в жизни человека. Налицо проявление диахронической концептуальной дихотомии (ср. со старыми пословицами: «Не надобен и клад, коли у мужа с женой лад»; «С милым рай и в шалаше» и др.) [12, с. 260–261]. Сопоставление контекстов со сходной семантикой, но разных временных периодов способствует аксиологическому осмыслению прошлого и настоящего, а также прогнозированию будущего.

Деньгами в современных песнях (и в мире) измеряется любовь: «Я готов на неё тратить вновь и вновь / Но лишь она знает точно, сколько стоит любовь»

¹ Песенные тексты, проиллюстрированные в данной работе, взяты из открытых источников сети Интернет.

² Lyrics Translate — тексты песен: справочно-информационный портал [Электронный ресурс]. URL: <https://lyricstranslate.com/ru/kasta-goryacheye-vremya-lyrics.html> (дата обращения: 03.02.2021).

³ Textbase.ru — тексты песен: справочно-информационный портал [Электронный ресурс]. URL: <https://textbase.ru/song/song/695703> (дата обращения: 03.02.2021).

(Тимати «Сколько стоит любовь»)⁴. Происходит мотивационная актуализация — готовность платить за любовь, что воспринимается как поведенческая норма.

Деньгам откровенно поклоняются: «Признаюсь деньгам в их величестве: / Ведь дело не в купюрах, / А в их количестве»⁵. Данный песенный контекст свидетельствует о культе денег не только в качественном, но и в количественном отношении, причем количество имеет основное значение по принципу «больше — лучше».

Деньгами измеряются мечты: «Поработай головой, чтобы **купить свои мечты**, / Всё вокруг решает кэш — всё остальное понты!» (Тимати «Понты»)⁶. Семантика денег реализуется в осознании возможности купить мечты за деньги, песня внушает слушателям, что миром правит благосостояние, а думающие иначе лицемерят.

О приращении капиталов поют как о единственной цели в жизни: «Говорят: богатство шепчет, деньги кричат! / Когда я кричу — завистники молчат! / Будто стоп-кадр — молчание ягнят. / **Вложил пятьдесят, вернул сто назад!**»⁷. Важнейшим достоинством денег признается их приумножение. Богатство порождает зависть окружающих и осознание денежной мощи владельца капиталов. Данный песенный контекст содержит интертекстуальную связь с кинематографом. И неслучайно реминисценции отсылают к фильму в стиле хоррор.

Обобщая семантико-аксиологический фон данных песен, отнесем представленные контексты к всеобщности принадлежности субъектам (по В. А. Марьянчик [9, с. 22]), рационалистическим оценкам (по Н. Д. Арутюновой [4, с. 75–77]), личностным ценностям (по Ю. Г. Вешинскому [6, с. 13–25]). Перед нами изображен мир, в котором все покупается: человек — это вещь; финансовая успешность — единственная жизненная ценность; перечеркивание лучших идеалов прошлого — норма; межличностные отношения обесценены, — пропаганда деструктивных принципов формирует мировоззрение общества, особенно молодежи.

Одна из отличительных черт песни в том, что за счет музыкального сопровождения она лучше запоминается и чаще воспроизводится, т. е. с самого начала имеет мощный паремиологический потенциал. Современная песня ко всему прочему является «обитателем» виртуального мира, поскольку жизнь современного человека накрепко привязана к Интернету, «который обеспечивает человечеству доступ к гигантским массивам информации» [3, с. 30]. Особенно уязвимы перед пагубным воздействием века информационных технологий подростки. Семантика современного песенного текста является именно той средой, в которую подростки погружаются ежедневно, для них «ценность существует в форме идеального образа и его предметного воплощения», в этих

⁴ Textbase.ru — тексты песен: справочно-информационный портал [Электронный ресурс].. URL: <https://textbase.ru/song/song/787757> (дата обращения: 03.02.2021).

⁵ Там же.

⁶ Beesona.ru — тексты песен: справочно-информационный портал [Электронный ресурс]. URL: <https://www.beesona.ru/songs/timati/ponti.php> (дата обращения: 03.02.2021).

⁷ Там же.

условиях взгляды на аксиологические проблемы могут различаться даже в пределах одного лингвокультурного пространства [10, с. 324].

В большинстве современных песенных текстов на передний план выступает семантика потребительского отношения к жизни как со стороны женщины: «Всё, что ей нужно — это твои money...» (Егор Крид «Барби»)⁸; «Тебе так важен счёт моей карты и авторитет» (Егор Крид «Сердцеда»)⁹, — так и со стороны мужчины: «Бездельник и без денег, но зато я твой» (Егор Крид «Невеста»)¹⁰.

В популярных песнях наблюдается и откровенное признание настойчивого продвижения своей бездарности во имя обогащения: «Я заработал свой кэш, слагая рифмы в куплеты, / Пока ты честно стремился стать гениальным поэтом» (Тимати «Понты»)¹¹.

Помимо прочего в иных контекстах музыкальных композиций присутствует мотив поучения: «Прости, но нужно расти, вслед за ростом цен. / Урвать свою долю, свой кусок, свой процент» (Баста «Жить Достоинно»)¹². Семантический акцент снова сделан на необходимости приумножения богатства.

В песнях некоторых исполнителей иногда появляются фразы, противоречащие общей меркантильной тенденции и отдаленно напоминающие аксиологические аллегории: «Люди теряют рассудок, сходят с ума / Ведь счастье определяет сумма / Они ломают судьбы, люди ищут сотни / Делай деньги, нарисуй их» (Баста «Миллионер из трущоб»)¹³; «Доллары тоннами, скоро мы / станем теми, кого называют роботами. / Головы в поисках постоянной выгоды, / Прав ли ты, играя по правилам этой игры. / <...> деньги, деньги, деньги, нет в моём кармане, / Деньги, деньги, деньги — ненужный груз, / Деньги, деньги минус — свобода плюс» (Баста «Деньги»)¹⁴. Приходит осознание болезненной зависимости от денег, потери свободы ради наживы, утраты морально-этического облика во имя обогащения.

В поэтических текстах, положенных на музыку, также наблюдаются рассуждения (иногда с оттенком неосознанного филологического анализа [13]) на тему назначения денег и своего отношения к ним: «Всем нужны деньги, а что такое деньги?! / <...> говорят, что с ними тупо веселей, / И за что тогда

⁸ Lyrics Translate — тексты песен: справочно-информационный портал [Электронный ресурс]. URL: <https://lyricstranslate.com/ru/egor-kreed-barbie-lyrics.html> (дата обращения: 03.02.2021).

⁹ Там же. URL: <https://lyricstranslate.com/ru/egor-kreed-serdceedka-lyrics.html> (дата обращения: 03.02.2021).

¹⁰ Там же. URL: <https://lyricstranslate.com/ru/kreed-nevesta-lyrics.html> (дата обращения: 03.02.2021).

¹¹ Beesona.ru — тексты песен: справочно-информационный портал [Электронный ресурс]. URL: <https://www.beesona.ru/songs/timati/ponti.php> (дата обращения: 03.02.2021).

¹² Text-pesni.com — тексты песен: справочно-информационный портал [Электронный ресурс]. URL: <https://text-pesni.com/pesnya/pokazat/565659924/basta-smoki-mo/tekst-perevod-pesni-zhit-dostojno/> (дата обращения: 03.02.2021).

¹³ Там же. URL: <http://teksti-pesenok.ru/2/Basta-h-Skriptonit/tekst-pesni-Millioner-Iz-Trushchob> (дата обращения: 03.02.2021).

¹⁴ Textbase.ru — тексты песен: справочно-информационный портал [Электронный ресурс]. URL: <https://textbase.ru/song/song/805158> (дата обращения: 03.02.2021).

меня лишили сна? / <...> Умноженная лень на желание по-крупному сыграть, / Только всё равно найдутся покрупней...» (Земфира «Деньги»)¹⁵.

В некоторых песенных текстах благодаря каламбурам происходит музыкальное осознание своего зависимого от денег положения: «Люди имеют деньги, / А деньги имеют людей...» (Бандерос «Бумажный змей»)¹⁶. Данная семантическая модель является достаточно распространенной (часто в паремиологии), меняющей образы-символы в зависимости от замысла высказывания.

Песенные тексты современности, отражающие семантику денег, способны даже отождествлять лирического героя — богатого человека — с сатаной: «Я ем на обед золотые слитки, / Бриллиантовый десерт, нефтяные сливки, / **Мне имя — Вельзевул**, хозяин стратосферы, / Я нереальный cool, мой respect без меры» (Ляпис Трубеткой «Капитал»)¹⁷. Помимо прочего, в данном контексте наблюдается переключение языкового кода — использование иноязычных элементов.

Если говорить о систематизации семантики денег в представленном песенном блоке, то аксиологические установки распределяются следующим образом: противоречия в области когнитивного и креативного (В. А. Марьянчик [9, с. 22]), сенсорные оценки (Н. Д. Арутюнова [4, с. 75–77]), культурные и эстетические (Ю. Г. Вешнинский [6, с. 13–25]). Интересным наблюдением является признание более духовными песни русских рок-исполнителей, в них значительно реже присутствуют деньги как на лексическом, так и на семантическом уровне. Во многих из этих текстов отражена аксиологическая ориентация прошлого века (нередко выраженная имплицитно) с присутствием вечных ценностных доминант [7].

Как отмечает Н. Ф. Алефиренко, совокупный образ ценностных ориентиров в лингвокультурном пространстве языка представляется «методологической доминантой лингвокультурологии» [1, с. 99], которая влияет на изменения формальных «проявлений антропологизма» с учетом сложившейся аксиологической системы [2, с. 199]. Природа, сущность ценностей, их систематизация являются интересной (хотя и во многом дискуссионной) исследовательской областью. Песенный текст — многогранный феномен; современная песня — еще более противоречивое явление, обладающее массой негативных черт с точки зрения языкового развития (огромное количество жаргонизмов, сниженной и инвективной лексики, необоснованное использование заимствований и т. д.), в чем можно убедиться благодаря иллюстративному материалу данной работы.

На основе анализа русскоязычных песенных текстов современности замечено явное навязывание нашему обществу западных идеалов. В песнях происходит безжалостное свержение ценностей прошлого, отраженных в образах-символах типа «старый клен», «старая мельница», «Гамлет», «коллективизм» и пр. При этом огромное значение в музыкальных композициях, как и в жизни

¹⁵ Textbase.ru — тексты песен: справочно-информационный портал [Электронный ресурс]. URL: <https://textbase.ru/song/song/805158> (дата обращения: 03.02.2021).

¹⁶ Там же. URL: <https://textbase.ru/song/song/574262> (дата обращения: 03.02.2021).

¹⁷ Beesona.ru — тексты песен: справочно-информационный портал [Электронный ресурс]. URL: https://www.beesona.ru/songs/lyapis_trubetskoy/kapital.php (дата обращения: 03.02.2021).

современного человека, имеет аксиологическая семантика денег, основанная на жажде наживы, противоречащая чувству долга, патриотизма, бережного отношения к своей стране, природе, друг другу.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 288 с.
2. Антонова Е. Н. Аксиологический компонент в дискурсе поэтической фразеологии // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: мат-лы Междунар. науч. конф., Тула, 17–19 мая 2018 г. / Тульский гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого; Фразеологическая комиссия при международном комитете славистов; [отв. ред. Г. В. Токарев]. Тула: Тульское произв. полиграф. об-ние, 2018. С. 199–203.
3. Антонова Е. Н. Паремология без границ: монография / Е. Н. Антонова и др.; под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. 244 с.
4. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
5. Бредис М. А. Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. 296 с.
6. Вешнинский Ю. Г. Аксиология постсоветского культурного пространства на рубеже тысячелетий: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2010. 27 с.
7. Ломакина О. В. Ценностные доминанты языковой личности Л. Н. Толстого (на паремнологическом материале) // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тезисы докладов Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 15–17 октября 2019 г. / отв. ред. Н. А. Купина; Мин-во образования и науки РФ, Уральский федеральный ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральский гуманитарный ин-т, департамент «Филологический факультет», кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации. Екатеринбург: Ажур, 2019. С. 181–183.
8. Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Ценностные константы русинской паремологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303–317.
9. Марьянчик В. А. Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста. М.: Либроком, 2013. 272 с.
10. Нелюбова Н. Ю. Отражение этнокультурных ценностей в пословицах франкоязычных стран // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 323–335.
11. Серебренникова Е. Ф. Семиметрия как способ лингвистического аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиметрия ценностных смыслов: монография / Е. Ф. Серебренникова и др.; отв. ред. Л. Г. Викулова. М.: Тезаурус, 2011. С. 7–48.
12. Снегирев И. М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах / предисловие Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. Н. Новгород: Русский купец: Братья славяне, 1996. 624 с.
13. Сычёва Е. Н. О филологической поэзии // Актуальные вопросы изучения мировой культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 24 мая 2016 г. М.; Ярославль: Ремдер, 2016. С. 518–524.

References

1. Alefirenko N. F. Lingvokul'turologiya: cennostno-smy'slovoe prostranstvo yazy`ka: ucheb. posobie. M.: Flinta: Nauka, 2010. 288 s.

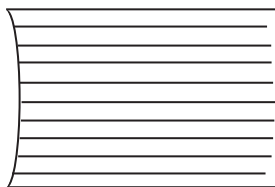
2. Antonova E. N. Aksiologicheskij komponent v diskurse poe'ticheskoy frazeologii // Poliparadigmal'ny'e konteksty' frazeologii v XXI veke: mat-ly' Mezhdunar. nauch. konf., Tula, 17–19 maya 2018 g. / Tul'skij gos. ped. un-t im. L. N. Tolstogo; Frazeologicheskaya komissiya pri mezhdunarodnom komitete slavistov; [otv. red. G. V. Tokarev]. Tula: Tul'skoe proizv. poligraf. ob-nie, 2018. S. 199–203.
3. Antonova E. N. Paremiologiya bez granicz: monografiya / E. N. Antonova i dr.; pod red. M. A. Bredisa, O. V. Lomakinoj. M.: RUDN, 2020. 244 s.
4. Arutyunova N. D. Tipy' yazy'kovy'x znachenij. Ocenka. Soby'tie. Fakt. M.: Nauka, 1988. 341 s.
5. Bredis M. A. Chelovek i den'gi: Oчерки o posloviczax russkix i ne tol'ko. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2019. 296 s.
6. Veshninskij Yu. G. Aksiologiya postsovetskogo kul'turnogo prostranstva na rubezhe ty'syacheletij: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii. M., 2010. 27 s.
7. Lomakina O. V. Cennostny'e dominanty' yazy'kovoj lichnosti L. N. Tolstogo (na paremiologicheskom materiale) // Aksiologicheskie aspekty' sovremenny'x filologicheskix issledovanij: tezisy' dokladov Mezhdunar. nauch. konf., Ekaterinburg, 15–17 oktyabrya 2019 g. / otv. red. N. A. Kupina; Min-vo obrazovaniya i nauki RF, Ural'skij federal'ny'j un-t im. pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina, Ural'skij humanitarny'j in-t, departament «Filologicheskij fakul'tet», kafedra russkogo yazy'ka, obshhego yazy'koznaniya i rechevoj kommunikacii. Ekaterinburg: Azhur, 2019. S. 181–183.
8. Lomakina O. V., Mokienko V. M. Cennostny'e konstanty' rusinskoj paremiologii (na fone ukrainskogo i russkogo yazy'kov) // Rusin. 2018. № 4 (54). S. 303–317.
9. Mar'yanchik V. A. Aksiologichnost' i ocenochnost' media-politicheskogo teksta. M.: Librokom, 2013. 272 s.
10. Nelyubova N. Yu. Otrazhenie e'tnokul'turny'x cennostej v posloviczax franko-yazy'chny'x stran // Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazy'ka. Semiotika. Semantika. 2019. T. 10. № 2. S. 323–335.
11. Serebrennikova E. F. Semiometriya kak sposob lingvisticheskogo aksiologicheskogo analiza // Lingvistika i aksiologiya: e'tnosemiometriya cennostny'x smy'slov: monografiya / E. F. Serebrennikova i dr.; otv. red. L. G. Vikulova. M.: Tezaurus, 2011. S. 7–48.
12. Snegirev I. M. Slovar' russkix poslovicz i pogovorok. Russkie v svoix posloviczax / predislovie E. A. Grushko, Yu. M. Medvedev. N. Novgorod: Russkij kupecz: Brat'ya slavyane, 1996. 624 s.
13. Sy'chyova E. N. O filologicheskoy poe'zii // Aktual'ny'e voprosy' izucheniya mirovoj kul'tury' v kontekste dialoga civilizacij: Rossiya – Zapad – Vostok: mat-ly' Mezhdun. nauch.-prakt. konf., Moskva, 24 maya 2016 g. M.; Yaroslavl': Remder, 2016. S. 518–524.

I. V. Krashenninnikova

Axiological Semantics of Money in Russian-Language Song Texts of Our Time

The article regards the modern system of values, which finds its verbal expression in song texts. The axiological attitudes of society are considered on the example of the semantics of money in popular Russian-language songs. The paper opts for the classification principles to characterize different aspects of the illustrative material. Conclusions are made about the inconsistency of the modern song phenomenon and the decline in Russian language culture.

Keywords: Russian-language songs; semantics of money; linguoaxiology; text.

КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 81'36

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.43.3.17

Рецензия на:
Шаповалова Т. Е. Темпоральная
семантика поэтического высказывания:
монография. – М.: ИИУ МГОУ, 2020. –
1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
ISBN 978-5-7017-3223-8

Новая монография Т. Е. Шаповаловой продолжает разработку значимой для современной лингвистики проблемы — исследования категории синтаксического времени. Монография стала продолжением других работ автора, в которых дается всестороннее описание категории времени. Особенность настоящей работы в том, что в ней представлена целостная концепция синтаксического времени, рассматриваемая в тесной связи с другими предикативными категориями предложения. Категория синтаксического времени рассматривается как субъективно-объективная категория. В работе дается всесторонний глубокий анализ временной семантики. Для изучения категории времени автор широко привлекает поэтический текст, позволяющий выявить тонкие смыслы грамматической категории. Обращение к поэтическому тексту существенно расширяет границы исследования, позволяет показать соотношение объективного и субъективного в категории времени, выявить значимые для поэтического текста временные концепты.

Монография Т. Е. Шаповаловой представляет собой полное описание этого фрагмента грамматической системы, поэтому трудно переоценить ее значение.

Категория синтаксического времени, представляя одно из значений предикативности, объединяет множество смыслов. Это не только морфологическая категория с его системой прямых и относительных времен и точек отсчета, это и многообразные функции видовременных форм, создаваемые на пересечении грамматического и лексического значений: аористива, перфектива,

имперфектива. Автор, исследуя разные художественные произведения, показывает, как поэтический текст актуализирует тонкие смыслы и какова в этом роль категории синтаксического времени.

В работе получают решение как теоретические проблемы категории синтаксического времени, так и проблемы бытования глагольного времени в поэтическом тексте.

Монография автора имеет четкую структуру. В ней три главы, в каждой из которых последовательно решаются проблемы, важные для задач настоящего исследования.

В первой главе *«Средства экспликации категории синтаксического времени в поэтическом тексте»* показаны возможности поэтического текста в выражении разнообразных смыслов категории времени, роль разных категорий в формировании семантики предложения, актуализация временных смыслов в поэтических контекстах.

Для исследования категории времени и его роли в поэтическом тексте важным представляется рассмотрение разных способов выражения временной семантики. Значимым для задач исследования оказывается разграничение изосемических и неизосемических средств выражения категории синтаксического времени. Изосемическим способом справедливо считается морфологическая категория времени. Неизосемические средства дополняют временное пространство, обнаруживая свои возможности в передаче временных смыслов.

Автор показывает, как формируется категория синтаксического времени, отмечая ведущую роль глагольного слова. Для Т. Е. Шаповаловой, следующей в этом плане за В. В. Виноградовым, Г. А. Золотовой, значимым оказывается различение лексики акциональной и неакциональной.

Исследуя категорию времени в тесной связи с другими категориями языка, автор выделяет значимые оппозиции, позволяющие дать многомерную характеристику синтаксического времени.

В организации темпорального пространства языка важную роль играет оппозиция временной определенности – неопределенности, создаваемая сопряжением временных и модальных значений, которое возникает «благодаря взаимодействию глагольного времени и наклонения» (с. 13). Оппозиция создается в результате противопоставления форм индикатива и гипотетических наклонений. Значима роль и других грамматических категорий. Так, категория лица в обобщенно-личном предложении с формой второго лица имплицитно содержит такие значения, как возможность/невозможность, необходимость и др. Оппозиция отмеченных и неотмеченных синтаксических времен также значима для организации темпорального пространства. К первым автор относит прошедшее и будущее время. Неотмеченным синтаксическим временем считается время настоящее.

В монографии многомерно представлено и описание функций глагольного слова, показана роль таких функций, как аорист, перфект и их роль в организации художественного пространства текста.

Во второй главе монографии *«Выражение оттенков значений временной определенности в лирическом произведении»* рассматривается временная

определенность и ее реализация средствами разных времен: настоящего, прошедшего, будущего. Неотмеченное время — настоящее — противопоставляется отмеченным временам — прошедшему и будущему. Поэтический текст позволяет раскрыть все потенциальные возможности грамматических значений, и автор тонко иллюстрирует их, обращаясь к шедеврам поэзии. Большой интерес представляет анализ неотмеченного настоящего времени и реализации его функций в поэтическом тексте. Автор монографии раскрывает стилистический потенциал такого времени. Это настоящее в значении прошедшего, настоящее в значении будущего. Исследователь демонстрирует работу грамматических категорий, взаимное действие которых создает особые поэтические смыслы. Такие смыслы, как показывает Т. Е. Шаповалова, создаются при взаимодействии категории времени и лица в односоставных предложениях. Интересен анализ безглагольных предложений — номинативных, эллиптических, неполных — и особой временной семантики в них. Обращаясь к анализу художественного текста, автор показывает, как поэтическая ткань влияет на понимание синтаксической сущности предложения и отдельного слова.

В третьей главе «*Временная неопределенность в пространстве поэтического высказывания*» рассматривается потенциал грамматических категорий, прямо не выражающих идею времени. Временной неопределенностью характеризуются высказывания, включающие формы ирреальных наклонений, инфинитив, вопросительные предложения. Здесь показаны их возможности в выражении тонких оттенков временных значений, их отношение к настоящему. Особые темпоральные значения возникают как результат взаимодействия разных категорий — модальности и лица.

Потенциальные возможности разных синтаксических категорий автор демонстрирует, обращаясь к анализу отдельных поэтических произведений, поскольку прекрасно чувствует слово и в грамматическом выявляет поэтическое.

Работа Т. Е. Шаповаловой выполнена в русле функционального направления и дает полное представление о категории синтаксического времени. В разных главах монографии выявляется потенциал временной семантики разноуровневых средств языка, связь лексики и грамматики. Автор продемонстрировал возможности парадигматического и синтагматического подходов.

Категория синтаксического времени исследуется в тесной связи с фигурой говорящего лица, что позволяет показать разнообразные связи субъективного и объективного в единицах временной семантики. Тонкий анализ поэтических текстов позволил представить категорию времени в них как «фрагмент языковой картины мира русских поэтов» (с. 141).

Монографию Т. Е. Шаповаловой отличает полнота описания, позволившая автору исчерпывающе представить возможности категории синтаксического времени; она вносит существенный вклад в исследование грамматической системы русского языка, в полной мере проявляющей свои возможности в составе поэтического высказывания.

УДК 81'42

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.43.3.18

**Е. В. Бирюкова,
Е. Г. Борисова**

Маркетинговая лингвистика: проблемы и перспективы развития

В статье представлены результаты круглого стола «Маркетинговая лингвистика в эпоху цифровой экономики», который состоялся в Институте иностранных языков Московского городского педагогического университета 18 марта 2021 г. Описано развитие маркетинговой лингвистики как научного направления, а также перспективы его развития в условиях цифровизации общества.

Ключевые слова: маркетинговая лингвистика; научное направление; семиотические и межкультурные аспекты; цифровая экономика; искусственный интеллект.

Сотрудники Института иностранных языков при содействии общевузовских структур МГПУ провели очередной круглый стол по маркетинговой лингвистике, собравший специалистов из нескольких университетов Москвы, а также Ярославля, Рязани, Томска, Омска, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Ставрополя, Иркутска. Выступили также специалисты из США и Болгарии.

Научные мероприятия по маркетинговой лингвистике проходят в МГПУ на регулярной основе с 2016 г. По итогам самого первого мероприятия была опубликована монография коллектива авторов «Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста» под редакцией Е. Г. Борисовой и Л. Г. Викуловой [3]. В ней были сформулированы основные положения нового прикладного направления: рассмотрение не только рекламных текстов, но и произведений других жанров, междисциплинарный подход при четкой формулировке лингвистических оснований воздействия текстов. Презентация монографии состоялась на следующем круглом столе и обсуждение дало толчок к дальнейшим исследованиям [1; 2; 5–7].

Организатором ежегодных семинаров и круглых столов выступила кафедра германистики и лингводидактики (заведующая кафедрой Е. В. Бирюкова). В 2021 г. семинар приобрел новый размах, поскольку Институт иностранных языков получил помощь руководства МГПУ в его организации и проведении. Тема круглого стола 2021 г. — «Маркетинговая лингвистика в эпоху цифровой экономики» — вызвала интерес у специалистов разных направлений, что превратило мероприятие в междисциплинарное.

Важно отметить, что вступительное слово проректора по развитию К. А. Баранникова послужило не только напутствием, но и ориентиром для обсуждения. Проректор отметил важность обращения лингвистов к вопросам цифровых коммуникаций, и в частности к инструментарию искусственного интеллекта.

В более чем тридцати выступлениях были затронуты как собственно лингвистические вопросы, так и проблемы смежных областей — педагогики, психологии, цифровых технологий, маркетинга, политологии. Отметим новое направление — основы преподавания языковых дисциплин в связи с маркетинговыми коммуникациями. Отдельные вопросы лингводидактики и ее междисциплинарных связей поднимались и на предыдущем семинаре в феврале 2020 г. в выступлении Е. В. Бирюковой. Проблемы были признаны актуальными, и в 2021 г. педагогическим аспектам было посвящено уже восемь докладов.

Общепедагогические принципы формирования компетенций специалиста по иностранным языкам рассматривались в докладе директора ИИЯ Е. Г. Таревой «Коммодификация языка в аспекте непрерывного образования» [4, с. 107–111], связь с профориентацией анализировалась в докладе А. А. Колесникова. Конкретные приемы обучения маркетинговым коммуникациям приводились в выступлении Е. В. Бирюковой, Е. Г. Борисовой, И. В. Боговской [4, с. 122–126], а также в докладе С. Л. Фурмановой [4, с. 116–121], анализировавшей преподавание отдельных аспектов языка продвижения в МГПУ, и в докладе Л. В. Уховой, показавшей методы преподавания языка связей с общественностью. Иноязычная коммуникативная успешность управленцев была проанализирована А. Н. Шамовым и М. В. Бойко [4, с. 137–140].

В выступлении П. Митчелла рассматривались способы обучения коммуникациям при приеме на работу (в прошлом году эту же тему раскрывала профессор Р. Ратмайр из Австрии, что свидетельствует о растущем научном интересе к этому частному виду коммуникации). В докладе Е. П. Буториной [4, с. 127–131] анализировались возможности воздействия собственно образовательного медиаконтента.

Лингвистические и семиотические проблемы продвижения товаров рассматривались в докладах Л. Г. Викуловой, Е. Ф. Серебренниковой, Е. И. Черкашиной «Аксиологема CHATEAU как код продвигающего текста» [4, с. 22–30.]; Л. Г. Поповой, А. Э. Тульцевой «Прагматические аспекты воздействия английских, немецких, русских рекламных слоганов предметной сферы «Отдых» на адресата (сопоставительный аспект)»; М. Ю. Илюшкиной «Наружная реклама как компонент айдентики Екатеринбурга» [4, с. 43–51]; Ю. Г. Жегловой «Маркетинговая лингвистика как лингвистика интегрированных коммуникаций» [4, с. 31–36.]; В. Е. Лежниной «Заметки о функционировании лексемы “бренд”» и др.

Многие выступления были посвящены междисциплинарным пересечениям лингвистического подхода к маркетинговым коммуникациям и иных сфер знаний. Большой интерес вызвали доклады, включавшие обращение к психологии: Е. Н. Ежова, П. В. Мацегорова «Синестезия в поликодовом рекламном

тексте» [4, с. 75–81]; Е. Ю. Воробьева «Цветовая номинация как способ манипуляции» [4, с. 87–90]; И. А. Юмашева «Воздействие рекламы на общественное сознание». Доклад В. Р. Пратусевича [4, с. 64–69] представлял собой взгляд на средства языка с позиции маркетолога. Маркетологический подход к сравнению двух вербальных средств продвижения в Интернет был продемонстрирован в докладе В. В. Киселевой «Современные тенденции в продвижении онлайн-образования (на примере приема “таргетинг”)» [4, с. 132–136]. Актуальными для рассматриваемой проблематики были пересечения лингвистического анализа с аспектами теории журналистики, продемонстрированными в докладах В. А. Соловьева «Искусственный интеллект (ИИ) глубоко трансформирует облик журналистики» [4, с. 58–63] и М. А. Васильченко «Стиль как способ создания индивидуальности бренда (на примере журнала Forbes)», а также в близком по теме докладе М. Р. Желтухиной о параллелизме в маркетинговом и политическом продвижении.

В выступлении Т. М. Надеиной и Т. А. Чубиной [4, с. 91–95] рассматривались аспекты информационной безопасности, связанные с рекламой и PR. Очень интересным показался слушателям доклад Е. Н. Ремчуковой, содержащий анализ названий выставок и включавший схему пересечений различных направлений креативной деятельности в этой сфере. Не меньший интерес вызвал и доклад О. И. Северской [4, с. 37–42], которая сообщила о кампании продвижения изучения русского языка, организованной радио «Эхо Москвы» среди слушателей. Это был один из первых опытов сопоставления профессионального и народного представления о мотивах и средствах продвижения. Надо сказать, иногда народные слоганы представлялись интереснее профессиональных.

Отдельно следует отметить оригинальный анализ политической рекламы США, в которой использован прием пародий, данный в докладе известного рекламиста и рекламоведа А. А. Бергера, подключившегося к собранию с берегов Тихого океана.

В начале работы круглого стола прозвучал доклад одного из основоположников изучения языка рекламы в России П. Б. Паршина «За что боролись? Вызовы цифровой эпохи и стратегии адаптации к ним лингвиста и лингвистики». Он задал тон дальнейшего обсуждения, перечислив изменения в способах коммуникации и в инструментарии его описания, во многом перекликаясь с замечаниями К. А. Баранникова. Доклад ученого из МГИМО продемонстрировал наличие предпосылок к радикальным сдвигам в лингвистике в связи с развитием технологий искусственного интеллекта, причем эти изменения способны стереть многие языковедческие направления и школы. Однако глубокий и одновременно смелый подход к совершенствованию лингвистического инструментария и расширению областей его применения может дать толчок к развитию лингвистики уже на новом уровне. Как представляется, в ходе обсуждения эти перспективы были в поле зрения участников.

Мероприятие, на котором, по традиции, помимо докладчиков присутствовали специалисты, педагоги, студенты, завершилось лекцией признанного мэтра, профессора Софийского университета, автора многих книг по языку рекламы Христо Кафтанджиева «Цифровые маркетинговые коммуникации — семиотические и межкультурные аспекты» [4, с. 7–15].

Обсуждению, проведенному на платформе Microsoft Teams, предшествовал выпуск сборника работ по проблематике круглого стола [4].

Литература

1. Борисова Е. Г. Маркетинговая лингвистика: направления и перспективы // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 4. С. 140–143.
2. Викулова Л. Г., Макарова И. В., Новиков Н. В. Институциональный дискурс цифровой дипломатии: новые коммуникативные практики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2016. Т. 15. № 3. С. 54–65.
3. Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста: коллективная монография / отв. ред. Л. Г. Викулова и Е. Г. Борисова. М.: Флинта, 2019. 164 с.
4. Маркетинговая лингвистика в цифровую эпоху: сб. науч. ст. / сост.: Е. Г. Борисова; под общ. ред. Л. Г. Викуловой. М.: Языки народов мира, 2021. 142 с.
5. Учет фактора адресата в современном образовательном дискурсе / А. В. Щепилова и др. // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 3 (27). С. 68–82.
6. Modern Media Advertising: Effective Directions of Influence in Business and Political Communication / M. R. Zheltukhina et al. // Man in India. 2017. Т. 97. № 14. С. 207–215.
7. Naming as Instrument of Strengthening of the Dynastic Power in the Early Middle Ages (France, England Vth–XIth centuries) / M. R. Zheltukhina et al. // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Т. 11. № 14. С. 7195–7205.

References

1. Borisova E. G. Marketingovaya lingvistika: napravleniya i perspektivy` // Verxnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2016. № 4. S. 140–143.
2. Vikulova L. G., Makarova I. V., Novikov N. V. Institucional'ny`j diskurs cifrovoj diplomatii: novy`e kommunikativny`e praktiki // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazy`koznanie. 2016. T. 15. № 3. S. 54–65.
3. Marketingovaya lingvistika. Zakonomernosti prodvigayushhego teksta: kolektivnaya monografiya / отв. red. L. G. Vikulova i E. G. Borisova. M.: Flinta, 2019. 164 s.
4. Marketingovaya lingvistika v cifrovuyu e`poxu: sb. nauch. st. / sost.: E. G. Borisova; pod obshh. red. L. G. Vikulovoj. M.: Yazy`ki narodov mira, 2021. 142 s.
5. Uchet faktora adresata v sovremennom obrazovatel'nom diskurse / A. V. Shhepilova i dr. // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoe obrazovanie. 2017. № 3 (27). S. 68–82.
6. Modern Media Advertising: Effective Directions of Influence in Business and Political Communication / M. R. Zheltukhina et al. // Man in India. 2017. Т. 97. № 14. С. 207–215.
7. Naming as Instrument of Strengthening of the Dynastic Power in the Early Middle Ages (France, England Vth–XIth centuries) / M. R. Zheltukhina et al. // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Т. 11. № 14. С. 7195–7205.

**E. V. Biryukova,
E. G. Borisova**

**Marketing Linguistics:
Challenges and Chances for Further Development**

The article features the outcomes of the round table talk «Marketing linguistics in digital perspective», that took place in Moscow City University, Institute of foreign languages on March, 19 2021. The paper marketing linguistics evolving as a research area as well as the prospects of its development against the digitalization of the society.

Keywords: marketing linguistics; research area ; semiotic and cross-cultural aspects; digital economics; artificial intelligence.

Бирюкова Евгения Викторовна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой германистики и лингводидактики Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

E-mail: biryukovaev@mgpu.ru

Борисова Елена Георгиевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

E-mail: borisovaeg@mgpu.ru

Воробьева Елена Юрьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

E-mail: velena2007@mail.ru

Горностаева Юлия Андреевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и прикладной лингвистики Сибирского федерального университета (Красноярск).

E-mail: yulyatald@yandex.ru

Гурулева Татьяна Леонидовна — доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры китайского языка Института иностранных языков Московского городского педагогического университета; ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: gurulevatatiana@mail.ru

Девятова Надежда Михайловна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

E-mail: deviatovan@mail.ru

Деркач Александр Владимирович — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры японского языка Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

E-mail: derkachav@mgpu.ru

Додыченко Елена Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и культуры речи Саратовской государственной юридической академии.

E-mail: lina2006_73@mail.ru

Дьяченко Мария Павловна — соискатель кафедры романской филологии Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

E-mail: maria.diatchenko@gmail.com

Иванкина Галина Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета.

E-mail: galina_ivan@mail.ru

Казаченко Оксана Васильевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

E-mail: Kazachenko_07@mail.ru

Колмогорова Анастасия Владимировна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой романских языков и прикладной лингвистики Сибирского федерального университета (Красноярск).

E-mail: akolmogorova@sfu-kras.ru

Кондратова Татьяна Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского языка Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

E-mail: kondratovatat@rambler.ru

Красовицкая Юлия Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой германистики и лингводидактики Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

E-mail: krasovickayayuv@mgpu.ru

Крашенинникова Ирина Вячеславовна — аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов.

E-mail: irino4ka90@list.ru

Лян Сюэфэй — аспирант кафедры русской литературы филологического факультета Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена.

E-mail: 1459400037@qq.com

Миронова Неля Ринатовна — аспирант кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

E-mail: bikkulovan@yandex.ru

Овсейчик Юлия Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета.

E-mail: ovsei77@rambler.ru

Попова Анастасия Викторовна — старший преподаватель кафедры китайского языка Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

E-mail: popovaav@mgpu.ru

Рязанова Валерия Александровна — аспирант кафедры русского языка Донецкого национального университета (ДНР).

E-mail: v.riazanova@donnu.ru

Стеколыщикова Ирина Витальевна — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

E-mail: vasiliiy333@mail.ru

Тарева Елена Генриховна — доктор педагогических наук, профессор, директор Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

E-mail: tarevaeg@mgpu.ru

Чеснокова Татьяна Григорьевна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории «Rossica: русская литература в мировом культурном контексте» Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

E-mail: tchesno@bk.ru

AUTHORS
of «MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics.
Linguistic Education», 2021, № 3 (43)

Biryukova Evgenia Viktorovna — Doctor of Philology, full professor, Head of German Studies and Linguistic Didactics Department, Institute of Foreign Languages, Moscow City University.

E-mail: biryukovaev@mgpu.ru

Borisova Elena Georgievna — Doctor of Philology, full professor, professor of German Studies and Linguistic Didactics Department, Institute of Foreign Languages, Moscow City University.

E-mail: borisovaeg@mgpu.ru

Vorobyeva Elena Yurievna — PhD (Philology), assistant professor of French Language and Culture Department, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Moscow State University named after M. V. Lomonosov.

E-mail: velen2007@mail.ru

Gornostaeva Yulia Andreevna — PhD (Philology), associate professor of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Siberian Federal University (Krasnoyarsk).

E-mail: yulyatald@yandex.ru

Guruleva Tatiana Leonidovna — Doctor of Pedagogy, docent, professor of Chinese Language Department, Institute of Foreign Languages, Moscow City University; leading research fellow, Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences.

E-mail: gurulevatatiana@mail.ru

Devyatova Nadezda Mihailovna — PhD (Philology), full professor, professor of the Russian Language and General Linguistics Department, Institute of Humanities, Moscow City University.

E-mail: deviatovan@mail.ru

Derkach Aleksandr Vladimirovich — PhD (Pedagogy), docent, associate professor of the Japanese Language Department, Institute of Foreign Languages, Moscow City University.

E-mail: derkachav@mgpu.ru

Dodychenko Elena Alexandrovna — PhD (Philology), docent, associate professor of Russian Language and Culture Department, Saratov State Legal Academy.

E-mail: lina2006_73@mail.ru

Dyachenko Maria Pavlovna — postgraduate student at the Department of Roman Philology, Institute of Foreign Languages, Moscow City University.

E-mail: maria.diatchenko@gmail.com

Ivankina Galina Alexandrovna — PhD (Philology), associate professor of Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Political Sciences, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University.

E-mail: galina_ivan@mail.ru

Kazachenko Oksana Vasilyevna — PhD (Philology), associate professor of Foreign Philology Department, Institute of Humanities, Moscow City University.

E-mail: Kazachenko_07@mail.ru

Kolmogorova Anastasiya Vladimirovna — Doctor of Philology, full professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Siberian Federal University (Krasnoyarsk).

E-mail: akolmogorova@sfu-kras.ru

Kondratova Tatiana Ivanovna — PhD (Philology), associate professor of Chinese language Department, Institute of Foreign Languages, Moscow City University.

E-mail: kondratovatat@rambler.ru

Krasovizkaya Yuliya Vladimirovna — PhD (Philology), docent, Deputy Head of German Studies and Linguistic Didactics Department, Institute of Foreign Languages, Moscow City University.

E-mail: krasovickayayuv@mgpu.ru

Krasheninnikova Irina Vyacheslavovna — postgraduate student of Foreign language Department, Philology Faculty, Peoples' Friendship University of Russia.

E-mail: irino4ka90@list.ru

Liang Xuefei — postgraduate student, Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: 1459400037@qq.com

Mironova Nelya Rinatovna — postgraduate student of Russian Literature Department, Institute of Humanities, Moscow City University.

E-mail: bikkulovan@yandex.ru

Auseichyk Yulia Vladimirovna — PhD (philology), docent, associate professor of Department of General Linguistics, Minsk State Linguistic University.

E-mail: ovsei77@rambler.ru

Popova Anastasia Vladimirovna — assistant professor of the Chinese Language Department, Institute of Foreign Languages, Moscow City University.

E-mail: Studioaa2001@yandex.ru

Riazanova Valeria Aleksandrovna — postgraduate of Russian Language Department, Donetsk National University.

E-mail: v.riazanova@donnu.ru

Stekol'shchikova Irina Vital'evna — Doctor of Philology, docent, associate professor of English Studies and Cross-Cultural Communication Department, Institute of Foreign Languages, Moscow City University.

E-mail: vasilij333@mail.ru

Tareva Elena Genrihovna — Doctor of Pedagogy, full professor, director of Institute of Foreign Languages, Moscow City University.

E-mail: tarevaeg@mgpu.ru

Chesnokova Tatiana Grigoryevna — PhD (Philology), docent, senior researcher of the laboratory «Rossica: Russian literature in world cultural context», A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: tchesno@bk.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт: Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а. л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия на русском языке помещается аннотация (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяет их точка с запятой. Также указывается автор, название статьи, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка». Также приводится транслитерация библиографического списка в соответствии с ГОСТ 7.79–2000.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [3, с. 147].

6. Рукопись подается в редакцию журнала на электронном и бумажном носителях.

7. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов), отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей), заверенный печатью и подписью.

8. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на сайте журнала: www.vestnik-filologiya-lingvodidaktika.mgpu.ru

Плата за публикацию рукописей не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к заместителю главного редактора Ларисе Георгиевне Викуловой (Москва, Малый Казенный пер., 56, каб. 444).

Телефон редакции: (495) 607-76-37. E-mail: VikulovaLG@mgpu.ru

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ

Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»

MCU Journal

of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education

2021, № 3 (43)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82093 от 17 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *Е. Г. Тарева*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

Л. А. Борботько

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

E-mail: niic@mgpu.ru

Подписано в печать: 09.11.2021.

Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Объем: 10,75 печ. л. Тираж 1000 экз.